

ЕВГЕНИЙ ВОЛКОВ

КОЛЧАКОВСКОГО ГЕНЕРАЛА

ЕВГЕНИЙ ВОЛКОВ

СУДЬБА КОЛЧАКОВСКОГО ГЕНЕРАЛА

Страницы жизни М. В. Ханжина

Екатеринбург
ФГУИПП «Уральский рабочий»
1999

Волков Евгений Владимирович

В 67 Судьба колчаковского генерала. Страницы жизни М. В. Ханжина.— Екатеринбург: ФГУИПП «Уральский рабочий», 1999 — 200 стр. + 8 стр. вкл.

В монографии предпринята попытка воссоздания образа одного из активных участников и организаторов белого движения на Урале генерала Михаила Васильевича Ханжина, выходца из среды оренбургского казачества.¹ Автор использовал широкий круг источников, в том числе воспоминания близких генерала, что делает их уникальными в потоке современных исследований, основанных, как правило, на косвенных материалах.

Работа рассчитана на студентов вузов, учащихся лицеев и школ, краеведов и всех, кому небезразлична история Отечества.

ISBN 5-85383-144-5

Научные редакторы:

доктор исторических наук, профессор А. П. Абрамовский
доктор исторических наук, профессор В. С. Кобзов

Рецензент: кандидат исторических наук,
доцент А. В. Априлков

Художник Н. Конюченко

Спонсор издания Б. А. Волков

От автора

Жизнь человека, о котором повествует эта книга, тесно связана с историей российской армии, белого движения и русской эмиграции в Китае. Его имя нередко встречается в книгах о гражданской войне, выдвинувшей на авансцену российской истории много незаурядных людей. Одним из них и был генерал Михаил Васильевич Ханжин, воевавший за свое Отечество и в русско-японскую, и в первую мировую, и в гражданскую войны.

Для восстановления исторической правды, после семидесяти лет ненависти и презрения к соотечественникам, которые не мыслили категориями мировой революции, жизнь настоятельно диктует создание более объективных портретов не только непосредственных руководителей «белого дела» М. В. Алексеева, Л. Г. Корнилова, А. В. Колчака, А. И. Деникина, но и генералов армий контрреволюции А. П. Кутепова, В. О. Каппеля, А. Н. Пепеляева, М. В. Ханжина... Никто в истории не должен быть забыт.

Известный французский историк XIX века Жюль Мишле говорил: «История — это воскрешение». И с этим, наверное, стоит согласиться. Поэтому основная цель, которую автор ставил перед собой, — это воскресить, вернуть из исторического небытия незаслуженно забытого русского генерала Ханжина, его деяния и поступки. Ведь издревле считается, что если о человеке знают и помнят, он живет вместе с нами на этой земле, в нашем духовном мире.

В книге использованы архивные материалы, касающиеся деятельности Ханжина. Послужные списки генерала, его служебная переписка, приказы о нем и его собственные. Мемуары военных и гражданских коллег Михаила Васильевича, воспоминания близких родственников, а также публикации, посвященные его военной карьере и жизненному пути.

Автор приносит искреннюю благодарность за помощь и доброе отношение потомкам генерала: Юрию Михайловичу, его супруге Евгении Александровне и Льву Игоревичу Ханжиным. За содействие и конструктивную критику автор очень признателен профессору, доктору исторических наук, заслу-

женному деятелю науки России Андрею Петровичу Абрамовскому, профессору, доктору исторических наук Владимиру Серафимовичу Кобзову, краеведу Владимиру Петровичу Баканову, библиографу Отдела фондов Русского Зарубежья Государственной публичной исторической библиотеки России, главному редактору журнала «Военная быль» Андрею Сергеевичу Кручинину; за помощь технического характера — сотруднику Центра историко-культурного наследия Челябинска Андрею Ильичу Скорикову и сыну Максиму. Слово благодарности необходимо сказать в адрес спонсора издания Бориса Анатольевича Волкова, без трудов которого данная книга вряд ли вышла бы в свет, а также Павлу Вахонину, оказавшему материальную поддержку в период ее создания.

Работая над книгой, автор стремился быть объективным и беспристрастным. Насколько это удалось — судить читателям.

Глава первая

ИСТОКИ

Люди, как реки — имеют свои истоки, которые в той или иной степени накладывают отпечаток на всю их жизнь. Человеку не дано выбирать себе родословную, страну, эпоху. Все это дается ему при рождении. И не последнюю роль здесь играет «его величество случай».

Семейная легенда нашего героя гласит, что фамилия «Ханжин» произошла от татарского хана по имени Жин. Он после взятия Казани ратью Ивана Грозного принял православие, женился на русской девице и таким образом стал основателем рода Ханжиных. Согласно легенде существовала даже царская грамота на имя хана, принявшего христианскую веру. Она являлась своего рода семейной реликвией до тех пор, пока не сгорела в пламени внезапно вспыхнувшего пожара. По мнению же одного известного лингвиста, эта русская фамилия происходит от личного прозвища «ханжа»¹.

История рода Ханжиных тесно связана с Оренбургским казачьим войском, основной задачей которого была охрана рубежей Российской империи от набегов кочевников и хозяйственная колонизация Южноуральского края. Поэтому вся жизнь казаков протекала в трудах и боях с мятежными башкирами и киргиз-кайсаками.

Упоминания о носителях этой фамилии встречаются в документах Оренбургского казачьего войска с конца XVIII века. Так, 6 мая 1780 г. сотник Алексей Матвеевич Ханжин был произведен князем Г. А. Потемкиным в войсковые старшины и назначен атаманом исетских казаков, а через три года ему пожаловали чин премьер-майора. Происходил Алексей Ханжин из канонирских детей, на службу поступил в 1740 г. Ему неоднократно приходилось встречаться в боях с киргиз-кайсаками. Имел ранение в правую ногу. Участвовал в подавлении Пугачевского восстания. Его сын, Дмитрий Алексеевич Ханжин, начал службу писарем в Оренбургском нерегулярном корпусе. 12 мая 1794 г. он, так же как когда-то его отец, назначается

атаманом исетеких казаков. Эту должность он исполнял в течение восьми лет. В 1803 г. при реорганизации системы управления оренбургским казачеством Дмитрия Ханжина назначили «непрерывным» (т. е. постоянным) членом Войсковой канцелярии. Через три года ему присвоили чин капитана, а в 1819 г. Д. А. Ханжин, будучи уже майором, ушел в отставку по собственному желанию².

Есть и другие свидетельства, датируемые XIX веком. При разделении казачьей территории на кантоны некий есаул Ханжин 2-й явился начальником Чебаркульской станицы. Летом 1839 г., когда степные орды мятежного киргизского султана Кенисары Касымова совершали набеги на казачьи станицы и поселки края, а также на своих соплеменников, выражавших миролюбие и покорность российским властям, вслед за ними из станицы Наследниковой был послан отряд есаула Ханжина, который настиг кочевников и отбил у них одну девушку-киргизку, вьютую в плен, 101 верблюда, 8 лошадей и 500 баранов³.

Кто знает, являлись ли эти люди близкими или дальними родственниками Михаила Васильевича Ханжина, его предками? Установить это не удалось. Можно констатировать лишь одно, что в разное время они играли не последнюю роль в Оренбургском казачьем войске, имея офицерские чины и командуя воинскими формированиями.

Точкой отсчета, «откуда есть и пошло» Оренбургское казачье войско, считается 1574 г., когда в царствование Ивана Грозного воевода Нагой с казаками и стрельцами заложил Уфимский острог на реке Белой Воложке. Затем близлежащая территория стала заселяться казаками, крестьянами, отставными военными.

Строительство пограничной укрепленной линии в степном Зауралье, состоящей из небольших крепостей, казачьих станиц и поселков, началось в 1735 г. по инициативе И. К. Кириллова, обер-секретаря Сената, руководителя «Оренбургской экспедиции», автора первого экономико-географического описания России, и продолжалось при его преемниках В. Н. Татищеве, В. А. Урусове, И. И. Неплюеве. Это было частью правительственного плана перенесения государственной границы на юго-восток от Башкирии и окончательного включения ее в состав Российской империи. К середине 40-х годов XVIII в. Оренбургский край оказался достаточно плотно заселен, а его жители в большей, чем прежде, степени защищены от нападений кочевников.

Административным центром края стал город Оренбург, закладку которого осуществили по указанию Кириллова в 1735 г.

недалеко от устья реки Ори «на малой горе Преображенской»⁴. Впоследствии, по инициативе Гатищева, строительство Оренбургской крепости перенесли в урочище Крысная гора. Позднее новый начальник края Неплюев, лично осмотрев место для крепости, признал его непригодным. Отправив в Сенат подробное донесение, он объездил степь и остановил свой выбор на Бердской слободе, у которой и началось строительство столицы края.

Законодательное оформление статуса Оренбургского казачьего войска, определившее его территорию, состав, организацию, управление, началось с середины XVIII в. и продолжалось в виде правительственных указов на протяжении почти ста лет. Постепенно из коренного населения края в состав войска вошли татары, таджики, башкиры, тегири, мешеряки, мордва, калмыки.

Необходимо сказать, что Оренбургское казачество в отличие от Донского, Кубанского, Яицкого (затем — Уральского) и некоторых других, возникших из белой волницы, было образовано решением верховной власти и с самого начала своего существования практически не имело традиций самоуправления с выборными атаманами, старшиной и Войсковыми кругами. С первых лет оно попало под жесткий контроль местной администрации, которая регламентировала буквально все сферы деятельности казачьих общин — от несения службы до ведения хозяйства включительно. За малейшие провинности казаков подвергали телесным наказаниям. Смертельных случаев в результате таких экзекуций было немало. Даже после того, как в 1861 г. помещичьи крестьяне получили свободу, казаки фактически оставались военно-крепостным сословием страны⁵.

К началу XIX в. пограничная с киргизской степью Оренбургская линия проходила от области Уральского казачьего войска (от станицы Рассылной) вверх по реке Урал до крепости Верхнеуральск и затем вниз по рекам Ую и Тоболу до пределов Сибирского генерал-губернаторства (станция Звериноголовская). Население, проживавшее на узкой полосе линейных крепостей — Орской, Таналыцкой, Магнитной, Верхнеуральской, Степной и Троицкой, постоянно подвергалось нападениям со стороны степных кочевников, которые разоряли башкирские и казачьи селения, угоняли скот и пленных.

С целью прекращения разбоя на границе и окончательного разединения киргизов и башкир в тридцатые годы XIX в. была создана новая пограничная линия, перенесенная на

100—150 верст в киргизскую степь. Идея переноса границы принадлежала оренбургскому генерал-губернатору графу П. П. Сухтелену, герою войны 1812 г. Но воплотил ее в жизнь преемник Сухтелена генерал-адъютант В. А. Перовский. Таким образом, за счет создания Новолинейного района, где появились укрепленные казачьи станицы и поселки, область Оренбургского казачьего войска значительно расширилась. Теперь его граница со степными кочевниками проходила от Орска в северо-восточном направлении до поселка Березовского на реке Уй.

Помимо пограничной службы оренбургские казаки с конца XVIII в. принимали активное участие во многих войнах, которые вела Россия. Кроме того, их часто использовали для подавления различного рода антиправительственных выступлений. К началу XX в. по численности и количеству выставляемых воинских частей Оренбургское казачье войско после Донского и Кубанского являлось наиболее значимым в стране среди остальных. По уровню грамотности оно превосходило все другие казачьи войска Российской империи ⁶.

Будущий генерал Михаил Ханжин родился 17 октября 1871 г. в Самарканде, где его отец Василий Ханжин нес службу в одной из казачьих частей. Социальное происхождение нашего героя, впервые увидевшего свет, было невысоким. Только отец ребенка, казачий есаул, занимающий согласно Табели о рангах чин 9-го класса, имел личное дворянство. Михаил, как сын есаула, относился по российским законам тех лет к категории «офицерских детей» и не мог иметь дворянского звания, пока сам его не заслужит.

Выйдя в отставку, Василий Ханжин вместе со своей супругой Агнией Петровной, урожденной Водошняновой, и детьми поселился в станице Степной Троицкого уезда Оренбургской губернии. При этом отставной есаул должен был получить не менее 200 десятин земли в потомственную собственность ⁷.

Станица Степная разбросала свои избы по обоим берегам речки Уй. На правом, степном, берегу находилась небольшая крепость. Она служила укрытием для жителей станицы во время набегов кочевников. Но тревожные времена давно прошли, и крепость почти всегда пустовала, храня в своих стенах память о тех бурных днях, когда казакам приходилось защищать свою станицу от киргиз-кайсаков. Здесь же, на правом берегу, возвышалась станичная церковь, место очищения души и пробуждения совести.

На другом, левом, берегу расположился форштадт, предместье крепости. В основном здесь жили крестьяне-переселенцы из других губерний, отставные военные, разночинцы, причисленные к казачьему сословию, а также лица, находящиеся под надзором полиции. Так, еще в 1819 г. «по Высочайшему повелению от графа Аракчеева за участие в возмущении в городе Чугуеве бывшем», в станицу под конвоем доставили отставного поручика Василия Щербину, прожившего здесь на положении ссыльного до конца своих дней⁸. И такие люди здесь не являлись редкостью.

В Степной проживали Водопьяновы, родственники матери Михаила Ханжина. Они принадлежали к старинному русскому роду. По устному преданию Водопьяновы ведут свои корни от московских стрельцов.

Василий и Агния Ханжины имели четверых детей: Александра, Лидию, Михаила и Елену. Дети росли среди удивительной природы, соединившей в себе уральские возвышенности со степными просторами. Станицу окружали сопки со скалистыми выходами горных пород, обрамленными небольшими лесками. Вдали за форштадтом шумел сосновый бор. Приволье и простор господствовали здесь во всем.

Миша со своими сверстниками-казачатами, как все дети в этот безмятежный и счастливый период жизни, играл в салочки, купался, ездил на лошади, собирал грибы, ягоды. Азы грамотности он постигал в начальной станичной школе. Когда Мише исполнилось одиннадцать лет, отец решил определить его на учебу в Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, единственное общеобразовательное учебное заведение в крае, по окончании которого можно было рассчитывать на приличную военную карьеру. К тому же на Мишу, как сына казака, распространялись льготы, обеспечивающие ему обучение за счет средств Оренбургского казачьего войска. Весной 1883 г. отец с сыном отправились в Оренбург, где Ханжин-младший держал перед приемной комиссией четыре экзамена: по закону божьему, по русскому языку, по арифметике, по чистописанию⁹.

На экзаменах Миша показал, что знает основные молитвы и рассказы из священной истории Ветхого и Нового заветов, умеет бегло читать и пересказывать прочитанное, владеет главными правилами грамматики, решает несложные математические задачи, пишет грамотно и чисто, «правильными буквами средней величины». В итоге 14 августа 1883 г. его зачислили в Неплюевский кадетский корпус как «пансионера Оренбургского казачьего войска»¹⁰.

Глава вторая

«ЗВАНЬЕ СКРОМНОЕ И ГОРДОЕ — КАДЕТ»

Эти слова взяты из песни, которую сложили и распевали мальчишки в военных мундирах, шагая колоннами по пыльным походным дорогам или чеканя шаг на парадах, а порой просто расположившись в тесном кругу товарищей по учебе.

Слово «кадет» в переводе с французского означает младший сын в дворянском семействе. Начиная с XVII в. «кадетами» стали называть юношей из высшего сословия, обучающихся воинскому ремеслу. Первая кадетская школа появилась в Пруссии в 1653 г., а позднее, при короле Фридрихе Первом, ее переименовали в кадетский корпус, который давал своим воспитанникам общее и военное образование. В России первые военно-учебные заведения возникли в результате реформаторских деяний Петра, а первый кадетский корпус — при Анне Иоанновне.

Кадетский корпус, где начал свою учебу Миша Ханжин, являлся одним из старейших. Он был открыт в 1825 г. как Оренбургское Неплюевское военное училище¹. Позднее, в 1844 г., училище переименовали в кадетский корпус. С 1863 по 1882 год это учебное заведение вследствие разного рода реформаторских экспериментов называлось военной гимназией. Забегая вперед, необходимо отметить, что после февральской революции корпус снова превратили в военную гимназию. Когда в январе 1918 г. большевики захватили город, она стала 1-й Оренбургской трудовой школой. С приходом «белых» — опять кадетским корпусом. Затем его эвакуировали в Иркутск, где он и закончил свое существование после падения власти адмирала А. В. Колчака в Сибири.

Это учебное заведение принимало под свою крышу подростков как православного, так и мусульманского вероисповеданий, что делало его уникальным. Здесь учились дети офицеров и чиновников Оренбургского казачьего войска, киргизских султанов, баев, башкирских старшин, купцов всех гильдий и просто «людей свободного состояния».

Неплюевский кадетский за многие годы своего существования стал настоящей кузницей будущих офицеров, переводчиков, чиновников, уважаемых и известных не только в Оренбургском крае, но и далеко за его пределами. Более семидесяти

его воспитанников дослужились до генеральских погон². Среди них, в частности, были герой русско-турецкой войны В. Д. Дандевиль, военный министр Д. С. Шуваев, профессор академии Генерального штаба, военный писатель В. М. Аничков, казацкие атаманы А. И. Дутов и В. С. Толстов, большой знаток артиллерийского дела В. Ф. Кирей и ряд других генералов.

В стенах корпуса хранились свои ценные реликвии: подарки императора Петра Первого калмыцкому князю П. П. Тайше — евангелие, крест, «священные сосуды», кадило и другие церковные принадлежности XVII в., а в так называемой «швейцарской комнате» кадеты могли лицезреть большие настенные часы екатерининской эпохи. Библиотека корпуса считалась по тем временам достаточно богатой, насчитывая до 50 тысяч томов русской и иностранной литературы³.

Новоиспеченный кадет Михаил Ханжин после медосмотра, бани и парикмахера, постригшего его «под три нуля», получив форму с синими погонами на кителе, обрамленными желтым кантом, на которых красовались две буквы — «О» и «Н», стал одним из воспитанников этого учебного заведения. На курсе вместе с ним обучалось более сорока ребят, разбитых на два отделения с офицером-воспитателем во главе.

Воспитателями кадетских отделений и рот обычно назначались офицеры, прослужившие не менее пяти лет в полку и окончившие специальные педагогические курсы. Затем их прикомандировывали к учебному заведению на три года, которые считались испытательным сроком. Только после этого они становились штатными офицерами кадетского корпуса, если не имели отрицательной аттестации со стороны своего начальства. Но в провинции, из-за нехватки здесь офицерских кадров, воспитателями, особенно в младших классах, могли быть и гражданские лица. Так, воспитанием кадета-неплюевца М. Ханжина в первый год его обучения занимался коллежский советник Константин Яковлевич Яковлев, окончивший Гатчинский Николаевский институт и служивший до этого в канцелярии уфимского губернатора. Во втором классе, в первом полугодии, воспитателем отделения, где учился Миша, являлся тридцатилетний статский советник Федор Георгиевич Рождественский, выпускник Киевской Духовной академии, кандидат богословия, но впоследствии уволенный с церковной службы по собственному прошению. В 1886 г. он станет помощником инспектора класса корпуса⁴. Ф. Г. Рождественского сменил исполняющий должность воспитателя казачий есаул В. Трофимов, который славился своей строгостью и спуску кадетам

не давал. Последним наставником Ханжина в период его учебы в корпусе стал капитан Ф. Е. Грибель, человек умный и проныцательный.

Директором корпуса тогда был замечательный педагог, оставивший среди воспитанников добрую память о себе, генерал Феофил Матвеевич Самоцвет. Еще в 60-е годы он начал работать в стенах этого учебного заведения, будучи в то время единственным среди всего преподавательского состава офицером с высшим военным образованием. В 1876 г. его назначили директором корпуса. На этом посту генерал Самоцвет находился почти тридцать лет.

Преподаватели в массе своей были люди штатские, типичные представители провинциального дворянства и интеллигенции. Среди них значились выходцы из купцов и священников, из ремесленников и крестьян, из мещан и подданных иностранных государств. Андрей Иванович Давыдов и Григорий Григорьевич Заварин обучали различным наукам cadетов трех младших классов. Первый из них — сын церковнослужителя, а второй — потомственный дворянин. Оба закончили учительскую семинарию военного ведомства. «Естественную историю» преподавал Анатолий Михайлович Бездедович, дворянин без имения, человек с университетским образованием, бывший ранее преподавателем в Полтавской военной гимназии. Немецкий язык — Евгений Карлович Вейгелин, сын купца, лютеранин, в молодости — студент физико-математического факультета Дерптского университета, отец большого семейства. Физику — статский советник Иван Александрович Остроумов, выходец из крестьян, получивший образование в Московском университете и имевший 700 десятин земли в Уфимской губернии. Закон божий проповедовал священник Василий Григорьевич Сырогожский, окончивший Санкт-Петербургскую Духовную академию. Французскому языку Мишу и его товарищей обучали Изидор Карлович Жанкола и Петр Иванович Гра, французы, принявшие российское подданство. Русский язык и словесность преподавал Федор Матвеевич Лисицын, бывший выпускник Санкт-Петербургской академии и педагогических курсов при военной гимназии. Гимнастику — Антон Макарович Дорман, сын мещанина Каменец-Подольской губернии. Географию — коллежский советник Егор Алексеевич Виноходов и коллежский асессор Ананий Илларионович Поторжинский. Первый являлся выходцем из купеческого сословия, окончившим Санкт-Петербургский технологический институт, а второй — из семьи священника, с дипломом учительской семинарии военного ведомства. Математику вел молодой двадцати-

четырёхлетний дворянин Петр Петрович Мей, в недавнем прошлом студент столичного университета. Примечательно, что в жены он взял крестьянскую дочь. Но судьба сурово обошлась с молодыми: все их дети умирали в младенческом возрасте. Рисованию и умению видеть прекрасное учил Сергей Иванович Сыров, сын московского купца, получивший образование во 2-й Московской рисовальной школе, учрежденной графом Строгановым в 1850 году⁵. В целом образовательный уровень преподавателей корпуса в тот период был достаточно высок, многие из них имели высшее образование, что, естественно, отразилось на качестве знаний кадетов.

Все воспитанники корпуса подразделялись на три возраста: младший — 1-й и 2-й классы, средний — 3-й и 4-й классы, старший — 5-й, 6-й и 7-й классы, когда их уже формировали в роты под командованием офицеров.

При кадетском корпусе постоянно жили так называемые «дядьки» из старослужащих, выполняющие в основном хозяйственные работы. Один из них, старый скобелевский солдат Голубев, учил на досуге кадетов плетению рыболовных снастей и стругал из дерева «кубари», которые на переменах учащиеся младших классов гоняли по паркету небольшими кнутами⁶.

Жизнь в корпусе протекала строго по расписанию, под звуки трубы и барабана. Подъем в 5.30 утра, в 6 часов — утренний чай, с 6.30 до 8.00 воспитанники готовили домашнее задание, с 9 до 12 часов — два полуторачасовых урока с одним перерывом в четверть часа, потом, до обеда, фронтовое учение или, раз в неделю, танцы и гимнастика. После обеда, с 16 часов, — еще два урока, в 20.00 — ужин и через час отбой. Такой распорядок дня в Неплюевском корпусе существовал в середине XIX века⁷. Думается, что он не претерпел больших изменений и к восьмидесятым годам этого столетия.

Первые недели для Миши Ханжина, как и для других новичков, оказались очень тяжелыми: трудно было привыкать после беззаботного детства к столь строгой дисциплине, царившей в корпусе. Некоторые из первоклассников попытались вернуться «домой к маме», но «дядьки» бдительно несли службу.

В казарменных помещениях корпуса по утрам, несмотря на сезон, настежь открывались все окна. Закалка кадетов начиналась со второго класса. Осенью они ходили в одних мундирчиках на холстяной подкладке, а зимой — в шинелях, «подбитых ветром». Другой теплой одежды кадеты не знали. В холода, как правило, почти у всех новичков появлялись «цыпки», кожа на их руках становилась шершавой, а затем давала трещины. Чесотка тоже была частым явлением. Против этих болезней,

как и против многих других, использовалось одно универсальное средство — касторка.

С шестого класса воспитанники корпуса начинали заниматься с настоящим боевым оружием. Осваивали приемы стрельбы из винтовки, совершали многоверстные «военные прогулки» под бой барабанов и походные песни. Кадеты, как правило, исполняли «Бородино», «Полтаву», «Вдоль по речке, вдоль да по Казанке», «Чубарики-чубчики», казачьи песни. В походе и на привалах офицеры требовали от своих подопечных производить всевозможные перестроения, наступать цепями, делать перебежки, разведку местности и т. д.

Общаясь между собой, кадеты часто говорили друг другу «товарищ», но звучали и другие слова. Воспитанников младших классов, например, называли «зверьми». Старшеклассников — «старичками». Докладывающих начальству о нарушениях других — «фискалами». Учащихся, постоянно сидящих за учебниками, — «зубрилами». Несчастных мальчиков, страдавших от неумения ночью вовремя просыпаться, — «рыбаками» или «мореплавателями». Все гражданские лица на кадетском жаргоне презрительно именовались «шпаками». Среди воспитанников корпуса господствовали законы и правила «цука», основанного на культе кулака, когда старшие кадеты «воспитывали» младших, уча их уму-разуму. Неудобным или плохо понимающим эти традиции иногда устраивали «темную». Вообще такие жесткие обычаи привились на русской почве давно. Существует мнение, что они были заимствованы у немецких и дерптских студентов.

Обыкновенно самым хулиганским возрастом считались кадеты 4—5 классов. Поэтому для многих воспитателей работа с этими ребятами являлась своеобразным «чистилищем», через которое необходимо пройти.

Наказания нерадивых кадетов со стороны учебного начальства отличались большим разнообразием. В младших классах по решению Педагогического Совета практиковалось временное снятие погон с провинившихся учащихся, которые должны были после этого ходить позади всей роты. А кадеты постарше могли даже угодить на гауптвахту. Ежегодно в декабре Педагогический Совет исключал отдельных учащихся за неуспеваемость и недостойное поведение. Среди кадетов таких ребят иронически называли «декабристами». Но порой неуспевающих подростков оставляли на второй год.

Главной задачей воспитания кадетов считалось привитие им чувства патриотизма, любви, преданности царю и Родине. «Во всей корпусной обстановке,— вспоминал позднее один

из бывших воспитанников,— было нечто такое, что без слов говорило об этих высоких понятиях, говорило без слов детской душе о том, что она приобщалась к тому миру, где смерть за Отечество есть святое и само собой разумеющееся дело. И когда впервые десятилетний ребенок видел, что под величавые звуки «Встречи» над строем поднималось ветхое полотнище знамени, его сердце впервые вздрагивало чувством патриотизма и уже навсегда отдавало себя чувству любви и гордости к тому, что символизировало мощь и величие России»⁸.

Не забывали в корпусе и о неплюевцах, погибших в войнах, бережно храня о них память. На черных плитах в притворе корпусного храма были увековечены их имена.

Однако не одними буднями жили кадеты. В корпусе, помимо официальных праздников, отмечали и свои собственные: 2 января — День основания этого учебного заведения и 13 сентября — «храмовый праздник». Обычно в эти дни в Неплюевском кадетском проходили торжественные молебны, накрывался праздничный стол, его главными атрибутами являлись сладкий крушон и бисквиты. Силами самих воспитанников проводился концерт, где звучали и бравые кадетские песенки, и душевные романсы, и стихи знаменитых поэтов. Под занавес праздника, как правило, устраивался бал, на котором кадеты под звуки духового оркестра вальсировали с гимназистками, приглашенными на праздник.

Как же учился, что изучал, чем увлекался Миша Ханжин в течение тех семи лет, которые он провел в стенах корпуса? О его характере и способностях в период учебы дает представление «Аттестационная тетрадь кадета М. Ханжина», хранящаяся сейчас в фондах Российского военно-исторического архива.

В первом классе Неплюевского кадетского корпуса в 1883/84 учебном году воспитанники изучали такие предметы, как закон божий, грамматика, правописание, французский язык, география, арифметика, «писание», рисование, пение, гимнастика и танцы. При существующей 12-балльной системе оценок, в которой «12» являлась самой высокой, Миша Ханжин после первого года обучения имел средний балл — 9,25. Это был невысокий уровень знаний. Особенно тяжело ему давались танцы и пение. К. Яковлев, воспитатель первого отделения, где состоял первоклассник Ханжин, так описывал особенности и общие черты его характера. «Мальчик живой, внимательный, подвижный. Легко справляется с делом, пошаливает, но за последнее время стал благоразумно сдерживаться. Нравственные задатки хорошие, иногда бывает очень симпа-

тичным и рассудительным, а иногда ветрен и нервно раздражителен. К установленным в заведении правилам, налагаемым на него обязанностям относится добросовестно»⁹.

На втором году учебы к изучаемым предметам добавились фронтовое учение, немецкий язык, «естественная история». Лучшее всего во втором классе Мише давался закон божий и французский язык, хуже — гимнастика, танцы и фронтовое учение. Новый его воспитатель Ф. Рождественский отмечал, что кадет Ханжин часто нарушает дисциплину на занятиях, порой может не приготовить урок. За это он подвергался следующим наказаниям: сокращение отпуска на праздник, лишение двух блюд на обед, «стеснение свободы» и т. д.¹⁰.

В третьем классе, кроме упомянутых выше учебных дисциплин, Миша начал изучать историю, алгебру и геометрию. Хорошие знания в этом учебном году он показал по закону божьему и географии, а также проявил исключительные способности в рисовании. Исполняющий должность воспитателя есаул В. Трофимов характеризовал кадета Ханжина следующим образом: «Вне класса ведет себя довольно скромно и прилично, на уроках же и во время занятий нередко замечали в шалостях и уклонениях от обязательных занятий... Легко справляется с делом благодаря очень хорошим своим способностям»¹¹. Необходимо сказать, что все воспитатели без исключения отмечали у кадета Ханжина страсть к книгам. Даже в неположенное для этого время. К примеру, однажды на уроке арифметики в 3-м классе он был уличен в том, что «занимается чтением посторонней книги» и получил за это выговор¹².

Четвертый год учебы стал для нашего подрастающего героя, видимо, переломным. Практически по всем изучаемым предметам он имел неплохие оценки, а по таким, как «естественная история», закон божий, русский язык и рисование, самые высокие. Прибавили ему баллы и за хорошее поведение. Все тот же есаул В. Трофимов отмечал доброжелательность Миши в общении со своими товарищами, готовность всегда оказать им помощь в подготовке к занятиям¹³.

Пятый класс, в который он перешел в 1887 г., считался уже старшим. Кадетов сформировали в роты под руководством офицеров. Ханжин попал в первое отделение 1-й роты. Учеба в этом году шла у него в целом неплохо. Только по фронтовому учению он имел низкий балл. Офицер-воспитатель капитан Ф. Е. Грибель отмечал, что кадет Ханжин «малообщительный и молчаливый, тихий и довольно скромный юноша...», однако «иногда выказывает склонность протестовать и резонировать, но, будучи в этом останавливаем, быстро успокаивается. К своим

обязанностям относится добросовестно. Вообще юноша исполнительный и радивый». Порой Михаил мог себе позволить и вольности на занятиях. Так, в его «Аттестационной тетради» в графе «Проступки и хорошие поступки» за апрель 1888 г. офицером-воспитателем сделана следующая запись: «На уроке химии дал щелчок в голову впереди сидящему товарищу, а после замечания преподавателя лег головой на парту. Был выгнан из класса». За такое поведение кадета Ханжина посадили на гауптвахту, в обед он получил только один суп, и при этом ему снизили балл за поведение¹⁴. Сейчас трудно сказать, что повлияло на такие вольности Михаила во время урока. Может быть, обида, нанесенная ему «впереди сидящим товарищем», или просто весна, когда юному отпрыску трудно спокойно сидеть на одном месте в аудитории, залитой ярким солнцем?

В следующем учебном году кадет Ханжин, как отмечал его воспитатель, «стал значительно серьезнее». Итоговые оценки Михаила по изучаемым в шестом классе предметам стали еще выше. Низкие баллы он имел лишь по таким дисциплинам, как фронтовое учение, пение и немецкий язык¹⁵.

Его закадычным другом в период учебы в корпусе стал Сергей Энвальд, родители которого жили в Оренбурге. Обычно летние месяцы каникул кадет Ханжин проводил в станице Степной и в Троицке. Но два последних лета, после 6 и 7 классов, он нигде не уезжал и провел их в Оренбурге, где гостил в доме семьи Энвальд¹⁶.

Наш герой завершал свое обучение в корпусе в мае 1890 г. с такими результатами: самые высокие оценки он имел по закону божьему, русскому языку, грамматике, правописанию, истории, географии, арифметике, алгебре, геометрии, тригонометрии, «естественной истории», рисованию, гимнастике; немного ниже — по французскому и немецкому языкам, физике, танцам, законоведению и фронтовому учению; самый низкий балл — «8» — по пению. Таким образом он закончил Неплюевский кадетский по первому разряду, то есть на «хорошо» и «отлично», имея при этом средний балл 11,72, что давало Михаилу большие шансы на успешное продолжение своей военной карьеры. Кроме того, еще ранее, в сентябре этого, последнего для Ханжина учебного года в корпусе, ему «за хорошее поведение и успехи» присвоили звание вице-унтер-офицера¹⁷.

Офицер-воспитатель капитан Ф. Е. Грибель, характеризуя кадета-выпускника М. Ханжина, написал о нем следующее: «Серьезный и малообщительный молодой человек. К своим обязанностям относится аккуратно и добросовестно. Привычку улыбаться иногда без всякой причины не оставил, чем иногда

портит то выгодное впечатление, которое производит вообще. Не прочь иногда порезонировать, не всегда в приличной форме. Сердце имеет доброе и податливое ко всему хорошему. Умственно развит хорошо. Товарищам очень охотно помогает в их занятиях, и вообще ими любим. Любит читать»¹⁸.

После окончания кадетского корпуса большинство его выпускников продолжали учебу в военных училищах, лишь единицы шли на гражданскую службу или в военные чиновники. Михаила Ханжина и двоих его сокурсников Владимира Никольского и Федора Цервицкого как лучших воспитанников зачислили в Михайловское артиллерийское училище Санкт-Петербурга. Остальные кадеты-неплюевцы в большинстве своем также отправились в столичные города России, где поступили в Дворянский полк, Павловское и Александровское училища. Друг Михаила, Сергей Энвальд, впоследствии окончил Павловское военное училище и продолжил службу в 162-м пехотном Ахалцыхском полку¹⁹.

Прошли годы, но Михаила Ханжина в Неплюевском кадетском не забыли. Перед первой мировой в одном из залов корпуса на почетном месте висели пять портретов бывших питомцев этого учебного заведения, ставших георгиевскими кавалерами «в делах против неприятеля». На одном из них был изображен молодой и красивый полковник в эполетах, с закрученными усами и с Георгием на груди. Его звали Михаил Васильевич Ханжин. Другие портреты изображали генералов В. Д. Дандевилля, Н. А. Иванова, К. С. Черкасова и Н. Я. Иванова, проявивших свою воинскую доблесть и талант в боях за Отечество²⁰.

Глава третья

МИХАЙЛОВСКОЕ Артиллерийское

В Петербург Михаил Ханжин вместе с несколькими выпускниками Оренбургского Неплюевского корпуса приехал серым днем 28 августа 1890 г. Первое, что он увидел из окна прибывающего поезда, это каменная громада Николаевского вокзала, который выглядел мрачно и негостеприимно. Сойдя с поезда, ребята прошли через здание вокзала и вышли на Знаменскую площадь к извозчикам. Все казалось им, провинциалам, неудобным и каким-то бездушным. «Северная Пальмира» ошеломляла своим масштабом и великолепием.

Сопровождающий кадетов уже обер-воспитатель подполковник Ф. Е. Грибель, отделив Михаила Ханжина и Владимира Никольского от остальных неплюевцев, дав денег на проезд и сопроводительные документы, отправил их на Выборгскую сторону в Михайловское артиллерийское училище. «Долго показался нам путь,— вспоминал позднее Владимир Никольский,— все нас подавляло, мы изредка обменивались друг с другом короткими замечаниями, и только когда подъехали к Литейному мосту, необъятная ширь мощной Невы поразила и восхитила нас; мы увидели на другом берегу реки красивое и приветливое здание за решеткой и были удивлены, когда извозчик подвез нас именно к этому зданию»¹.

Трехэтажный учебный корпус стоял за высокой чугунной решеткой с двуглавыми орлами и пушками у въездных ворот, на фронте здания — позолоченные буквы «Михайловская артиллерийская академия и училище». К учебному корпусу примыкали лазарет и церковь. Во дворе находился вымощенный булыжником плац.

В вестибюле ребят приветливо встретил рыжий швейцар. Затем к ним подошел дежурный офицер.

— Гвардии поручик Лютер,— представился он и, просмотрев документы юношей, произнес: — Следуйте за мной, господа.

Миша и Володя двинулись за поручиком вверх по широкой парадной лестнице, поразившей их своим убранством и размером.

Коридоры училища выглядели пустынно: юнкера находились еще в отпуске, а новобранцы только-только начинали съезжаться. Стены коридоров украшали картины и гравюры. Михаилу бросились в глаза портрет Дмитрия Донского, морской пейзаж Айвазовского, гравюры с эпизодами франко-прусской войны.

Ребята сразу же попали в баню. Потом им выдали форменную одежду и проводили в спальню, где жили юнкера. Она в училище называлась «каморой» (в артиллерийском лексиконе: место в пушке, куда вкладывается пороховой заряд) и почти не отличалась от казармы. Четыре ряда аккуратно заправленных кроватей с удобными пружинными матрацами, между ними — шкафчики для вещей, умывальная комната у входа, в правом дальнем углу — икона Михаила Архангела и на стенах — портреты представителей царской фамилии.

По прошествии нескольких дней прибывшим в училище юношам перед строем объявили об их зачислении в юнкера. Михаил Ханжин как выпускник кадетского корпуса поступил в училище без экзаменов и на казенное содержание². Месяц

спустя новоиспеченные юнкера, выстроенные четкими шеренгами, в торжественной обстановке, под знаменем училища, обнажив головы, принимали присягу, хором повторяя за священником слова клятвы, составленной еще Петром Великим. «Обещаюсь и клянусь всемогущим богом перед святым его Евангелием в том, что, хочу и должен его императорскому величеству, самодержцу всероссийскому, и его императорского величества всероссийского престола наследнику верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови и все к высокому его императорского величества самодержавству, силе и власти принадлежащая права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению силе и возможности исполнять. Его императорского величества государства и земель его врагов телом и кровию, в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах и штурмах и в прочих воинских случаях храброе и сильное чинить сопротивление и во всем стараться споспешествовать, что к его императорского величества службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может. Об ущербе же его императорского величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведая, не токмо благовременно объявлять, но и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, а предположенным над мною начальникам во всем, что к пользе и службе государства касаться будет, надлежащим образом чинить послушание и все по совести исправлять и для своей корысти, свойства дружбы и вражды, против службы и присяги не поступать; от команды и знамени, где принадлежу, хотя в поле, обозе или гарнизоне, никогда не отлучаться, но за оным, пока жив, следовать буду и во всем так себя вести и поступать, как честному, верному, послушному, храброму и расторопному офицеру (солдату) надлежит. В чем да поможет мне господь бог всемогущий. В заключение сей клятвы целую слова и крест спасителя моего. Аминь»³. Затем юнкера поочередно целовали крест и Евангелие.

Михаил Ханжин, несомненно, стал юнкером одного из лучших военно-учебных заведений императорской России, которое открылось еще в 1820 г. по инициативе великого князя Михаила Павловича (отсюда и название — «Михайловское», с 1849 г.). В августе 1855 г. из старших классов училища создали Михайловскую артиллерийскую академию. С тех пор училище и академия размещались в одном здании до их разделения к началу 20-го столетия.

Учащиеся занимались в прекрасно оборудованных аудиториях. В учебном зале, где проводились занятия по артиллерии,

стояли орудия последних образцов, имелись и другие атрибуты артиллерийского дела. Гордостью учебного заведения являлись химическая лаборатория, «чертежная комната», библиотека, музей. Фундаментальная библиотека содержала около 35 тысяч томов литературы на русском и иностранных языках, из них более 8 тысяч по своему содержанию — посвященные артиллерийскому делу, причем не только современных писателей, но и авторов XVI—XVIII вв. Музей существовал со дня основания Михайловского училища. Здесь можно было увидеть бронзовую посмертную маску императора Николая Первого, мундир и палаш великого князя Михаила Павловича, старые каменные ядра, длинные пищали, шуваловскую гаубицу на лафете, первый электробаллистический прибор К. И. Константинова для измерения скорости снарядов и многое другое⁴. У подъезда училища, грозно угрожая своими жерлами, стояли гладкоствольные медные пушки, считавшиеся также реликвией. Из них 14 декабря 1825 г. били картечью по каре декабристов, стоявших на Сенатской площади.

Для конференций, собраний, различных торжеств юнкера, офицеры и преподаватели собирались в парадном «императорском зале», где стоял большой бюст Михаила Павловича Романова, основателя учебного заведения.

Училище и академия подчинялись Главному Артиллерийскому Управлению и находились под особым покровительством генерал-фельдцейхмейстера. В 90-е годы этот пост занимал великий князь Михаил Николаевич.

Учеба в артиллерийском училище для лиц, закончивших кадетские корпуса, гимназии и реальные училища, длилась три года: в младшем, среднем и старшем юнкерских классах.

Начальником академии и училища в этот период являлся ординарный профессор генерал-лейтенант Николай Афанасьевич Демьяненок, высокого роста, полный и широкоплечий, с большой львиной головой на короткой шее, которая никогда не сгибалась, с очками в золотой оправе на носу. Умный, очень честолюбивый, громадной энергии и настойчивости человек. В свое время он давал уроки будущему императору Николаю Второму. Среди воспитанников училища Николая Афанасьевича звали «Демьяном». «Он пользовался большим авторитетом, но не симпатиями юнкеров. Его действиями руководило честолюбие, но не любовь к юношеству» — вспоминал один из выпускников Михайловского артиллерийского⁵.

Юнкер Ханжин навсегда запомнил одно из первых наставлений «Демьяна», когда он, опираясь на трость, медленно и величественно шествуя вдоль строя новобранцев, своим спо-

койным, ровным голосом произнес: «Я со своей стороны должен вам сказать, что это — ваш дом. Вы приходите сюда — как в свою семью. Вы здесь пользуетесь полной свободой, вам никто ничего не скажет и вы сами должны смотреть за собой. Даже если юнкер позволит себе вернуться в нетрезвом состоянии, то и тогда ему никто ничего не скажет, но юнкер сам должен понимать, что на следующий день он обязан собрать свои вещи и уйти из училища»⁶.

Однажды на улице гвардейский офицер намеренно не ответил на приветствие юнкера Михайловского артиллерийского училища. Генерал Демяненков, узнав об этом, через начальство настоял, чтобы этот офицер прибыл в училище и извинился перед юнкером⁷.

Другой случай произошел на курсе Михаила Ханжина в первые месяцы учебы, когда на имя начальника училища поступила анонимка. В ней указывалось, что заведующий довольствием штабс-капитан Э. Х. Алиев совсем не следит за питанием юнкеров, а больше играет на корнете (корнетистом он слыл выдающимся и играл в оркестре великого князя Сергея Михайловича), не замечая, как артельщик Кузьмин разворовывает продовольственные запасы. Анонимка заканчивалась так: «Не дайте, ваше превосходительство, погибнуть от голода будущим защитникам царя и отечества!»⁸.

На обеде, поздоровавшись с юнкерами младших классов, генерал Демяненков развернул анонимку и, медленно прочитав ее вслух, сказал:

— Тот, кто написал это письмо, пусть выйдет вперед!

Никто не вышел. После его повторного обращения — та же реакция. Тогда, помолчав немного и продолжая прогуливаться по залу, генерал произнес:

— Тот, кто это сделал, поступил нехорошо.

Опять пройдясь, он продолжил:

— Тот, кто это сделал, поступил гадко!

И наконец с некоторым волнением закончил:

— Тот, кто это сделал, поступил подло!

Затем, успокоившись, продолжал:

— Но чтобы не было нареканий, я приказал командиру батареи со следующей недели кормить вас по раскладкам Павловского, Константиновского, Николаевского инженерного и кавалерийского училищ, а также и Пажеского корпуса, поочередно, а затем вы мне скажете, какая раскладка больше всего вам понравилась, та и будет принята для училища⁹.

Эта речь произвела на Михаила и других юнкеров сильное впечатление. Прежде всего поразило такое отношение «Демьяна»

даже к анонимке, затрагивающей честь училища. Несколько дней спустя молодые юнкера обратились к командиру батареи восстановить прежние порции, так как поняли, что на их довольствие тратилось гораздо больше средств, чем в других учебных заведениях ¹⁰.

Юнкера часто видели Николая Афанасьевича в стенах училища. Внешне недоступен, всегда в черном сюртуке и брюках навыпуск, он ежедневно присутствовал при разверстке по столам перед обедом, как правило, посещал уроки танцев и фехтования, часто выступал перед воспитанниками с длинными речами. Говорили, что он, завершив все свои служебные дела, частенько попадал домой только около полуночи.

Вторым человеком в училище был командир батареи полковник Василий Тимофеевич Чернявский. Небольшого роста, коренастый, с характерными бачками, он являлся главным воспитателем и молчаливой грозой юнкеров. Полковник всегда имел ровные отношения как с подчиненными, так и с начальством. Никто из воспитанников не мог назвать себя его любимчиком. Прямой, подчас резкий, он отличался благородством, решительностью, независимостью. Пользовался большим авторитетом у юнкеров. Они дали ему прозвище «Шнапс».

Мало смотря по сторонам, а больше в землю, Василий Тимофеевич видел и замечал все. Спуску никому не давал. «Одной своей довольно грузной фигурой с правой рукой за бортом сюртука,— вспоминал один из сокурсников М. Ханжина,— он производил и в стенах училища, и на стрельбе, и особенно на маневрах какое-то успокаивающее действие на наши горячие головы» ¹¹.

На младшем курсе полковник Чернявский преподавал артиллерию. Не мудрствуя лукаво, не вдаваясь в сложные математические исчисления, основываясь главным образом на здравом смысле, он умело вкладывал в головы юнкеров основы баллистики. Василий Тимофеевич постоянно носил боевые награды, полученные за русско-турецкую кампанию 1877—1878 годов: орден Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом и золотое оружие с надписью «За храбрость». Рассказывали, что шашку с золотым эфесом и георгиевским темляком Чернявский получил за отражение атаки турецкой кавалерии без единого выстрела. В критический момент боя, когда его батарея осталась без снарядов и невдалеке развернулась в атаку османская конница, он спокойно и громко скомандовал: «К бою!». Артиллеристы направили жерла своих орудий, «готовых дать залп», на наступающего врага. Этого грозного молчания батареи оказалось достаточно, чтобы остановить противника.

бывший его воспитанник, получил премию за работу «Заводское приготовление пироксилина и нитроглицерина»¹⁵. К сожалению, его вскоре не стало. Панпушко погиб при взрыве бомбы на артиллерийском полигоне. Слишком он был горяч, отдавая всего себя науке.

Штабс-капитан Ипатьев вел на старшем курсе практические занятия по химии. Впоследствии он стал известным академиком. Эмигрировал в 1930 году в США, где продолжил свои исследования в области каталитических реакций.

Занятия по химии проводил также генерал-майор Михаил Александрович Котиков. Всегда с иголочки одетый, в широких брюках, скрывающих его природный недостаток — иксообразные ноги, он производил впечатление отличного, но неглубокого специалиста, щедро раздавая в химической лаборатории все, что нужно и не нужно для опытов юнкерам¹⁶.

Сейчас трудно сказать, что повлияло на Михаила Ханжина? Но именно химия стала его любимым предметом в училище. Видимо, немалая заслуга в этом принадлежит перечисленным выше преподавателям.

Курс артиллерии читали профессор полковник Н. П. Потockий и подполковник Н. Т. Гончар. Первый — красавец, высокого роста с ранней сединой и жгучими черными глазами, всегда элегантно одетый в хорошо подогнанный военный мундир. С небольшой «шпаргалкой» в руке, где были записаны необходимые числовые данные, прохаживаясь в аудитории, он слегка нараспев, иногда даже закрыв глаза, с увлечением рассказывал о своем предмете. Четко, близко к оригиналу, делал на доске схематические чертежи трубок, затворов и механизмов. Другой преподаватель артиллерии — также высокого роста, но худой и какой-то нескладный, с длинным некрасивым лицом, в пенсне. Он всегда выглядел мрачно, никогда не улыбался, и юнкера даже побаивались его. Подполковник Гончар разработал прекрасный курс «Порох», но, к сожалению, его так и не издали. Позднее этот человек «в припадке меланхолии», по причине безответной любви лишил себя жизни¹⁷.

Занятия по механике вел штабс-капитан А. А. Брикс, по топографии — подполковник М. М. Поморцев, по фортификации — генерал-майор А. А. Уохер, по тактике и военной истории — полковник П. С. Кублицкий, по законоведению — статский советник В. А. Чиколени, по французскому языку — статский советник Л. И. Гионне, по немецкому — магистр филологии А. И. Томсон (в будущем член-корреспондент Петербургской Академии наук, а позднее — советский языковед), закон божий читал седой протоиерей И. М. Гиляровский.

Но большие симпатии Михаил Ханжин и многие товарищи его курса проявляли к коллежскому советнику Орлову, добродушному и тактичному толстяку, который преподавал новейшую историю русской словесности. Когда он входил в аудиторию, учащиеся, приветствуя его, хором шутливо кричали:

— С Новым годом!

Мило раскланиваясь, Орлов отвечал:

— С новым счастьем!

Невзирая на продолжающийся шум, с улыбкой на лице он начинал лекцию, и все постепенно умолкали.

Ходили слухи, что юнкера одного выпуска даже преподнесли Орлову жетон с надписью «С Новым Годом!». По своему предмету он издал учебник. Орлов читал свои лекции очень увлекательно, сообщая порой малоизвестные факты из жизни писателей. Михаилу запомнился его рассказ о Н. В. Гоголе. После знакомства с поэмой «Мертвые души» Николай Первый приказал в такой же переплет вплести денежные знаки и отправить этот том автору. Гоголь на столь щедрый дар ответил трехстишием:

Принял с благоговением,

Читал с умилением,

Жду продолжения с нетерпением.

Император дал указание послать еще такую же «книгу», но на переплете напечатать: «Том второй и последний».

Однако многие юнкера мало слушали лекции Орлова, занимаясь своими делами, так как его предмет не являлся главным.

По пятницам появлялся учитель танцев — элегантный старик с бакенбардами, во фраке, Николай Петрович Троицкий. И юнкера в этот день, под строгим взглядом начальника училища, усердно танцевали «шерочка с машерочкой».

В одном юнкерском классе с Ханжиным обучались не только бывшие кадеты, но и выпускники гимназий, реальных училищ, решившие посвятить себя военной карьере. Они звались «штрюками», и первое время к ним относились высокомерно. Но через два-три месяца грань между «штрюками» и выпускниками кадетских корпусов безболезненно стиралась. В отношениях между юнкерами, как правило, царили чувства товарищества и взаимопомощи. Не было так называемого «цука», господствовавшего во многих других военно-учебных заведениях. Воспитание михайловцев основывалось на доверии и личной ответственности за честь собственного мундира, родного училища. Поэтому никому не казалось странным, когда юнкер, получивший замечание на улице от незнакомого офи-

цера, являлся к своему командиру и докладывал об этом, ожидая соответствующего наказания.

В младшие и средние классы назначались портупей-юнкера: «правлящий» и его помощник (на языке воспитанников — «папа» и «мама»), которые наряду с фельдфебелем руководили повседневной казарменной жизнью питомцев училища. Они спали в «каморах» младших юнкеров. И очень редко им приходилось применять свою власть. Все выполнялось беспрекословно.

Теоретические занятия (4—5 уроков по 55 минут) в основном проводились до обеда. Затем — строевая и тактическая подготовка. Иногда, вечерами — «репетиции» по основным предметам. В целом учебная часть превалировала над строевой. Не чувствовалось солдафонского гнета и бессмысленной муштры. Обстановка в Михайловском артиллерийском, судя по воспоминаниям современников тех лет, производила впечатление настоящего храма науки, нежели казармы. Наверно поэтому многих его выпускников впоследствии видели либо в стенах академий, либо на высоких военных постах.

Учебная программа была сильно перегружена высшей математикой, требуя больших умственных усилий и трудов от будущих офицеров. Наиболее способными в математике на курсе Ханжина оказались юнкера Андреев, Чеботарев и Шилов. Первый из них слыл большим оригиналом и умницей. Он часто помогал своим ровесникам не заблудиться в сложных лабиринтах чисел и фигур. Если его товарищ оказывался недостаточно сообразительным, то юнкер Андреев советовал ему «треснутьсь лбом о стенку». Чем повергал в полное недоумение своего собеседника.

Однажды Андреев приобрел очень дорогие (за 25 рублей) «ортопедические смазные», по заверениям мастера непромокаемые, сапоги. Вскоре из окон училища можно было наблюдать сгорбленную фигуру Андреева, стоящего в водах Невы с часами в руках. Он сосредоточенно наблюдал за водонепроницаемостью покупки. Долго затем не утихали остроты по поводу этого случая. За подобные и другие поступки Сергей Андреев получил прозвище «Псих», хотя, впрочем, все относились к нему с большим уважением и симпатией. У него водились деньги, и он часто давал их в долг, официально обращаясь с этого момента к должнику только на «вы». О том, как это все происходило, юнкер Чеботарев сочинил следующее стихотворение:

Для поддержанья положенья
Среди своих служителей
Завел Сережа отделение
В расходной книжечке своей:

Там он не пишет, в долг давая,
«Такой-то столько-то, вот взял»,
А пишет так: «Седьмого мая
Я безвозвратно утерял...»
Когда ж в бумажник возвращает
Свой капитал обратно он,
То в своей книжке отмечает —
«Сего числа мной рубль найден»¹⁸.

Между прочим, в этой книжке расход на поездку домой в период каникул значился под рубрикой «на перемещение центра тяжести».

В последующем Андреев учился в Михайловской артиллерийской академии. Командовал батареей во время русско-японской войны. Будучи тяжело ранен он не оставил поле боя пока не сдал все дела по батарее старшему офицеру. После войны он вместе с Ханжиным преподавал в Офицерской артиллерийской школе.

Вместе с Михаилом учился Яков Юзефович, умный, тактичный, настойчивый юноша, магометанского вероисповедания. Всем было жутко интересно увидеть, как он пять раз в сутки совершает свой намаз. Но сделать это никому из юнкеров так и не удалось. Кровать Юзефовича стояла рядом с кроватью его товарища по Полоцкому кадетскому корпусу Николая Богомольца, невозмутимого «хохла», любителя поспать и поэтому ложившегося очень рано. А Яков укладывался довольно поздно, и нередко, озорно улыбаясь, будил своего соседа. Когда тот, протирая глаза, сонным голосом спрашивал:

— В чем дело?

Юзефович благодушным тоном мурлыкал:

— Спокойной тебе ночи!

После таких слов возмущения проснувшегося Богомольца и его проклятия в адрес своего шутивого товарища сотрясали всю «камору» под звонкий смех юнкеров.

Впоследствии Я. Юзефович, закончив Академию Генерального штаба, станет одним из разработчиков большой военной программы перед первой мировой. На войне — начальник штаба кавалерийского корпуса, будет ранен, получит Георгия. После Февраля — в Ставке Верховного Главнокомандующего, в период Гражданской — начальник штаба Кавказской армии генерала П. Н. Врангеля, затем командир 5-го кавалерийского корпуса Вооруженных Сил Юга России. Он рано уйдет из жизни, закончив ее на обломках своего когда-то большого имени под Гродно.

Николай Богомолец также дослужился до генеральских погон и стал кавалером ордена Святого Георгия 4-й степени. По некоторым данным, во время революционной смуты он командовал бронепоездом у атамана Семенова в Забайкалье. В 1939 г. в Лос-Анджелесе Н. Ф. Богомолец предстал перед судом по обвинению генерала В. Грэйвса в том, что его бронепоезд обстрелял эшелон с американскими солдатами. Но Федеральный суд США оправдал генерала-эмигранта¹⁹.

Конечно, среди юнкеров господствовали консервативные, промонархические настроения, чему способствовала вся обстановка военно-учебного заведения, воспитание его питомцев. Иначе трудно себе представить. Юнкера, высказывавшего опасные мысли, считали «белой вороной». Один из таких «вольнодумцев» учился и на курсе Михаила Ханжина. Это был юнкер Вишняков, которого называли «писакой» и «чернильной душой» из-за его пристрастия к перу и бумаге. Нередко из уст Вишнякова звучали «неприличные» вопросы и замечания о политике самодержавия. Поэтому за ним закрепилась репутация юноши «с душком», начитавшегося либеральных писателей. После окончания училища и нескольких лет армейской службы, закончив академию, он стал военным юристом.

Другой сокурсник Ханжина — Владимир Нарбут, дворянин, петербуржец, сын офицера, не являлся примерным юнкером и учился без особого желания. Владимиру помогало то, что ему легко давалась математика, а иногда просто везло. Имея много родных и знакомых в Петербурге, он часто проводил свое свободное время в городе, в кругу друзей и подруг. Окончив училище, а затем артиллерийскую академию, Нарбут станет преподавателем Оренбургского казачьего юнкерского училища, а в годы революции — директором 1-го Сибирского кадетского корпуса, где будут учиться в это время и двое сыновей Ханжина. Генералу Нарбуту придется заниматься спасением своих воспитанников от красного террора и эвакуацией их в Китай.

Среди неуспевающих юнкеров особо выделялся А. Ларионов, «безобидное существо, на котором остальные изощряли свое остроумие». Ему дали прозвище «генерал». Ларионов часто говорил всякие глупости, делая при этом ученый вид. Когда же его разоблачали под дружный смех сокурсников, он все больше и больше оттопыривал нижнюю губу, служившую своеобразным барометром настроения «генерала». В результате появилось следующее стихотворение:

Когда наш «генерал» бодрится
И врет без всяких затруднений,

В его глазах огонь светится,
И весь он полон вдохновенья;
Себя он чувствует прекрасно,
Губа показывает — «ясно».
Когда же вдруг кто усомнится
Не заврался ль слишком он,
Тогда на сцену появится
Давно подмеченный закон,
Тогда, поверьте, непременно
Губа покажет — «переменно».
Когда же «генералу» хором
Кричат все — триста тридцать три,
Иль к сапогам прибьют вдруг шпоры,
Тогда готов держать пари,
Что, оттопырившись ужасно,
Губа покажет вам — «ненастно»²⁰.

Товарищами Михаила Ханжина по Неплюевскому кадетскому корпусу, обучавшимся вместе с ним, являлись, как уже отмечалось выше, Федор Цервицкий и Владимир Никольский. Судьба первого нам неизвестна. А В. Никольский в 1920 г. в еще не захваченном «красными» Крыму возглавлял военное управление и вместе с отступающими частями Врангеля оказался в эмиграции.

На год старше Михаила обучался юнкер Лавр Корнилов, отличник и гордость Михайловского артиллерийского училища, будущий основатель Белого движения²¹.

Сам Ханжин, «способный, но очень скромный юнкер» (как отмечал его сокурсник Н. Батюшин), в первый год учебы не блистал знаниями, имея невысокие баллы по учебным предметам, строевой подготовке и поведению. Среди 36 учащихся младшего класса, которых после полугодового обучения в декабре 1890 г. произвели в юнкера унтер-офицерского звания, Михаила не оказалось. Это звание он получил только в конце учебного года²².

Тогда, в мае, батарея, состоявшая из юнкеров Михайловского артиллерийского, выступала после «напутственного молебствия» протоиерея И. Гиляровского походным порядком под Красное Село в летний лагерь. Здесь будущие офицеры занимались стрельбой из легких орудий, «военно-лабораторным искусством в объеме сведений, необходимых полевому артиллеристу», верховой ездой и уходом за лошадьми, топографией на местности, саперными работами, практическими занятиями по тактике²³.

Сапоги и свои мундиры во время учебы в училище юнкера не чистили. Этим занимались специальные служители. Здесь же, в летнем лагере, все приходилось делать самим. В отличие от газового освещения в Петербурге, в лагере пользовались стеариновыми свечами, которые выдались каждому юнкеру (один фунт на месяц). Кое-кто эти свечи «загонял» и приобретал на вырученные деньги продукты.

Летний лагерь михайловцев находился на Дудергофском озере, недалеко от такого же лагеря Николаевского кавалерийского училища. Юнкера чувствовали себя тут более вольготно, чем в Петербурге. Со своими командирами они общались только днем на занятиях и на вечерних переключках. Многие из них проводили свой досуг либо в офицерском собрании, либо на дачах с семьями.

Училище имело свою лодочную «флотилию». В свободное время юнкера вместе с юными дачницами катались на лодках. Дежуривший на лодочной станции фельдфебель, по приказу командира батареи В. Т. Чернявского, бдительно следил, чтобы лодки не заплывали в камыши, «дабы флирт с юными дамами не заходил слишком далеко». Иногда михайловцы ставили драматические спектакли, в основном по пьесам зарубежных авторов. Причем женские роли зачастую играли также юнкера, имея при этом большой успех у зрителей.

Жизнь будущих офицеров в летнем лагере была наполнена шутками, розыгрышами, смехом. Молодость была через край. С Михаилом и его товарищами произошел следующий случай. Вскоре после прибытия в Красное Село они обзавелись целой сворой дворовых собак, кормившихся с юнкерского стола и бегавших повсюду за ними. Собакам дали характерные клички: Шнапс, Мочала и т. п. Особенно четвероногие друзья любили присутствовать на вечерней переключке. Устраиваясь впереди строя юнкеров, они дружно подывали трубочу, исполняющему «вечернюю зарю». Обычно на такие построения все учащиеся должны были выходить в шинелях, надетых на мундиры. Как-то по лагерному сбору отдали распоряжение: на вечернюю переключку одевать поверх мундиров галстуки. Многим это не понравилось, они не могли примириться с таким, по их мнению, малоосмысленным распоряжением — одевать на шею «хомуты». Началась антигалстучная борьба. Венцом ее явилось появление на одной из переключек стаи дворняг в разноцветных галстуках: Шнапс важно вышагивал в большом зеленом, Мачала — в нежно-розовом, следующая дворняга — в белом и т. д. Собачье шествие сопровождалось дружным хохотом стоявших в рядах юнкеров. Заулыбались даже офицеры. Только

один командир батареи полковник Чернявский взирал на эту сцену хмуро и равнодушно. Когда смех затих, он спокойно и громко произнес: «Капитан Фриде, повесить всех собак!» Юнкера так и обомлели, отлично сознавая, что приказание будет выполнено. По окончании «вечерней зари» началось лихорадочное обсуждение создавшегося положения. Решили послать к Чернявскому депутацию с извинениями и просьбой отменить ужасный приказ. Делегаты понуро отправились в офицерское собрание, где проходил ужин. У входа попросили доложить о себе. Командир батареи вышел, хорошенько отчитал юнкеров и отменил свое распоряжение. С тех пор с галстуками все примирились²⁴.

После занятий в летнем лагере учебный год завершался, и многие михайловцы разъезжались по домам на каникулы. Молодой Ханжин обычно отправлялся к родителям в Оренбургский край. Здесь он отдыхал и душой, и телом после напряженной учебы и «жизни по распорядку».

Конечно, не только одними буднями жили юнкера. Михаил мог бы вспомнить свои многочисленные походы в театр по «отпускным дням» — в среду и воскресенье. Он, как и большинство его сокурсников, был увлечен оперой, которую давали в Мариинке. Певица этого театра Евгения Константиновна Мравина многих тогда покорила своим сопрано и красотой. Она блистала в «Миньоне» А. Тома и в «Фаусте» Ш. Гуно. Нравились юнкерам бас Ф. И. Стравинского и баритон И. В. Тартакова, солист Л. Г. Яковлев в «Евгении Онегине» П. И. Чайковского. На один и тот же спектакль ходили по несколько раз. Многие оперные арии знали наизусть.

Достать билет в Мариинский театр считалось большой удачей. Поэтому юноши в юнкерских погонах настойчиво ухаживали за дамами из театральных касс, одаривая их многочисленными знаками внимания в виде букетов цветов с открытками нежного тона и коробок конфет. Такая «тактика» имела положительные результаты.

Иногда Михаил бывал и в Александринском театре драмы, где большой популярностью у публики пользовались М. Г. Савина, В. А. Мичурина-Самойлова, В. Н. Давыдов, К. А. Варламов. Ставили в основном Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, А. Н. Островского.

В Михайловском артиллерийском очень поощрялось увлечение воспитанников театром. Например, во время Рождественских и Пасхальных каникул те учащиеся, которые из-за дальности расстояния до своего отчего дома оставались на период праздников в Петербурге, могли посещать театр каждый день за счет великой княгини Ольги Федоровны, супруги шефа

училища Михаила Николаевича Романова. Она, кстати, оплачивала и расходы, связанные с лечением будущих офицеров-артиллеристов.

Вечером после занятий и ужина юнкера нередко устраивали посиделки. Они почему-то их называли «собаками». В складчину собирали деньги и посылали «гонцов» за колбасой, сыром, хлебом и маслом. Получали на кухне чай и размещались компаниями в столовой. Дружно уничтожали закупленные продукты, пели песни и болтали. Излюбленным лакомством считались шоколадные раки с белой начинкой и пирожки из кондитерской Филиппова на Невском проспекте.

Россия по тем временам отмечала свыше тридцати праздников в год. Кроме того, у Михайловского артиллерийского были свои знаменательные даты: 2 ноября — день «тезоименитства» великого князя Михаила Николаевича и 25 ноября — годовщина основания училища. По этому случаю, а также 3 января каждого года в училище проводились балы, собиравшие большое количество гостей. Здесь блистал почти весь цвет петербургского общества.

На балах, которые давались в ноябре, преобладала молодежь; их организовывали юнкера на средства училища. Январский Рождественский бал считался благотворительным, так как его устраивали офицеры гвардейской артиллерии — в пользу училища и академии. Билеты на бал стоили недешево (5 рублей) и в общую продажу не поступали, а распространялись самими офицерами. На этом балу преобладала знать, высшие чиновники, иностранные послы и дипломаты. Его всегда посещали особы императорской фамилии, что придавало празднику оттенок торжественности.

Незадолго до открытия бала силами юнкеров аудитории превращались в уютные гостиные и буфеты, в «дамские комнаты» с зеркалами. Танцевали обычно в двух местах: в конференц-зале, где звучал оркестр лейб-гвардии Преображенского полка, лучший в Петербурге, и в академической аудитории под звуки рояля, на котором играл знаменитый тапер Шмит. Одни юнкера занимались обслуживанием гостей, другие их развлекали и вальсировали с дамами. Те из учащихся, кто из-за своей скромности или по каким-то другим причинам не танцевал, на юнкерском жаргоне звались «кувалды». А неутомимые танцоры — «полотерами». Бал гремел до пяти утра, и на Рождество, как правило, сопровождался яркими фейерверками в ночном петербургском небе. Кстати, новый 1891 г. юнкер Ханжин встречал не в стенах училища, так как ему в 20-х числах декабря предоставили двухнедельный загородный отпуск²⁵.

Михайловское артиллерийское, кроме того, что отмечало, как и вся страна, дни рождения царствующих особ, по распоряжению военного министерства ежегодно, после 17 октября 1888 г. (эта дата совпала с днем рождения нашего героя), праздновало «избавление царской семьи от опасности при крушении поезда», следовавшего из Ялты в Петербург. В этот день с одиннадцати часов утра офицеры и юнкера в парадной форме, выстроенные колоннами, под руководством протоиерея И. М. Гиляровского служили благодарственный молебен. Затем воспитанники собирались в императорском зале училища, где генерал Демяненков объяснял им смысл празднуемого события. Каждый год он начинал свою речь, отмеченную большими паузами, следующими словами:

— Было туманное осеннее утро... Царский поезд плавно двинулся к станции Борки...

Начальник училища не обладал ораторским искусством и часто повторял свое любимое выражение:

— Ну, я, со своей стороны...

Отчего его речь звучала скучновато и незажигательно.

Училище посещали и высокопоставленные гости. В его стенах часто можно было увидеть стройную и высокую фигуру шефа училища великого князя Михаила Николаевича в мундире с четырьмя Георгиями на груди. Он всегда улыбался, говорил всем «ты», и запросто, без всяких формальностей, общался с юнкерами. Однажды нанес визит и военный министр генерал Петр Семенович Ванновский. Многих учащихся поразила та мягкость, с которой этот грозный человек обращался к «Демьяну».

Как-то в конце зимы незадолго до выпуска Михаила, в училище появился и сам император Александр Третий с супругой. Приезд царствующих особ ожидали, к нему готовились. По этому поводу постели покрывались белоснежными плюшевыми одеялами и «каморы» выглядели очень нарядно, все крутом блестело. Ханжину запомнилась мощная, грузная фигура царя с окладистой русой бородой и папиросой в руках. Он стоял на манеже, где шли строевые занятия юнкеров. Рядом с ним — маленькая, хрупкая, изящная императрица Мария Федоровна. Эта пара казалась обыкновенной, с простыми манерами. Совсем не такой, как писали о них газеты, повествуя о царствующем доме Романовых. Когда император с эскортом гвардейцев стал отъезжать от главного подъезда училища, строй выстроенных тут же михайловцев внезапно поломался и многие юнкера с криками «ура» ринулись за государем, облипая и обгоняя царские сани. Восторженная толпа молодых людей

в погонах провожала таким образом императорскую чету до самого Литейного моста.

Годы учебы в Михайловском артиллерийском, без сомнения, лучшие в жизни Михаила Ханжина, пролетели очень быстро. Наступил август 1893 г. Время выпуска, получения офицерского чина и распределения вакансий. Среди сокурсников нашего героя первым отличником стал юнкер Чеботарев. Его имя занесли на мраморную доску училища. А первую премию получил юнкер Батюшин. Михаил окончил училище по первому разряду. Это давало возможность получить престижную вакансию в войсках. Пределом мечтаний для большинства юнкеров являлась служба в конной артиллерии, которую иногда называли «царицей сражений». В крепостную артиллерию, считавшуюся не столь популярной, направляли в основном юношей, окончивших училище с невысокими баллами. К радости многих выпускников в этот год прислали 17 вакансий только в конные батареи. И Михаил оказался в числе счастливицков, получивших назначение в конно-артиллерийские части.

Перед производством в офицеры у юнкеров старшего класса обычно проводились лагерные сборы. Время томительного ожидания торжественного дня тянулось скучно и неинтересно. Накануне долгожданного события по традиции после отбоя полагалось устроить «кошачий концерт» для нелюбимых офицеров. Но таковых на курсе Михаила Ханжина не было. Э. Х. Алиев и Р. К. Лютер у многих своих воспитанников пользовались большой любовью и авторитетом. Однако несколько юнкеров решили отдать дань прошлому и устроить подобный «концерт». Они шумели, кричали, катали деревянные шары, ударяя их о стены комнаты курсовых офицеров. Ответной реакции не последовало, и вскоре они сами успокоились. Слишком уж это выглядело неумно.

Наконец наступило 7 августа 1893 г. Знаменательный день в жизни Михаила и его сокурсников по училищу. Восьмиорудийная батарея вместе с выпускниками-михайловцами под руководством своих офицеров выдвигается к «царскому валику» в Красном Селе и, пройдя торжественным маршем, становятся здесь во фронт вместе с частями других петербургских военных училищ. Парад принимает сам император Александр Третий. Затем к «царскому валику» вызывают всех выпускников, и они выстраиваются в виде буквы «П». В середину этого незаконченного каре входит царь в парадном мундире и громко произносит:

— Поздравляю вас, господа, с офицерами!

В ответ раздаются раскатистое и дружное «ура» сотен молодых голосов. После каждому из выпускников раздается высочайший приказ, отпечатанный на гербовой бумаге. Брошюрка с приказом, которую получил новоиспеченный офицер Михаил Ханжин, гласила, что он производится в чин хорунжего «с назначением на службу в конно-артиллерийскую бригаду Оренбургского казачьего войска»²⁶.

Закончив все торжественные церемонии и возвратившись в свой летний лагерь, михайловцы облачаются в новую офицерскую форму: белые фуражки, кителя с двумя рядами позолоченных пуговиц, брюки с лампасами, скрипящие от новизны сапоги. Прицепляют на бок шашки. Отправляются на Красносельский вокзал, чтобы первым же поездом уехать в Петербург, где можно пощеголять по набережным и проспектам в новеньком офицерском мундире и отметить окончание учебы со своими приятелями. Улицы столицы в августовские дни были буквально наводнены юными подпоручиками, корнетами и хорунжими с сияющими радостью лицами и бравыми манерами.

Молодой хорунжий Ханжин и его товарищи по училищу устроили банкет в одном из ресторанов Петербурга. Гуляли весело и шумно. Обошлось без скандалов и неприятных историй, которые в таких случаях частенько происходили. На эпатажи «очень хвавшихших» новоиспеченных офицеров столичные власти смотрели «сквозь пальцы». Обыкновенно строгие и придирчивые комендантские плац-адъютанты в эти дни либо вообще не появлялись на улицах города, либо, встретив хорошо выпивших выпускников, вместо гауптвахты отправляли их на извозчике домой. Всякие конфликты в таких обстоятельствах пытались уладить мирно и без шума. Но случались и комические происшествия. Так, на одном из музыкальных спектаклей сильно возбужденный спиртным безусый подпоручик прыгнул в оркестровую яму и, выхватив палочку из рук дирижера, стал ею размахивать. А пылко влюбленный корнет в подобном состоянии, но в другом театре, влез на сцену и вместе с «прекрасной Еленой» начал петь:

Все мы жаждем любви,
Это — наша святыня!²⁷

Об этих забавах офицеров-юнцов впоследствии судачил весь аристократический Петербург.

По прошествии трех дней после производства в чин хорунжего со старшинством двух лет Михаил Ханжин, получив «прогонные» деньги, покинул столицу. Он отправился в двадцативосьмидневный отпуск в Оренбургский край, чтобы затем

начать свою нелегкую службу армейского офицера-артиллериста на окраинах Российской империи. Счастливые юношеские годы остались позади.

Глава четвертая

НАЧАЛО ВОЕННОЙ КАРЬЕРЫ

Отпуск Михаила в станице Степной пролетел незаметно. В сентябре он уехал в Оренбург, в штаб-квартиру конно-артиллерийской бригады казачьего войска. Прослужив некоторое время в этом городе, при юнкерском училище, он отправляется в Самарканд. Здесь стояла вторая батарея конно-артиллерийской бригады оренбургских казаков, куда молодой хорунжий получил свое назначение. Здесь когда-то служил его отец. Здесь родился он сам.

Службу в Туркестанском военном округе, в этом крае солнца и мечетей, конечно, не назовешь легкой. Жаркий климат и ветры давали о себе знать. Однако тут были и свои прелести: экзотика Востока, исторические древности, разнообразие даров природы.

Михаил Ханжин в этот период обзаводится семьей. Его избранницей стала Платонида Шепатовская, уроженка Оренбургского края. По существующим тогда правилам офицеру разрешалось жениться, когда он достигнет 23-летнего возраста. А до 28 лет офицеры могли вступать в брак только в случае предоставления ими имущественного обеспечения — «реверса», принадлежащего либо жениху, либо невесте или обоим. Представленное обеспечение должно было приносить в год не менее 250 рублей чистого дохода¹. Видимо, все эти преграды не являлись существенными для Михаила, и поэтому, перешагнув свой 23-летний возрастной рубеж, он вскоре вступает в законный брак. В 1895 г. у Ханжиных рождается первенец — сын Михаил.

Начало службы молодого офицера-артиллериста складывалось традиционно, как и для многих военных того времени. Но у Михаила появились свои честолюбивые планы: сделать военную карьеру в хорошем смысле этого слова. Поэтому он неустанно занимается самообразованием, штудировал труды военных теоретиков, готовя себя для поступления в академию, которая давала высшее военное образование.

Благодаря целеустремленности и трудолюбию Ханжина исполняются его мечты относительно дальнейшей военной

карьеры. Он, сдав более десятка вступительных экзаменов, в сентябре 1896 г., будучи уже сотником, поступает в Михайловскую артиллерийскую академию.

Снова Михаил оказался в столице, в аристократическом каменном красавце — Петербурге, с его набережными, каналами, широкими проспектами и узкими улочками. Все здесь было знакомо сотнику Ханжину. Сенатская площадь с «медным всадником». «Исаакий», подавляющий своей громадой. Адмиралтейство с позолоченным шпилем, пронзающим серое петербургское небо. Мрачные Петропавловские бастионы. «Зимний», блистающий своим великолепием в редких лучах северного солнца. И до последнего кирпичика известное здание академии и училища.

Наш герой вместе со своей молодой женой и годовалым сынишкой поселился в пригороде Петербурга, посаде Колпино, так как офицеры, обучающиеся в академии, жили «на вольных квартирах». Они получали жалование «по усиленному окладу», а также имели право на прислугу из нижних нестроевых чинов. Поступать же в академию могли только те, кто прослужил в офицерской должности не менее трех лет, в том числе в строевых частях — до двух лет. Но для михайловцев существовало исключение. Их принимали в академию без стажа службы в войсках ².

Учеба длилась три года: младший, старший классы и дополнительный курс, состоящий в основном из практических занятий. В первый год офицеры изучали электротехнику, металлургию, термодинамику, артиллерийское дело, историю военного искусства, иностранные языки (немецкий и французский), основы военной администрации. Затем, в следующем году, — пороходелие, русский и иностранный языки, организацию и материальную часть артиллерии, стратегию, фортификацию, искусство артиллерийской стрельбы. Наконец на дополнительном курсе — гидравлику, «лафетное дело», паровые машины, ружейное и патронное дело, теорию упругости, литейное дело, подъемные машины, «механическую технологию», проектирование орудий ³.

Занятия в академии проводились шесть дней в неделю. Сначала, с утра, слушали лекции. После трех часов дня учащиеся академии занимались практическими занятиями либо в химической лаборатории, проводя в основном анализ взрывчатых веществ, либо в чертежной комнате, составляя проекты орудий и подъемных машин. Порой приходилось засиживаться допоздна. Летом учащиеся-офицеры командировались для приобретения практического опыта на Колпинский чугунно-

литейный завод, на Главный артиллерийский полигон, в Петербургский арсенал, на Охтинский пороховой и на Сестрорецкий оружейный заводы⁴.

Среди администрации и преподавательского состава академии сотник Ханжин видел много лиц, хорошо известных ему ранее, еще по училищу. Начальником академии и училища был все тот же генерал-лейтенант Н. А. Демяненков. Он часто уходил в отпуска по болезни. Старость давала о себе знать. В его отсутствие всем командовал скрупулезный и аккуратный, уже генерал-майор, К. Е. Гук. Во главе академического отделения, на котором учились офицеры, стоял полковник Корольков. Вследствие исполняемой им должности он получил прозвище «классной дамы». Кроме того, Корольков читал новый по тем временам курс электротехники. Его сын когда-то учился вместе с Михаилом в училище. Затем он получил назначение в Кронштадтскую крепостную артиллерию и трагически погиб при разборе снаряда. С тех пор на лице Королькова-старшего редко видели улыбку.

Преподавала в академии целая плеяда ученых мужей, которые уже тогда или позже, по прошествии лет, стали известны научному миру не только России, но и других стран. Лекции по металлургии читал действительный статский советник, ординарный профессор Дмитрий Константинович Чернов, основоположник металловедения и теории термической обработки стали. Историю военного искусства, стратегию и тактику преподавал ординарный профессор, полковник Николай Петрович Михневич, военный теоретик и историк. Офицеры прозвали его «Массена» по имени наполеоновского маршала. Впоследствии, будучи уже генералом, он станет начальником Академии Генерального штаба, а с 1918 г. окажется в рядах Красной Армии. Курс военной администрации вел другой военный историк, подполковник Андрей Медарович Зайончковский, в дальнейшем также дослужившийся до генеральских погон. В германскую он последовательно командовал дивизией, корпусом, армией. Примкнул в 1919 г. к большевикам. Стал профессором военной академии имени М. В. Фрунзе. Его перу принадлежат труды по истории Крымской и первой мировой войн. Фортификацию преподавал заслуженный профессор, инженер, генерал-лейтенант Цезарь Антонович Кюи. Всегда щегольски одетый, в высшей степени деликатный, мягкий, несколько вкрадчивый, он поражал офицеров своим искусством красиво и быстро чертить на доске от руки, как по линейке, самые замысловатые форты и укрепления со всеми подробностями. В какие-нибудь четверть часа на доске появлялось почти художественное изображение, которое по окончании

лекции даже жалко было стирать. Но прославился Цезарь Антонович не этим, а как композитор, автор опер и романсов, как музыкальный критик, пропагандист творчества своих современников — М. И. Глинки и А. С. Даргомыжского.

На преподавательской стезе в академии и училище также трудились братья Николай и Григорий Забудские. Учащиеся очень уважали их, и в разговорах друг с другом любовно называли их «Коля» и «Гриша». Первый из них являлся известным ученым, автором капитального курса «Внешняя баллистика» и многих других трудов в области артиллерийского дела. Как преподаватель был требователен и строг. Его убили в 1917 году, в первый день революции, на Литейном мосту, когда он не пожелал исполнить требование пьяной толпы — снять шапку. Второй брат, Григорий Александрович Забудский, прекрасно знал пороховое дело, хорошо писал, но лектором слыл не блестящим. Строгий на вид, в душе он был добряком, испытывая слабость к красиво и элегантно одетым офицерам, ставя им высокие баллы не за знания, а за выправку.

Да, Михайловская артиллерийская академия не страдала от недостатка сильных преподавательских кадров, имела определенный вес в научном мире. В 1893 г. на Всемирной выставке в Чикаго академию наградили большой бронзовой медалью и почетным дипломом за ряд сочинений ее профессоров. Некоторые из этих трудов даже перевели на английский язык⁵.

Развивались и научные связи академии с другими странами. Так, в июле 1897 г. преподавателя прикладной механики штабс-капитана Фроловского командировали «с высочайшего соизволения» в Данию. А через месяц экстраординарный профессор полковник Брикс отправился в Стокгольм на конгресс и выставку, устроенные Международным обществом испытания материалов⁶.

Вместе с Михаилом Ханжиным на курсе обучался 21 офицер: три штабс-капитана, семь поручиков, два сотника, семь подпоручиков и два морских офицера — мичман и штабс-капитан⁷. Учились здесь и сербские офицеры. Михаилу особо запомнился поручик Родосавлевич, жгучий брюнет богатырской комплекции. Обучались тут и некоторые сокурсники Ханжина по училищу. Среди них — офицеры Столбин, Макеев, Чеботарев, Афанасьев, Пашенко, Башинский, Андреев, Померанцев, Нарбут, Куприянов, Лахтионов.

В период учебы в академии в семье Ханжиных произошло радостное событие. 15 июня 1897 г. родился второй сын — Владимир, который в будущем, как его старший брат и отец, станет офицером русской армии.

Занятия в академии требовали усиленной подготовки, практических навыков и эрудиции. Не все офицеры с этим справлялись, и поэтому некоторых из них отчисляли. Но Михаил Ханжин оказался способным учеником, и успешно, по первому разряду, закончил академию уже в чине капитана.

В конце мая 1899 года михайловцы вместе с выпускниками других академий прибыли в Александровский дворец Царского Села. Здесь в одном из залов их выстроили в линию. Ровно в 11 часов парадная дверь распахнулась, и в зал вошел император Николай Второй. Он медленно обошел весь строй, и каждый из офицеров ему представился. Впервые Михаил Ханжин так близко видел нового государя, и когда он называл свое имя и чин, голос его немного дрожал. Затем царь без какой-либо приветственной речи удалился, а офицеров-академиков пригласили к столу на праздничный завтрак. После торжественных церемоний, связанных с окончанием академии и получения соответствующих документов, офицеры отправлялись в 4-месячный отпуск перед дальнейшей службой.

Хорошо отдохнув, капитан Ханжин вместе с семьей отправляется вновь в Среднюю Азию, получив назначение в 1-ю Туркестанскую артиллерийскую бригаду, штаб-квартира которой находилась в Ташкенте. Прибыв в этот солнечный город и отыскав управление бригады, он немедленно предстал перед ее командиром — пожилым, уже седеющим генерал-майором Виктором Осиповичем Беренсем, также бывшим михайловцем, участником турецкой кампании 70-х годов, старым холостяком. Генерал сообщил Ханжину, что свободных офицерских вакансий в батареях пока нет, поэтому он оставляет его на неопределенное время при штаб-квартире бригады. Несколько месяцев Ханжины живут в Ташкенте, и только в феврале 1900 года Михаил получает назначение в Новый Маргелан командиром полубатареи. В этом городке стояла третья батарея 1-й Туркестанской бригады под командой подполковника Тутолмина, которого уже при Ханжине, сменил Петр Васильевич Поляков, сибиряк, участник турецкой войны, отец двух очаровательных детей. Через некоторое время на Михаила возлагают еще дополнительные служебные обязанности. Он становится заведующим хозяйством третьей батареи и членом суда общества офицеров*.

Если дела, связанные с военной карьерой Ханжина, шли в гору, то его семейная жизнь вначале не сложилась. Последовал развод с молодой женой. Дети, конечно, остались с ней. Между собой бывшие супруги договорились, что второго сына, Владимира, отец возьмет на свое обеспечение. Но и первенца

Михаила Ханжин также не забывал, как и сыновья его. Они, будучи кадетами, часто приезжали к отцу на каникулы, когда он уже имел вторую семью. Михаил учился в Ташкентском Наследника Цесаревича кадетском корпусе, а Владимир — во Втором Оренбургском⁹.

По делам службы капитану Ханжину приходилось часто бывать в Ташкенте. Здесь молодой офицер встречает девушку, с которой навсегда свяжет свою дальнейшую жизнь. Звали ее Елена Корсак. Она была на восемь лет моложе Михаила. Познакомились молодые люди случайно, в обществе любителей музыки, где капитан артиллерии учился играть на флейте, а Елена, обладая неплохим голосом, пела арии и романсы.

Родители девушки сначала жили в Петербурге. Отец — Павел-Геоцинт Корсак, красавец польских кровей, служил морским инженером-механиком, часто ходил в дальние плавания. Он был намного старше матери Елены, Клавдии Петровны, которой исполнилось лишь семнадцать лет, когда они обвенчались. Родители жениха, настоящие «шляхтичи», отрицательно отнеслись к выбору сына.

Елена отца почти не помнила, так как ей стукнуло всего пять лет, когда он умер. После этого начались постоянные конфликты Клавдии Петровны с польской родней. Поэтому она, оставив дочку в Петербурге у родственников, уехала в Ташкент, где жил ее брат, Сергей Петрович Юдин. В свое время он окончил столичную Академию художеств и теперь преподавал в Ташкентском кадетском корпусе. Его семья, жена Александра Иосифовна и дети — Лариса, Ольга, Наталья, Петр, Ирина, с большим гостеприимством встретили Клавдию Петровну, которая вскоре устроилась учителем рукоделия в приюте для девочек-сирот. Она слыла большой искусницей в этом деле, а также прекрасно стряпала и неплохо играла на рояле. Через некоторое время Клавдия Петровна забрала дочку к себе. В Петербурге, у родни отца, где все говорили между собой по-польски, она чувствовала себя неуютно. К тому же сказывалось отсутствие рядом матери.

В Ташкенте Елена Корсак поступила в женскую гимназию. Природа наделила ее прекрасным голосом меццо-сопрано. Она пела в церковном хоре. Участвовала в любительских музыкальных спектаклях и опереттах. У Елены появилась мечта: поступить в консерваторию. После окончания гимназии она отправилась с этой целью в Москву. Один из знаменитых профессоров консерватории, прослушав Елену, даже согласился бесплатно обучить ее премудростям пения. Однако обстановка, царившая тогда в московских околomuзыкальных кругах, Елене

не понравилась. Для того чтобы попасть на большую сцену и «быть не хуже других» примадонн певческого искусства, требовались средства, и немалые. Поэтому многие начинающие певицы решали этот вопрос с помощью своих богатых поклонников, которыми они спешно обзаводились. Кроме того, среди музыкальной богемы господствовали склоки и интриги. Все это заставило Елену Корсак вернуться домой в Ташкент.

Она очень любила этот город и считала его своей родиной, хотя и родилась в Петербурге. Здесь прошли ее лучшие молодые годы. Дом их всегда был полон гостей. Музыцировали, пели, танцевали. Частым гостем в доме становится капитан Михаил Ханжин, являвшийся постоянным участником музыкальных вечеров. Он играл на флейте, а вскоре сел за пианино, и даже на слух мог подобрать мелодию. Часто на вечерах Михаил с Клавдией Петровной играли на фортепиано в четыре руки, а Елена, одна или с кем-либо дуэтом, исполняла романсы. Эти вечера навсегда оставили теплые и радужные воспоминания в душе нашего героя.

Вскоре Михаил и Елена решили пожениться. Однако это по тем временам для офицера, вступающего в брак второй раз, являлось непростым делом. По решению Туркестанского епархиального руководства, с согласия которого оформлялся развод Ханжина с первой женой, Михаил мог создать вновь семью только после выполнения им «семилетней эпитимии»¹⁰. Поэтому молодые люди официально обвенчались лишь в 1906 году, когда у них уже подрастала двухлетняя дочка.

Такой поступок сына вряд ли получил бы одобрение у родителей Михаила, всегда говоривших о незыблемости семьи. Хотя и сам отец Ханжина женился на его матери, Агнии Петровне, тоже вторым браком. К сожалению, к этому времени родителей Михаила уже не было в живых. Они очень рано ушли из этой жизни в мир иной.

Январь 1903 года внес перемены в службу капитана Ханжина. Его командировали в Царское Село, загородную резиденцию российских императоров, где находилась Офицерская артиллерийская школа стрельбы, для повышения военной квалификации. Михаил прибыл в Царское Село со своим денщиком, канониром Антоном Остальским¹¹.

Занятия в школе начались с 1 февраля и продолжались 7 месяцев и 9 дней. Они подразделялись на теоретический и практический курс. Теоретические дисциплины — сведения о стрельбе, тактика артиллерии, материальная часть артиллерии, общая тактика, иппология — изучались преимущественно в зимний период. А практические занятия — топография, «под-

готовительные к стрельбе упражнения», артиллерийские стрельбы, тактика, верховая езда — проходили в лагерях и на полигонах летом. Офицерская артиллерийская школа стрельбы имела два отдела: полевой, где обучались офицеры пешей, конной, казачьей артиллерии, и крепостной — для офицеров-артиллеристов, несущих службу в гарнизонах. Капитана Ханжина зачислили в полевой отдел школы. Вместе с ним тогда обучалось 53 офицера: два полковника, восемь подполковников, один войсковой старшина, остальные — капитаны. К апрелю обучающихся военных стало еще больше. Кроме офицеров русской армии, в школе учились сербские и болгарские артиллеристы¹².

Это военное учебное заведение в Царском Селе открылось в 1883 году. Начальником школы при поступлении Ханжина был генерал-майор А. Н. Синицын. Преподавательский состав — в основном военные. Но приглашались также и штатские лица. Среди офицеров-преподавателей того периода Михаилу Ханжину запомнился капитан Сергей Тимофеевич Беляев, читавший лекции по тактике артиллерии. В те годы только начинала появляться скорострельная артиллерия, и многие еще не знали и не понимали, что этот новый вид оружия требует своей, особой тактики. Беляев сумел добиться, чтобы в учебный курс Офицерской артиллерийской школы и Михайловской академии ввели новый предмет — «тактика артиллерии». Его лекции строились главным образом на теоретических трудах француза Ланглуа и итальянца Алпассона, переведенных им на русский язык. Однако они не являлись сухим пересказом чужих теорий. Особенности, исключительные способности Беляева к анализу и систематике, блестящий дар слова делали его занятия насыщенными по содержанию, интересными для учащихся. Он всегда выступал за кардинальные изменения в тактических действиях русской артиллерии, сущность которых состояла в тщательном изучении угломера и стрельбе с закрытых позиций. Но к его доводам, к сожалению, мало прислушивались люди, занимавшие высокие посты в русской армии. И вскоре начавшаяся японская война подтвердила правоту капитана Беляева. Перед первой мировой вышло «Наставление для действий полевой артиллерии в бою», автором которого главным образом считали Сергея Тимофеевича. Скончался он в Москве в 1923 году. Ходили слухи, что Беляев застрелился¹³.

Одним из опытных и хорошо знавших свой предмет преподавателей был подполковник Сергей Николаевич Дельвиг. Он разработал несколько разделов курса «Сведения о стрельбе полевой артиллерии», вышедшего отдельным учебником в 1893 г.,

который выдержал несколько изданий. Говорили, что подполковник играл на скрипке и любил шахматы. Порой на своих занятиях он вел себя нетактично по отношению к обучавшимся офицерам переменного состава, издевательски подтрунивая над их незнанием предмета. Иногда это заканчивалось жалобами начальству школы на преподавателя. Революционный 1917 год застал его инспектором артиллерии Юго-Западного фронта. Затем, в период смуты, Дельвиг стал во главе артиллерии национальной армии «свободной Украины». После его видели у С. Петлюры¹⁴. Дальнейшая судьба этого человека нам неизвестна.

Занятия по общей тактике вел подполковник Н. Н. Янушкевич. Впоследствии, будучи уже генералом, в годы первой мировой, он возглавит штаб Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Жизнь его сложится трагически: в 1918 г. он падет от рук большевиков.

После семи месяцев учебы Ханжин оканчивает Офицерскую артиллерийскую школу стрельбы с оценкой «успешно». Обычно после этого строевым офицерам давали в командование артиллерийскую батарею. И Михаил, получив звание подполковника, был назначен командиром 4-й батареи 36-й артиллерийской бригады, стоявшей в городе Карачеве (Московский военный округ, 13-й армейский корпус)¹⁵.

К этому времени на Дальнем Востоке сплелся сложный узел международных противоречий, что привело к русско-японской войне, ставшей первым боевым испытанием для Михаила Васильевича Ханжина.

Глава пятая

МАНЬЧЖУРСКИЙ ФРОНТ

Многие страны на рубеже XIX—XX вв. включились в гонку вооружений. Не осталась в стороне и Российская империя. Забота об усилении и развитии вооруженных сил являлась одним из краеугольных камней в политике Петербурга. К 1897 году завершилась первая очередь перевооружения армии трехлинейной образца 1891 г. Для этого потребовалось два миллиона новых винтовок. В следующем году начался второй этап перевооружения, в течение которого предполагалось изготовить 1290 тысяч винтовок С. И. Мосина. На это были пущены огромные ассигнования правительства.

Началось перепрофилирование крепостной и осадной артиллерии. Затем — перевооружение русской армии скорострельной полевой трехдюймовой пушкой. По этой причине создали специальную комиссию, которая объявила международный конкурс на разработку лучшего проекта легкой пушки. После проведения двухлетних испытаний лучшим признали образец, разработанный Обществом Путиловских заводов, и Николай Второй утвердил начало перевооружения войск пушкой образца 1900 года. И опять правительство выделило большие средства.

Столь огромные расходы на гонку вооружений пугали некоторых трезвомыслящих государственных мужей России. Поэтому еще в 1898 г. на международной конференции в Гааге обсуждались миролюбивые инициативы русского царя о сокращении военных расходов мировыми державами, о разрешении споров между государствами не с помощью оружия, а через третейский суд. Однако эти предложения не встретили понимания со стороны большинства участников конференции. Военные «ястребы» некоторых стран рвались в бой, чтобы испытать свое новое оружие в деле. И скоро такой случай представился. Тут и там стали вспыхивать небольшие войны: в Карибском море — за владения одряхлевшей Испании, в Южной Африке — за алмазные рудники, на Дальнем Востоке — за влияние в Китае...

Алчные устремления камарилы, вьющейся при дворе российского императора, безответственная политика западных держав на Дальнем Востоке и агрессивные намерения Японии делали войну в Маньчжурии неизбежной.

К военным действиям в Китае русская армия и флот в общем-то не готовились по причине благодушного настроения в петербургских верхах. Военный министр генерал А. Н. Куропаткин, незадолго до войны побывав в Японии и познакомившись с ее вооруженными силами, сделал вывод, что эта маленькая островная страна не представляет серьезной опасности для огромной Российской империи. Свое мнение он сумел внушить и Николаю Второму¹. Сам российский государь в одной из бесед заявил: «Войны не будет, так как я ее не хочу». А С. Ю. Витте, бывший в ту пору председателем кабинета министров, позднее вспоминал: «Факт тот что относительно приготовлений наших к военным действиям на Дальнем Востоке мы не принимали почти никаких серьезных мер, будучи уверены, что ранее всего нам грозит война на Западе»².

Только в конце 1903 года, когда неизбежность войны стала очевидной, на восток потянулись беспрерывной чередой воин-

ские эшелоны. По армии в целом сказывалась нехватка обмундирования. Командный состав не имел карт будущего театра военных действий. Новые трехдюймовые пушки еще не были до конца освоены и апробированы в артиллерийских частях.

Однако, несмотря на эти недостатки, большинство кадровых военных русской армии смотрели на предстоящую кампанию довольно оптимистично. Война им представлялась скоротечной и победоносной. Но в то же время большой энтузиазм к войне, осознание ее целей, как писал тогда один известный журналист, отсутствовали у многих офицеров, не говоря уже о солдатах³.

Вполне вероятно, что такие настроения были свойственны Михаилу Васильевичу Ханжину, который нес службу далеко от Маньчжурии, в небольшом городке Карачеве Орловской губернии, упоминавшемся еще в русских летописях XII века. Здесь и застала его война.

Она началась на море. 27 января 1904 года три японских миноносца из эскадры адмирала Х. Того в ночной темноте почти без шума подошли на близкое расстояние к «Цесаревичу», «Ретвизану», «Палладе», стоявших на порт-артурском рейде, и выпустили в них свои мины. Надежная конструкция русских кораблей спасла их от немедленного затопления, но суда надолго вышли из строя. Одновременно с этими событиями в бухте корейского порта Чемульпо японская эскадра попыталась заблокировать крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец». Но русские офицеры и матросы решили принять неравный бой. В результате, не желая спустить Андреевский флаг перед врагом, они потопили «Варяг» на рейде и взорвали канонерскую лодку.

Лишь по прошествии нескольких дней после таких акций Япония официально объявила войну России. Вскоре японцы на многочисленных судах перевезли на материк, в Маньчжурию, свои немалые сухопутные силы. Крепость Порт-Артур в короткий срок оказалась осажденной и с моря, и с суши.

Таким образом, стало ясно, что война для России приняла неблагоприятный оборот. Из центральных, западных районов страны началась усиленная переброска войск на Дальний Восток. Она протекала не так быстро, как хотелось бы в Петербурге. Одноколейная Транссибирская железнодорожная магистраль и большие расстояния давали о себе знать.

Получил новое назначение на Дальний Восток и подполковник Ханжин, не без сожаления покинувший свой уютный семейный очаг в Карачеве. Незадолго до этого у них с Еленой Павловной родилась дочка Агния. Но служба есть служба.

И Ханжин как офицер прекрасно понимал, что приказы должны выполняться, несмотря ни на что. С конца марта 1904 года он находился уже в Маньчжурии.

После отъезда Михаила Васильевича на фронт его супруга с маленькой дочуркой и со своей матерью, Клавдией Петровной, которая жила вместе с ними, уехали в одну из деревень Пензенской губернии. Там находились их родственники — мать и дочь Каплан, последняя работала учительницей в местной сельской школе. Здесь они и прожили до конца войны⁴. Кстати, в это время Елена Павловна, переживая за судьбу мужа, начала курить. На подобный шаг ее подтолкнула одна знакомая, утверждавшая, что папироса часто приносит душевное облегчение. И Елена Павловна вняла ее совету. С этого момента и до конца своих дней она была неравнодушна к хорошим папиросам. Сам Михаил Васильевич также являлся завзятым курильщиком, но бросил эту привычку в пятидесятилетнем возрасте, будучи уже в эмиграции.

Военные планы японцев предполагали широкие наступательные операции на Ляодунском полуострове, в Мукденской провинции, и активные действия на море, где они уже в первые дни войны достигли превосходства. Российский флот, запертый в Порт-Артурской бухте, медленно таял, не принося ни малейшего вреда японцам. Снаряды из русских орудий не долетали до вражеских судов, которые, в свою очередь, прицельно расстреливали броненосцы и крейсера с Андреевским флагом. В этой ситуации большие надежды возлагались на инициативного и талантливого вице-адмирала С. О. Макарова, недавно назначенного командующим Тихоокеанской эскадрой. Но случилось непредвиденное. Флагманский броненосец «Петропавловск», на котором находился новый командующий флотом, подорвался на mine и моментально затонул. Спаслись немногие. Среди них не оказалось ни адмирала С. О. Макарова, ни находящегося в момент взрыва на корабле одного из лучших русских художников-баталистов В. В. Верещагина. В России гибель «Петропавловска» вызвала большую тревогу за исход войны. Взоры политиков и общественности обратились на русскую армию, вступившую в пределы Маньчжурии.

Главномандующим всеми российскими вооруженными силами на Дальнем Востоке являлся наместник царя адмирал Е. И. Алексеев, а командующим сухопутными войсками с начала войны — генерал А. Н. Куропаткин, с правом самостоятельно сноситься с царем и правительством. К середине марта 1904 года Маньчжурская армия Куропаткина завершила свое развертывание в Северо-Восточном Китае. Здесь подполковник

Ханжин принимает в командование 4-ю батарею 3-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады (командир — полковник К. К. Шверин). Мог ли Михаил Васильевич предвидеть, что в эти края, где он получит первое боевое крещение, судьба забросит его вновь? Почти двадцать пять лет своей жизни он отдал этой земле. Но об этом позже.

Первая настоящая встреча подполковника Ханжина с врагом произошла лишь в августе 1904 г. близ города Ляоян. Состоявшееся здесь сражение явилось крупным событием японской кампании. Оно планировалось русским командованием еще с начала войны и носило оборонительный характер с целью выиграть время для подхода новых частей из России.

Перед началом боев 4-й батарея подполковника Ханжина в составе 3-го Сибирского армейского корпуса (командир — генерал-лейтенант Н. И. Иванов) согласно боевому расписанию занимала позицию севернее деревни Кудяцзы. В ночь на 12 августа передовые гвардейские части 1-й армии Куроки нанесли удар по правому слабому флангу 3-го Сибирского корпуса. Японцы были остановлены сильным огнем русской артиллерии, в том числе и подразделения Ханжина. Солдаты и офицеры его батареи умело применяли маневр «огнем и колесами», удачно сочетали стрельбу с закрытых и открытых позиций, проявляя высокое боевое мастерство. Командир артиллерийской бригады полковник Шверин доносил в тот день генералу Иванову: «Такую успешную борьбу артиллерии с японской артиллерией надо всецело приписать отличному обучению, спокойствию, мужеству и самоотверженной деятельности всех чинов артиллерии»⁵. Впоследствии за этот бой Михаил Васильевич будет награжден орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами⁶.

Благодаря умелому использованию артиллерии части 3-го Сибирского корпуса отразили все атаки противника, а на правом фланге продвинулись даже вперед. Появились благоприятные условия для перехода в наступление остальных войск на этом участке фронта. Однако командующий генерал А. Н. Куропаткин приказал отвести части корпуса на передовые позиции к Ляояну. Артиллеристы подполковника Ханжина, как и другие подразделения корпуса, снялись со своих мест и отходили на север по размытым двухдневными дождями дорогам. Японцы их не преследовали.

Следующее столкновение с врагом произошло 17 августа. На рассвете артиллерия «Страны восходящего солнца» открыла сильный огонь по батарее Ханжина, расположенной за гребнем одной из высот. Кругом стали рваться снаряды. Вверх взмет-

нулись камни, осколки, комья земли. Дым и огонь застилали горизонт. Несколько орудий вышло из строя.

Спас положение стоявший невдалеке артиллерийский дивизион полковника В. А. Слюсаренко, который ответной стрельбой с закрытых позиций за короткий срок вывел из строя две японские батареи. Это стало возможным после того, как сам Слюсаренко занял наблюдательный пункт на одной из высот, откуда обнаружил японскую артиллерию, ведущую огонь по батарее Ханжина. Пользуясь угломером и сигнализацией флагами, он направил против японцев орудия своего дивизиона. В результате вновь ожила батарея Михаила Васильевича, и совместными усилиями русские артиллеристы заставили замолчать вражеские пушки.

Внезапно из высоких и густых зарослей гаоляна выросли многочисленные цепи низкорослых японских солдат. Артиллеристы Ханжина и Слюсаренко перенесли свой огонь на них. Атака японцев захлебнулась. Они отступили. Много пехотинцев осталось лежать в зарослях гаоляна ⁷.

Другой день также выдался жарким. Части 3-го Сибирского армейского корпуса отразили все атаки врага и не отступили ни на шаг, а затем по приказу генерала Куропаткина отошли на заранее подготовленные позиции. В последующие три дня развернулись решительные бои под Ляояном. Но подразделение подполковника Ханжина, как и все части корпуса, находилось в резерве севернее города и не участвовало в те дни в батальи. Японцы тогда понесли большие потери: до 20 % численного состава. Однако Куропаткин из-за опасения попасть в окружение вновь приказал войскам отступать. Русская армия, отойдя на 50 верст, заняла новые позиции у Мукдена. За участие в боях под Ляояном Михаила Васильевича наградили орденом Святой Анны 2-й степени с мечами ⁸.

Расчеты японцев на быструю капитуляцию Порт-Артура не оправдались. Гарнизон крепости мужественно сражался с неприятелем, отвлекая на себя крупные японские силы. Генерал Куропаткин решил помочь осажденным посредством крупной наступательной операции. Осенью 1904 года появился его знаменитый приказ, начинавшийся словами: «Пришло для нас время заставить японцев повиноваться нашей воле, ибо силы Маньчжурской армии ныне стали достаточны для перехода в наступление». Оно началось 22 сентября в гористой малоизученной местности. На шестой день начался встречный бой с перешедшим в контрнаступление противником. Батарея Ханжина находилась, как и весь 3-й Сибирский корпус, в составе колонны генерал-лейтенанта Г. К. Штакельберга, которая

имела задачу обойти фланг японцев. Однако этого сделать не удалось, так как войска наткнулись на ряд горных перевалов, не обозначенных на русских военных картах и сильно укрепленных японцами. Атаки на перевалы оказались безуспешными. К тому же враг усилил свой наступательный прорыв на других участках фронта. В ночь на 29 сентября противник вклинился в расположение русских войск. Угроза прорыва побудила Куропаткина, не решившегося ввести в бой резервы, перейти к обороне. Русские войска поспешно отошли назад и едва удержались на линии реки Шахэ. Японское командование также отказалось от дальнейшего продвижения вперед. На Маньчжурском фронте наступила длительная передышка, так называемое «шахэйское сидение».

Чем же занимались русские офицеры в часы затишья на фронте? Некоторые корреспонденты писали с театра военных действий о повальном пьянстве, которому будто бы предавались командные чины русской армии. Е. И. Мартынов, впоследствии военный теоретик, генерал, а в годы японской войны — командир пехотного полка, утверждал, что это тенденциозная ложь. «Наши строевые офицеры, — писал он, — жили до такой степени скромно, что, например, в моем полку почти половина их ради экономии довольствовалась из солдатского котла. В полку было человек пять, которые в периоды боевого затишья и при наличии каких-нибудь спиртных напитков не прочь были основательно выпить. Однако водку и вино далеко не всегда можно было достать, да, наконец, при существовавшей в Маньчжурии почти все время страшной дороговизне частое пьянство было совершенно не по карману армейскому офицеру, получавшему в качестве субалтерна около 110 рублей и в должности ротного командира — около 170 рублей в месяц, причем большинству приходилось еще из этого скудного содержания уделять часть своим семьям»⁹.

Подполковник Ханжин предпочитал в свободное время играть в винт. Правда, однажды, сидя с офицерами-сослуживцами за этой карточной игрой в небольшом бревенчатом укрытии, недалеко от передовой, он едва не лишился жизни. Все произошло почти мгновенно. Сначала нарастающий свист, затем грохот взрыва от вражеского снаряда. Стол и трех офицеров, сидевших рядом с Ханжиным, разметало на куски. А Михаила Васильевича, не получившего ни единой царапины, лишь слегка придавило к бревенчатой стенке. Он чудом остался жив. Как потом выяснилось, в укрытие, где в полном разгаре шла карточная игра, попал японский двухдюймовый снаряд — «чемодан», как называла его солдатская молва.

Видимо, именно в этот период сослуживец Ханжина полковник П. Шипов, имеющий талант художника, набросал карандашом его портрет, сохранившийся до наших дней. На нем изображен красивый молодой офицер с правильными чертами лица, живым взглядом и пышными гусарскими усами.

В это время героические защитники Порт-Артура продолжали отбивать атаки превосходящего их по силе и мощи врага. Только в сентябре — ноябре 1904 года они отразили четыре общих штурма японцев на укрепления крепости. Однако начальник Квантунского укрепленного района генерал-лейтенант А. М. Стессель вопреки мнению большинства членов Совета обороны крепости 20 декабря подписал акт о капитуляции Порт-Артура. Как утверждали современники, Стессель во время сдачи крепости подарил свою лошадь генералу Ноги и даже сфотографировался с ним на память, чем, вероятно, немало поразил японца.

С захватом Порт-Артура к противнику переходили запасы провианта, патронов и снарядов, достаточных еще для нескольких месяцев обороны. После войны Стесселя предали военному суду, который приговорил его к смертной казни. Но царь помиловал бывшего генерала.

Падение Порт-Артура поставило русское командование перед необходимостью безотлагательно перейти в наступление, чтобы попытаться разбить основные японские силы в Маньчжурии до подхода на фронт освободившейся армии генерала Ноги. Однако пока Куропаткин разрабатывал план наступления, его опередил противник. В феврале 1905 года началось сражение под Мукденом на фронте протяженностью 120 верст и глубиной 60 верст, которое длилось 17 дней. Здесь три русских армии столкнулись с войсками маршала И. Оямы.

Подполковник М. В. Ханжин вместе со своей батареей находился на левом фланге русского фронта в составе 1-й армии генерала Н. П. Линевича. На этом участке японцы рассчитывали нанести сильный удар с целью выйти в тыл и окружить русских. Поэтому здесь у них скрытно сосредоточивалась 5-я армия Кавамуры, а также части 1-й армии Куроки. Когда же они начали свое продвижение, их остановил огонь русской артиллерии. Батарея Ханжина отличилась в боях 14, 17 и 20 февраля, отбивая атаки японцев на горные позиции 11-го и 12-го Восточно-Сибирских стрелковых полков у Фаншинского перевала, где начинались истоки реки Шахэ. В период Мукденских боев батарея израсходовала 4798 снарядов, больше чем в остальных подразделениях бригады¹⁰. За это сражение, где Михаил Васильевич проявил мужество и смекалку, уверенно

командуя своей батареей, его представили к награждению орденом Святого Георгия 4-й степени. Но дума кавалеров этого ордена при штабе Главнокомандующего, по неизвестной нам причине, отклонила данное представление на артиллерийского офицера Ханжина. Уже значительно позже, в июне 1906 года, по настоянию командира 3-го Сибирского армейского корпуса генерала Иванова, Михаил Васильевич вместо награждения орденом был произведен в чин полковника¹¹.

24 февраля японцам все же удалось прорвать фронт 1-й армии Линевича, их пехота хлынула в прорыв, создавая угрозу полного окружения русских войск. Куропаткин, потерявший веру в победу, отдал приказ начать общий отход.

Если события на реке Шахэ пошатнули веру в Куропаткина, то Мукден рассеял последние иллюзии относительно его полководческих способностей. Разочарование в нем оказалось особенно сильным, так как до этого вся Россия верила в Куропаткина как сподвижника легендарного «белого генерала» М. Д. Скобелева. Русская же армия видела в нем своего человека, вышедшего из простой армейской среды, сделавшего карьеру под пулями, а не в петербургской канцелярии или дворцовой прихожей. Генералу Куропаткину нельзя было отказать в природном уме, даре слова, огромном трудолюбии, разнообразных теоретических и практических познаниях. По отзывам многих его сослуживцев, он являлся прекрасным администратором. Деятельность генерала по управлению Закаспийской областью, а затем на посту военного министра, где он проявил знание военного быта и заботливость об офицере и солдате, только подтверждают эти слова. Однако полководческим даром, как показали события русско-японской войны, он не обладал. Когда еще шли бои за Мукден, А. Н. Куропаткина сместили с поста главнокомандующего, дав ему в командование 1-ю русскую армию. Его заменил генерал Н. П. Линевич.

Артиллерийская батарея Ханжина 25 февраля уже стояла под Фушунем и вела огонь по наступающему противнику, который благодаря стрельбе русских орудий топтался на месте и не мог продвигаться вперед. Впоследствии, после войны, в 1907 году, Михаила Васильевича за храбрость и умелое руководство своей батареей в этот день, а также за бои под Ляояном все-таки наградили орденом Святого Георгия 4-й степени¹².

Сражение под Мукденом завершалось. Русские войска отступали. Все происходило спокойно и организованно. Японцы, сильно измотанные в боях, и, не имея многочисленной конницы, не преследовали отступающих. Для русской армии, которая заняла новые позиции севернее Телина, эта баталия стала

практически крупной последней военной операцией. А на море в мае 1905 г. у острова Цусима разыгрались печальные для России события. В течение одних суток 2-я Тихоокеанская эскадра во главе с вице-адмиралом З. П. Рожественским, пришедшая с Балтики к берегам Японии, чтобы переломить ход войны, оказалась разгромлена объединенным флотом адмирала Х. Того.

Завершающим актом трагедии с названием «русско-японская война» явилась высадка небольшого японского десанта на Сахалине. Губернатору острова генерал-майору Ляпунову, возглавившему пять местных батальонов и несколько дружин из добровольцев-каторжан, не удалось оказать серьезного сопротивления «незванным гостям из страны восходящего солнца». Его отряды в беспорядке отступили от города Корсакова и вскоре сложили оружие.

Война приближалась к своему завершению. Силы обеих сторон были измотаны. После январского «кровавого воскресенья» в России закипели революционные страсти. В русской армии, потерпевшей ряд военных поражений, до которой дошли вести о событиях на родине, началось брожение среди солдат. Мир стал необходим не только Российской империи, сотрясаемой революционными взрывами, но и Японии, заливающей свои кровавые раны. Обе враждующие стороны решили этот вопрос в американском городке Портсмуте в августе 1905 года, где был положен конец войне.

Глава шестая

НА СЛУЖБЕ ЦАРЮ И ОТЕЧЕСТВУ

Революция 1905 года захлестнула всю Россию кумачовыми знаменами, митингами, забастовками, огнем пылающих усадеб, баррикадами с вооруженными дружинниками. Подполковнику М. В. Ханжину, чтобы добраться из далекой Маньчжурии до Петербурга, места своего нового назначения, пришлось бесконечно долго тащиться в воинском эшелоне по целому ряду новоявленных «республик» — Читинской, Иркутской, Красноярской и др. Везде, на станциях бушевало беспокойное солдатское море. «И все тогдашние митинги, резолюции, Советы и вообще все проявления военного бунта — с большей силой, но в несравненно более широком масштабе, но с фотографической точностью повторились в 1917 году», — писал позднее очевидец этих событий, молодой офицер Антон

Деникин¹. Он так же, как и Ханжин, возвращался в эшелоне с Маньчжурского фронта в Россию.

Самодержавие, хотя и с трудом, все же сумело успокоить эту революцию. Страна вышла из нее со своим первым парламентом, с легальными политическими партиями, со свободой слова, печати, собраний. Россия вступала на демократический путь развития.

В Петербурге в ноябре 1905 г. подполковник Ханжин получает назначение на должность штаб-офицера, заведующего обучением в полевом отделе Офицерской артиллерийской школы стрельбы в Царском Селе, где еще недавно обучался сам. Сюда же перебирается и его семья: жена Елена Павловна, ее мать Клавдия Петровна и дочка Агния. Они поселились в трехэтажном кирпичном здании офицерского состава школы. Для маленькой дочурки Ханжины взяли в дом няню. Как впоследствии писала Агния Михайловна, из ее детских впечатлений о жизни в Царском Селе в памяти остался большой парк, который примыкал непосредственно к императорскому дворцу, а также проезжающая мимо коляска с царицей Александрой Федоровной и двумя ее дочерьми².

Начальником школы, как и раньше, являлся генерал-майор А. Н. Сеницын. Здесь работали некоторые офицеры, которые еще до войны учили Ханжина. С одним из них, полковником С.Н. Дельвигом, у Михаила Васильевича в ходе совместной работы сложились довольно тесные и дружеские отношения. В 1907 году Дельвига назначили помощником начальника школы. Среди новых офицеров-преподавателей оказались и сокурсники Ханжина по училищу — полковники Андреев и Пашенко, подполковник Никольский. Общение с ними для Михаила Васильевича всегда было овеяно воспоминаниями о совместно прожитых счастливых годах юности. Они часто собирались в свободное время вместе. Пили вино, играли в карты, рассказывали друг другу новые анекдоты.

С того момента, как Ханжин стал преподавателем в Офицерской артиллерийской школе стрельбы, начался его испытательный срок на этой должности, и только в 1907 году в его послужных списках исчезло словосочетание «исполняющий должность». Он стал именоваться «штаб-офицер, заведующий обучением офицеров в полевом отделе школы». Обычно для испытательного срока новому человеку на этой должности давали три года, но Михаилу Васильевичу хватило менее двух лет³.

В полевом отделе школы, где трудился на преподавательской стезе Ханжин, обучалось от 60 до 80 офицеров-артиллеристов. Он вел ряд разделов теоретического курса «Сведения

о стрельбе полевой артиллерии». В 1908 году для нового издания учебника Михаил Васильевич переработал и дополнил этот курс, состоящий из следующих глав: траектория полевых снарядов; рассеивание траекторий и разрывов снарядов; вероятность попадания, вероятности перелета, недолета и различных комбинаций; определение положения центров падения и разрывов относительно цели по результатам стрельбы; таблицы стрельбы; действие полевых снарядов ⁴.

Администрация Офицерской артиллерийской школы по инициативе ее начальника генерала Синицына в начале и в конце периода учебы проводила добровольное анкетирование среди обучающихся, где поднимались вопросы их знаний, организации учебного процесса, взаимоотношений с преподавателями, быта учащихся-офицеров. Что касается теоретического курса, который вел Ханжин и несколько других сотрудников школы, то большинство обучающихся считали преподавание его вполне удовлетворительным, материал содержательным, чтение лекций ясным и толковым. Некоторые из анкетированных офицеров считали, что курс необходимо сократить и упростить, уделяя больше внимания решению задач. Сложность в понимании для отдельных учащихся представляла теория вероятности. В анкетах высказывались пожелания включить в курс сведения из книги Обра «Упражнения по полевой артиллерии» и данные о способах стрельбы в иностранных армиях ⁵.

В целом в развитии артиллерии тогда наблюдался бесспорный прогресс. Применение бездымного пороха, противооткатных устройств, зарядание орудий с казенной части, поршневых замков привело к появлению скорострельных пушек, значительно усиливших боевую мощь «бога войны».

Период между двумя войнами для русской армии явился временем реформ. Японская война выявила серьезные недостатки в центральном военном управлении, организации войск, системе комплектования, боевой подготовке и техническом оснащении армии. С целью их устранения в вооруженных силах начались преобразования. Создаются различного рода управления, советы, комиссии. Вводятся должности генерал-инспекторов пехоты, кавалерии, артиллерии, инженерных войск и военно-учебных заведений. Сокращаются сроки действительной службы. Улучшается быт солдат и материальное положение офицеров. Важным мероприятием стала реорганизация армии: увеличилось число армейских корпусов; каждая пехотная дивизия обеспечивалась артиллерийской бригадой (48 трехдюймовых орудий), а стрелковая бригада — дивизионом (24 трехдюймовых орудия). Началось перевооружение кре-

постной и тяжелой полевой артиллерии. В 1910 году ввели новое мобилизационное расписание № 19, обеспечивающее большую готовность вооруженных сил на случай войны. Улучшилось и техническое оснащение армии, так как приняли на вооружение новые полевые гаубицы и горные пушки, в полках создали пулеметные команды (по 8 пулеметов), сформировали корпусные авиаотряды. Введение в 1909—1912 гг. новых уставов и различного рода наставлений значительно улучшило обучение войск.

М. В. Ханжин будучи сотрудником Офицерской артиллерийской школы тоже участвовал в работе по реформированию русской армии. В этот период он трудится в комиссиях по разработке инструкций для действий разведчиков в боях, по определению норм артиллерийского довольствия воинских частей, расположенных в Европейской России и на Кавказе, участвует в работе по составлению дополнений к статуту ордена Святого Георгия. За эту деятельность в 1909 году полковник Ханжин был удостоен «высочайшего благоволения»⁶.

Военные реформы 1905—1912 гг. в общем значительно подняли боеспособность войск, хотя и не устранили многих существенных минусов, которые впоследствии сказались на фронтах первой мировой.

Летом Михаил Васильевич вместе с семьей часто выезжал в Двинск и Луту. В окрестностях этих небольших городов находились полигоны и летние лагеря, где обучались тактике и стрельбе в полевых условиях учащиеся Офицерской артиллерийской школы. Одним из руководителей тактических занятий был Евгений Захарович Барсуков, родом из дворян Рязанской губернии, выпускник Николаевской академии Генерального штаба, теоретик и знаток артиллерийского дела. С этим человеком впоследствии Михаила Васильевича судьба столкнет вновь в 1917 году, когда они вместе будут служить в управлении полевого инспектора артиллерии при штабе Верховного Главнокомандующего. Тогда они станут хорошими друзьями, а пока всего лишь знакомые, сотрудники одного военно-учебного заведения.

В этот период у полковника Ханжина рождаются один за другим два сына-погодки: Алеша (в 1907 г. в Двинске) и Игорь (в 1908 г. в Луте). Теперь семейство Ханжиных пополнилось двумя маленькими «богатырями». Что же касается материального положения Михаила Васильевича и его семьи, то оно было в общем благополучным. Ханжины жили за счет офицерского жалованья главы семейства. Других средств дохода они не имели. Михаил Васильевич как полковник и сотрудник

школы получал в год 1536 рублей и столовых 720 рублей, пользуясь при этом бесплатной казенной квартирой⁷. Этих денег вполне хватало, чтобы содержать семью.

Если говорить в целом о русском офицерском корпусе, то самым тяжелым периодом для него (до мировой войны и революции) и в материальном, и в нравственном отношении явились 80—90-е годы XIX столетия, когда рост цен не сопровождался адекватным увеличением жалованья, и резко упал престиж офицерских погон. В начале XX века после повышения жалованья бытовые условия офицеров русской армии естественно улучшились и до первой мировой оставались достаточно хорошими, хотя материальное положение кадрового военного относительно других слоев общества никогда уже не стояло так высоко, как в XVIII — начале XIX века⁸.

В мае 1909 г. полковника Ханжина назначили командиром 1-го дивизиона 42-й артиллерийской бригады (21-й армейский корпус, Киевский военный округ)⁹. Он вместе с семьей отправляется в город Нежин Черниговской губернии на новое место службы. Нежин в то время являл собою захолустный городишко, скорее похожий на деревню; ровесник Москвы, в далеком прошлом принадлежавший Польше. Главной достопримечательностью города была гимназия, где учился Николай Васильевич Гоголь, знаменитый уроженец Нежина.

Сначала Ханжины сняли квартиру на окраине города, но вскоре перебрались в центр. Они имели прислугу. Вместе с ними из Царского Села приехала няня Екатерина, но после столицы ей в провинции не понравилось, и она вернулась обратно. В Нежине на квартире у Ханжиных управлялись по хозяйству две «хохлушки»: мать Агария и дочь Синклитикия (все ее звали просто Синклита). Частыми гостями у Ханжиных были супруги Турбины — Алексей Петрович и Наталья Романовна. Однако вскоре они уехали в Германию, где Алексей Петрович будучи также артиллерийским офицером учился у немцев военному искусству. Они оставили Ханжиным на попечение Тюпку, своего рыжего лохматого пса, очень похожего на лиса. Тюпка прожил у Ханжиных довольно долго. Но затем, уже в годы революционной смуты, его пришлось оставить в Виннице.

По субботам Михаил Васильевич с Еленой Павловной посещали офицерское собрание, место общения и досуга военного сословия города. Полковник Ханжин чаще всего предпочитал игру в винт, проводя за карточным столом многие часы. Его же супруга музицировала и пела у рояля. Тут же, в офицерском собрании, отмечали и праздники. На Рождество уста-

навливалась большая елка, для детей проводились утренники с подарками и неизменным Дедом-Морозом. А вечером устраивали бал для взрослых.

В семье Ханжиных старались выполнять все православные обычаи и традиции, особенно по праздникам. Под Рождество, в сочельник, с утра никто ничего не ел. Михаил Васильевич с женой в гостиной ставили и украшали елку, а на кухне прислуга готовила ужин из постных блюд: пирог с рыбой, «кутья изварного риса» с медом, орехами и изюмом, компот из сушеных фруктов. Поздним вечером все семейство Ханжиных отправлялось к всенощной в церковь. По возвращении с праздничной ночной службы отмечали Рождество у елки, под которой для детей были приготовлены подарки.

Как вспоминает дочь Михаила Васильевича Агния, в Нежине она стала посещать начальную школу, где преподавали три высокие миловидные девушки, дочери отставного полковника С. Родионова. Говорили они между собой только по-французски, следуя модным веяниям, господствующим в то время в образованной дворянской среде¹⁰.

Сам Михаил Васильевич часто пропадал на службе, занимаясь в основном обучением своих подчиненных стрельбе и тактическим маневрам. Дивизионная артиллерия состояла главным образом из легких орудий, которые предназначались для ведения настильного огня и поражения открытых целей шрапнелью. Дальность стрельбы достигала 4—6 верст. Русские войска были вооружены полевой 76,2 мм пушкой образца 1902 г., являвшейся по своим баллистическим свойствам одной из лучших в мире. В дивизионе у полковника Ханжина насчитывалось 24 орудия подобного образца.

Вскоре, в августе 1910 г., он получает новое назначение — помощником командира 44-й артиллерийской бригады, квартировавшей в основном на Млесвском заводе (9-й армейский корпус, Киевский военный округ¹¹).

Через два года у Ханжиных, недалеко от деревушки Филифки, в старой барской усадьбе, которую они снимали на летние месяцы у нежинских помещиков, уехавших за границу, родился еще один сын — Витя. В этом памятном 1912 г. по всей России широко отмечалось столетие победоносной войны с Наполеоном. Может быть, поэтому новорожденный получил имя Виктор, что по-латыни означает «победитель». Полковника Ханжина в том же юбилейном году наградили орденом Святого Владимира 4-й степени¹².

В то время почти каждое лето в семье Михаила Васильевича гостили Миша и Володя, его сыновья от первого брака, уча-

щиеся кадетских корпусов. Мальчики в доме отца чувствовали себя хорошо и уверенно, здесь всегда царила доброжелательная атмосфера. Они часто бывали на природе, гуляя в большом саду, который окружал усадьбу. Сад заканчивался небольшим, зарастающим тиной прудом, откуда вечером доносился «лягушачий концерт». Однажды ребята подобрали там аистенка с перебитым крылом, гнездо аистов находилось на крыше одного из домов усадьбы, и стали за ним ухаживать. Как правило, месяц своих летних каникул Миша и Володя проводили у отца, а затем уезжали в Ташкент к матери ¹³.

Отец видел сыновей только вечерами и по выходным дням, которых у него практически не было. В 1913 г. по приглашению французского правительства полковник Ханжин в составе военной делегации командирован на артиллерийские стрельбы в лагерь Мальи и Шалонский. Это была его первая поездка за границу. В ходе ее Михаил Васильевич познакомился, насколько представлялось возможным, с вооруженными силами, а особенно с артиллерийским парком Франции, страны, которая станет союзницей России в предстоящей мировой войне. На родину Ханжин вернулся с офицерским крестом Почетного легиона на груди ¹⁴.

Последнее мирное лето 1913 г. семья Михаила Васильевича провела в Дарнице, под Киевом, так как здесь находился артиллерийский полигон, начальником которого назначили Ханжина. Среди круговорота событий того времени, происходящих в семье, Агнии Михайловне запомнился приезд гости из далекого Троицка, сестры Михаила Васильевича, Елены, посещение Всемирной выставки, проходившей тогда в Киеве, и тревожения родителей за детей, переболевших в августе корью ¹⁵.

Тем временем над миром начали сгущаться тучи новой, невиданной по своим огромным масштабам и жертвам войны. Серьезные противоречия и конфликты между европейскими державами вспыхивают то в Марокко, то на Балканах, то в Османской империи. И везде застрельщиком выступает агрессивная Германия, стремившаяся к переделу мира в собственных интересах.

Образуются две враждующие группировки стран. С одной стороны, Тройственный союз в составе Германии, Австро-Венгрии и Италии, с другой — Антанта, включающая Англию, Францию и Россию. Оба блока активно увеличивали свою военную мощь, готовясь к схватке.

Сухопутные силы больше всех наращивали Германия и Франция, постоянные соперники на Европейском континенте. К лету 1914 года эти страны довели численный состав своих

армий до 800 тысяч военнослужащих. Не отставала от них и Россия, имевшая уже тогда самую многочисленную армию в мире. По штатам на 1912 г. в составе русской регулярной армии предполагалось иметь более 1 миллиона 300 тысяч человек. А в конце 1913 г. была утверждена так называемая «Большая программа по усилению армии», предусматривающая увеличение сухопутных сил России к 1917 г. еще на 480 тысяч человек, а также материальной части артиллерии и других родов войск ¹⁶.

Незадолго до начала войны Михаил Васильевич Ханжин стал генералом, со старшинством с июня 1910 года ¹⁷. Он принимает в командование 19-ю артиллерийскую бригаду, расквартированную в Виннице, городе Каменец-Подольской губернии. Бригада входила в состав 19-й пехотной дивизии 12-го армейского корпуса (Киевский округ). Весной 1914 г. Михаил Васильевич перевез в Винницу и родных, которых разместил в пригороде, в небольшом деревянном доме, как обычно, в очередной раз снятом на время. Этого требовали обстоятельства кочевой жизни офицера и его семьи.

Винница — небольшой городок, стоящий на Буге, считался по тем временам довольно благоустроенным местечком. Мощенные камнем центральные улицы. Электроосвещение. Трамвай. Шестиэтажная гостиница «Савой». Несколько кинотеатров. Театр миниатюр. Женская и мужская гимназии. Реальное училище. Монастыри и деревенные церкви.

Летом семейство Ханжиных вместе со своими новыми знакомыми из Варшавы, снимавшими номер в «Савойе», ходили купаться на Буг. Посещали синематограф, где все лето крутили многосерийную американскую мелодраму с незатейливым сюжетом и, конечно, со счастливым концом: молодая и красивая миллионерша Паулина выходит живой и невредимой из всех ловушек, которые устраивает ее опекун, чтобы завладеть богатством девушки, в итоге она становится женой своего спасителя, юноши, всегда ее выручавшего. Дети активно занимались изучением французского языка под руководством уже немолодой рыжеволосой мадам Бланш Меркилье, очень доброй и всегда улыбающейся женщины. Она без конца говорила о своей родине, мечтая поскорей уехать во Францию. Воспитанием детей занималась Лео Попелен, высокая, черная, некрасивая и хромя гувернантка. Всегда казавшаяся неприступной, строгой, холодной, в день получения своего жалования она превращалась в добрую фею с очаровательной улыбкой на лице. Нанимала извозчика и катала сияющих от радости детей генерала по Никольскому проспекту, главной улице города. Сам Михаил

Васильевич практически дневал и ночевал в летнем полевом лагере. Чувствовалось дыхание приближающейся войны.

План развертывания русских войск на случай ведения боевых действий был разработан в двух вариантах. Если бы Германия направила свои главные силы совместно с Австро-Венгрией против России, то армия разворачивалась по варианту «Г», согласно которому большая часть сил направлялась против Германии. На случай, если бы кайзер Вильгельм направил большинство своих войск против Франции, имелся вариант «А», по которому русский Генеральный штаб планировал главный удар нанести против Австро-Венгрии, сосредоточив основную массу войск к югу от Полесья. На данном направлении конечной целью являлось овладение Веной и Будапештом. При этом считалось необходимым первоначально уничтожить австрийские силы, развернутые в Галиции. Одновременно предусматривалось наступление русской армии и против Германии, чтобы привлечь на себя силы немцев с Западного фронта.

В 1914 году для развертывания российской императорской армии был принят вариант «А». По этому варианту против Германии разворачивался Северо-Западный фронт в составе 1-й и 2-й армий, а против Австро-Венгрии — Юго-Западный фронт в составе 3-й, 4-й, 5-й и 8-й армий. Русские войска имели общую задачу перейти в наступление с целью перенесения войны в пределы Германии и Австро-Венгрии. Необходимо отметить, что планы ведения предстоящей войны, разработанные в России и других странах Антанты, предполагали начало военных действий только после нападения со стороны агрессора. Как показали дальнейшие события, именно Германия и Австро-Венгрия выступили в этой роли.

За три месяца до войны в штабе Киевского военного округа даже провели военную игру с целью проверки оперативных и мобилизационных планов развертывания частей. Руководили игрой военный министр Сухомлинов, начальник Генерального штаба Янушкевич и начальник оперативного управления Данилов¹⁸.

Командование российской армии имело у себя на руках секретный план стратегического развертывания австрийских войск, купленный у начальника разведотдела австрийского Генерального штаба полковника Редля. Поэтому многие в высшем военном руководстве считали Австро-Венгрию неопасным врагом, о планах которого заранее уже известно. Однако австрийский Генштаб, узнав через свою агентуру в Петербурге о предательстве полковника Редля, не предал этот факт огласке,

чтобы спутать расчеты русского командования. Изменнику предложили застрелиться, что он и сделал. А план развертывания австрийских войск был существенно изменен. Все это отрицательно сказалось впоследствии на действиях русских армий Юго-Западного фронта в начальный период войны.

Весной 1914 года командир 12-го армейского корпуса генерал А. А. Брусилов организовал полевую инспекционную поездку в войска. Его сопровождали все начальствующие лица корпуса, в том числе и генерал Ханжин¹⁹. Личный состав бригады, которой командовал Михаил Васильевич, в это время активно занимался подготовкой к предстоящим боевым действиям. Войну предчувствовали, ее ждали, к ней готовились.

Глава седьмая

В ОГНЕ ВОЙНЫ

Выстрелы в боснийском городке Сараево, сразившие наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его супругу, стали прелюдией к мировой войне. Она началась. И никто тогда не мог предположить, что мир выйдет из этой войны совершенно другим. Рухнут старые империи, а на одной шестой части земного шара победит коммунизм, готовый зажечь пожар всемирной революции и на других континентах.

В России первую мировую встретили с большим патриотическим подъемом, называли ее и Великой, и Отечественной войной. Этот патриотизм порой переходил в безумную ненависть всего немецкого, что выливалось в погромы магазинов, лавок, контор предпринимателей из Германии и Австрии, или обрусевших немцев, в переименовании Петербурга в Петроград.

Главные противники Антанты Германия и Австро-Венгрия первыми начали военные действия. Австрийцы атаковали сербов на Балканах, а немцы оккупировали Люксембург, Бельгию и вторглись в пределы Франции. Самолеты с черными крестами все чаще стали появляться над Эйфелевой башней. Французское правительство эвакуировалось в Бордо. Чтобы спасти Париж, русские армии Северо-Западного фронта (командующий генерал Я. Г. Жилинский) перешли в наступление в Восточной Пруссии. Но из-за несогласованности в действиях русских войск наступательная операция окончилась неудачей.

На Юго-Западном фронте (командующий генерал Н. И. Иванов), где находилась и 19-я артбригада, обстановка складывалась иначе. 17 июля пришел приказ о мобилизации из штаба 12-го армейского корпуса. Через неделю подразделение Ханжина в полном составе на эшелонах выдвинулось в район Проскурова, находившегося недалеко от австрийской границы. Здесь в короткие сроки была сформирована 8-я армия, командующим которой стал генерал А. А. Брусилов.

Русское военное командование предполагало разгромить и вытеснить австрийские части из Галиции и тем самым облегчить положение англо-французских войск на Западе. Перейдя австрийскую границу, русские армии начали большое наступление по всему фронту. Частям 8-й армии пришлось выдержать упорное сопротивление неприятеля на реке Коропец. Об этих боях в оперативно-разведывательной сводке штаба армии говорилось: «Наши войска дрались отлично, расстроенный противник в беспорядке отступил в направлении Галича; местность западнее реки Коропец покрыта трупами, зарядными ящиками, выюками, оружием. Брошены четыре австрийских орудия». Генерал Брусилов отмечал, что вверенные ему войска «проявили присущие русскому воину храбрость и самоотверженность». За восемь дней марша 8-я армия прошла более 140 верст¹.

Следующим трудным барьером для наступающих частей Брусилова стала река Гнилая Липа, на берегах которой в течение трех дней шли ожесточенные бои. Австрийское командование стремилось упорной обороной с фронта и ударом со стороны Галича во фланг нанести поражение русским войскам. Однако намерения противника не сбылись. Соединения 8-й армии разгромили 12-й корпус австрийцев и создали угрозу окружения всей неприятельской группировке, располагавшейся южнее Львова. Враг стал отступать. Одновременно была отбита атака австрийцев в районе Галича. Русские захватили много пленных, в том числе одного генерала, а также три полковых знамени и свыше семидесяти пушек².

В этих боях активно действовали и 48 орудий бригады генерала Ханжина. Впервые они вступили в бой 12 августа у городка Рогатин. Спустя пять дней подразделение Михаила Васильевича переправилось через Гнилую Липу и успешно вело огонь по цепям вражеской пехоты на правом берегу реки. За эти бои отдельные нижние чины артиллерийской бригады были представлены к наградам. Среди них оказались: вольноопределяющийся Николай Забело, который под сильным огнем противника из наблюдательного пункта указывал точное направление стрельбы для своей батареи; фельдфебель Федот Захарченко,

остановивший панику в обозе одной из частей бригады; подпрапорщик Григорий Суворов и сверхсрочник Герман Краевой, мужественно и спокойно исполнявшие обязанности взводных командиров и бомбардир-наводчиков, а также ряд других бойцов³.

Вскоре под ударами российских войск пал Львов. Завершающим аккордом в Галицийской операции для армии Брусилова стало Городокское сражение, которое в результате упорных боев, длившихся четыре дня, завершилось победой русских. Впереди был Перемышль, хорошо укрепленная австрийцами крепость.

Семья Михаила Васильевича жила все это время в Виннице. В сентябре они переехали в просторную шестикомнатную квартиру в двухэтажном доме с небольшим двориком, который через витиеватую арку выходил к Никольскому проспекту, ведущему к Бугу. По соседству в доме жили большая еврейская семья, молчаливый холостяк и доктор Малиновский с родными.

С началом войны в Виннице мало что изменилось. По-прежнему открывались двери многочисленных магазинов, кафе, кондитерских. По-прежнему тишину городка нарушал звонок редкого трамвая, идущего до вокзала. По-прежнему шумная детвора по утрам шагала в школы и гимназии.

Алешу Ханжина по настоянию матери отдали сначала в реальное училище, находившееся на том же Никольском проспекте, недалеко от их дома. Агнию Елена Павловна отвезла в Москву, где, сдав довольно легко экзамены по арифметике, русскому языку и закону божьему, она поступила в 7-й класс знаменитого Екатерининского института⁴.

Сентябрь 1914 года на фронте выдался дождливым. Артиллерийская бригада Ханжина вместе с некоторыми частями 8-й армии была включена в так называемый блокадный корпус генерал-лейтенанта Д. Щербачева, созданный для взятия Перемышля, и двигалась с большим трудом под непрерывными дождями, в непролазной грязи к этой австрийской крепости. «Богом войны» под Перемышлем командовал инспектор артиллерии 9-го армейского корпуса, старый знакомый Михаила Васильевича, генерал С. Н. Дельвиг, отлично ориентировавшийся во всех вопросах, связанных с готовившейся военной операцией. Главной задачей бригады Ханжина являлась поддержка огнем своих батарей наступления пехоты 19-й дивизии.

Осада Перемышля по приказу генерала Щербачева началась 22 сентября. В этот день артиллеристы Ханжина с 9 часов утра вели огонь по Седлиским укреплениям, находящимся на подступах к Перемышлю, чтобы обеспечить их захват пехотой.

После артобстрела пошел в атаку 73-й пехотный Крымский полк. Но местность была открытой, и наступающие попали под сильный огонь австрийских орудий. Полк залег. Заработала вновь артиллерийская бригада Ханжина. Однако находящаяся у Седлисских укреплений бронированная батарея австрийцев нисколько не пострадала, огонь легких орудий был ей не страшен. И когда крымцы вновь поднялись, то снова понесли большие потери и залегли. Завязался стрелковый бой.

На другом участке 76-й пехотный Кубанский полк после артиллерийской подготовки по окопам австрийцев, проведенной 2-м дивизионом бригады Михаила Васильевича, овладел одной из высот, выбив оттуда неприятеля. Затем вперед продвинулись 75-й Севастопольский и 73-й Крымский полки, захватив сожженную деревню Быкув.

Около полудня обозначился успех общей атаки. Австрийцы группами и поодиночке отступали, покидая свои позиции. Генерал Ханжин приказал командирам дивизионов произвести рекогносцировку для перемещения батарей на более близкие к врагу позиции. По прошествии нескольких часов, несмотря на сильный огонь неприятельской артиллерии, уже две батареи стояли на новом месте и вели обстрел австрийских укреплений и окопов. С наступлением темноты перебрались на новые позиции и другие батареи бригады. В течение ночи они окопались и были снова готовы на следующее утро к бою.

Второй день осады не принес русским больших успехов. Теперь наряду с 19-й артиллерийской бригадой огонь по Седлисским укреплениям вели и три тяжелых гаубичных батареи. Михаил Васильевич в полевой записке командирам дивизионов указывал, что задачей дня является подавление артиллерийской обороны врага, и главная роль в этом отводится гаубицам. «Мы будем способствовать, когда тяжелая артиллерия сделает свое дело, то полки будут атаковать укрепления», — отвечал Ханжин⁵. Однако и в этот день подавить броневую батарею австрийцев не удалось, что являлось главным препятствием для продвижения вперед. Командование выражало недовольство действиями 19-й пехотной дивизии, а также ее артиллерии. К концу дня сюда прислали еще мортирный дивизион.

Почти в полночь пришел приказ о том, что ранним утром 24 сентября предстоит общий решающий штурм. Ночь оказалась сырой и холодной. Шел мелкий дождь. Австрийцы вели редкий огонь. К 4 часам утра все подразделения заняли исходные для штурма позиции. По приказу своих командиров штурмовые колонны тихо, без выстрелов, двинулись вперед, скрываясь в оврагах и кустах. Через несколько минут их обнаружили

вражеские прожекторы. Взвились вверх ракеты. Начался убийственный огонь. Роты штурмующих ринулись вперед, но их остановили австрийские пули и снаряды. Крымцам вновь очень не повезло. Полк попал на фугасы, многие его офицеры и солдаты остались лежать на поле боя. Но часть смельчаков, около роты, во главе с поручиками Толмацким, Ларионовым, подпоручиком Пославским и прапорщиком Шишкиным, преодолев лопатами, топорами и руками проволочные заграждения, выбили австрийцев из окопов и на их плечах, по мостику через бетонированный ров, ворвались во внутренний дворик одного из укреплений. Здесь их взору предстали башни с орудиями и пулеметами. Пушки молчали, так как растерявшаяся их прислуга, захватив с собой замки от орудий, убежала в лес. А пулеметчики быстро оправились от неожиданного появления русских, и чуть забрезжил рассвет, открыли по ним огонь. Многие крымцы, оказавшиеся на открытом пространстве, без укрытий, под австрийскими пулями, остались в живых. Других взяли в плен⁶.

В этот день артиллерийская бригада Ханжина несколько могла оказывать помощь своей пехоте, обрушивая шрапнели и гранаты на окопы, форты и огневые точки врага. В реляции штаба 19-й пехотной дивизии о действиях подчиненных Михаила Васильевича 24 сентября 1914 г. говорилось следующее: «Бригада, засыпая снарядами самые укрепления и промежутки между ними, в высшей степени содействовала общему успеху своим огнем. Позиции бригады находились не дальше двух верст от фортов. Огонь легких батарей заставлял защитников укреплений укрываться от поражения, и позволял штурмующей пехоте приближаться к укреплениям почти без потерь»⁷. За четыре дня блокады Перемышля 19-я артиллерийская бригада израсходовала 6162 шрапнели и 1554 гранаты, т. е. на одно орудие по 161 боеприпасу. Этот показатель являлся одним из самых высоких среди других артиллерийских частей, находящихся на данном участке фронта⁸.

Однако в целом атаки русской пехоты захлебнулись, и Перемышль тогда взять не удалось. Не хватило огня тяжелой артиллерии, чтобы разрушить многочисленные укрепления австрийцев. Кроме того, стали поступать сообщения о движении крупных сил противника к Перемышлю. Все это заставило начать общий отход русских войск из района боевых действий на старые позиции.

В результате прошедших боев больше всех пострадала 19-я пехотная дивизия, потеряв 44 офицера и около 3 тысяч солдат, что составило примерно 25 % личного состава. Бригада

генерала Ханжина оставила на поле боя 12 нижних чинов и 32 лошади ⁹.

Значительно позже, в марте 1915 года, после шестимесячной блокады гарнизон Перемышля наконец капитулировал. Русским достались богатые трофеи. За эту операцию генерал Дельвиц получил Георгия 4-й степени. Его назначили комендантом захваченной крепости. А Ханжин в это время находился уже на другом участке фронта. С 1 ноября согласно приказу его бригада оставила части, блокирующие Перемышль.

В последующие два месяца артиллеристы Михаила Васильевича активного участия в боевых действиях не принимали. Под новый год в связи с приездом принца Ольденбургского состоялся смотр бригады в конном строю. Перед этим принц поблагодарил солдат и офицеров «за боевую службу царю и отечеству» ¹⁰.

Январь 1915 года навсегда остался в памяти Михаила Васильевича. За бои, проходившие в этом месяце, его наградили Георгиевским оружием, которое Верховный Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич вручил ему лично. В приказе о награждении говорилось, что генерал-майор Ханжин, «состоя командиром 19-й артиллерийской бригады в течение операций наступления на местечко Мезолаборч с 11 по 23 января 1915 года, руководя действиями вверенной ему бригады, много способствовал наступлению дивизии и занятию Мезолаборча» ¹¹.

Затем Михаила Васильевича командировуют в Управление инспектора артиллерии 12-го армейского корпуса. Некоторое время он даже возглавлял его, занимаясь вопросами снабжения боеприпасами подразделений корпуса ¹².

Весна второго года войны оказалась неудачной для Юго-Западного фронта. Началось отступление из Галиции. Сильно ощущалась нехватка патронов и снарядов. Изо дня в день шли кровавые бои, изо дня в день — тяжелые переходы отступающих русских войск. Солдаты и офицеры падали от усталости. Под Перемышлем в середине мая одиннадцать дней длилось ожесточенное сражение. Тяжелая немецкая артиллерия со страшным гулом буквально сравнивала с землей целые ряды окопов вместе с их защитниками. Русские пушки почти не отвечали из-за отсутствия снарядов. Полки, измотанные до предела, отбивали одну атаку за другой штыками или огнем в упор. Лилась кровь, ряды бойцов редели, росли могильные холмы...

Как-то в начале июня генералу Ханжину из штаба 8-й армии пришла бумага. Это был протокол допроса лейтенанта Мефодия

Малека, пленного офицера 12-й австрийской дивизии. В нем говорилось о фактах очень жестокого, просто нечеловеческого отношения немцев к русским военнопленным. Вот только некоторые из них. При переходе германских и австрийских частей через реку Сан на мостах скопилось много обозов и войсковых колонн. И тут еще прибыла большая партия русских пленнных, которых и без того много толпилось у переправ. Тогда немецкие офицеры отдали приказ: «Бросать этих мерзавцев, пленных в реку!» Что и было исполнено. Сопротивляющихся сбивали штыками и прикладами. Тех, кто выбирался на берег, избивали и вновь сбрасывали в реку. Таким способом уничтожили не одну сотню людей. В другом случае немецкие солдаты в одной из деревень заперли девять русских военнопленных в сарай и подожгли его со всех сторон. Несчастные мученики ужасно кричали, а тем, кто пытался выскочить из горящего ада, выломав несколько досок, немцы со смехом разбивали головы длинными дубинами и вталкивали окровавленные тела снова в огонь. Германские офицеры, по свидетельству пленного австрийца, говорили: «Только озверелый солдат хорошо сражается, и для этого наши войны должны упражнять свою жестокость на русских пленных, которые, как изменники своей родины, добровольно сдавшиеся в плен, ничего, кроме пытки, не заслуживают»¹³.

Подобных фактов в годы первой мировой насчитывается не один десяток. О них рассказывали выпущенные в России небольшие брошюры, носившие явно пропагандистский характер. Но, как показывает приведенный выше протокол допроса австрийского лейтенанта, не все в них являлось вымыслом. Таким образом, зверства германского воинства по отношению к своему противнику, особенно если это были славяне, ведут свой отсчет не со времен нацизма.

После летнего отступления русских армий с Карпат в одну из июльских ночей 1915 года австро-германские войска переправились через Буг, опрокинули передовые части 12-го корпуса, которым командовал генерал А. М. Каледин (в будущем Донской атаман), и значительными силами продолжали наступать вперед. Командующий 8-й армией генерал Брусилов потребовал от Каледина остановить противника на участке 12-й пехотной дивизии. Но это воинское соединение, прежде славившееся своей храбростью и дисциплиной, оказалось в данный момент неустойчивым, а его начальник «ослабел духом» и не мог совладать со своими частями, в беспорядке отступавшими под ударами врага. Тогда командующий армией отстраняет начальника дивизии от своих обязанностей и на его место

назначает генерала Ханжина, которого он «знал еще с мирного времени и был уверен, что этот человек не растеряется». Позднее А. А. Брусилов вспоминал: «Ханжин оправдал мои ожидания. Подъехал к полку, который топтался на месте, но вперед не шел, и, ободрив его несколькими прочувствованными словами, он сам стал перед полком и пошел вперед. Полк двинулся за ним, опрокинул врага и восстановил утраченное положение. Не покажи Ханжин личного примера, не поставь на карту и свою собственную жизнь, ему, безусловно, не удалось бы овладеть полком и заставить атаковать австро-германцев. Такие личные примеры имеют еще то важное значение, что, передаваясь из уст в уста, они раздуваются и, такому начальнику солдат привыкает верить и любить его всем сердцем»¹⁴. За этот подвиг у местечка Сокаль в Австро-Венгрии Михаила Васильевича наградили орденом Святого Георгия 3-й степени¹⁵.

Пехотная дивизия, которую возглавил генерал Ханжин, до конца года вела бои местного значения. Война уже давно стала позиционной. Вдоль границ фронтов, и на западе, и на востоке с обеих сторон появились бесконечные линии окопов, куда загнали целые армии.

На Рождественские праздники Михаилу Васильевичу удалось вырваться на несколько дней с фронта, чтобы повидать родных. С женой и дочкой он встретился в Нежине. Затем вместе с ними он поехал в Киев. Здесь они поселились в гостинице «Континенталь». Два вечера посвятили оперному театру. Брли с собой и одиннадцатилетнюю дочку. Ей очень понравилось представление «Сказки Гофмана». К сожалению, через три дня пришлось расстаться. Генерал Ханжин отправился на Юго-Западный фронт, а Елена Павловна с Агнией — в Москву, в Екатерининский институт¹⁶.

Первые месяцы 1916 г. дивизия Михаила Васильевича провела в окопах, открывая в основном редкий огонь и, совершая небольшие вылазки в расположение неприятеля, который вел себя примерно так же. Метель часто заметала окопы и ходы сообщения. Журнал военных действий 12-й пехотной дивизии сообщает, что 2 января около четырех часов ночи австрийцы применили удушливые газы против одного из полков и силою около двух рот перешли в атаку. Русские пехотинцы, надев противогазы, открыли сильный оружейный и пулеметный огонь, остановив таким образом врага. А 15 февраля отличилась команда разведчиков во главе с прапорщиком Хутиным. Они ночью бесшумно по пояс в снегу подобрались к проволочным заграждениям австрийцев и начали проделывать в них брешь. В это время вражеский прожектор их обнаружил.

Австрийцы открыли огонь. Несмотря на это разведчики сделали свое дело: преодолели проволочные заграждения, забросали окопы неприятеля ручными гранатами, ворвались туда и захватили в бою 15 пленных. На помощь разведчикам была брошена рота пехотинцев. Во время ее атаки уже усиленно работали прожектора, светили ракеты, и противник вел интенсивный огонь. Тем не менее русские ворвались в окопы и после непродолжительного боя выбили из них врага. К рассвету, захватив более 30 пленных и своих раненых, они вернулись в расположение дивизии¹⁷.

Так протекали фронтовые будни. Первая мировая еще сильнее сблизила офицера и солдата, установив во многих частях подлинное братство. Русский офицер в эту лихую годину отличался простотой и доступностью, по целым месяцам лежал вместе с солдатами в грязных, пыльных или заснеженных окопах, ел вместе с ними из одного котла и тихо, без жалоб умирал вместе со своими подчиненными на поле боя или в лазарете. Однако наряду с этим в отношениях офицера с нижними чинами нередко проявлялись грубость, ругань, иногда самодурство и рукоприкладство. Война ожесточила многих людей.

В мае 1916 года накануне знаменитого Лупкого прорыва Ханжина назначают инспектором артиллерии 8-й армии, командующим которой уже являлся генерал Каледин. На этом посту он занимался снабжением артиллерийских частей армии и общим руководством ими. Кроме того, командовал противовоздушной обороной важных объектов. Для решения такой задачи в распоряжении генерал-лейтенанта Ханжина (им он стал в августе того же года) находились четыре противоаэропланные батареи, разбросанные по разным участкам фронта 8-й армии. Обычно эти батареи состояли из трех-четырех трофейных австрийских орудий и двух пулеметов. Личный состав такой батареи вместе с телефонистами насчитывал около шестидесяти человек¹⁸.

Ближайшими сотрудниками Михаила Васильевича в это время являлись штаб-офицер для поручений подполковник Клиппель, обер-офицер для поручений поручик Будков и делопроизводитель Управления инспектора артиллерии 8-й армии военный чиновник (титулярный советник) Котов. Деятельностью своих сослуживцев генерал Ханжин был доволен, и, когда по прошествии нескольких месяцев он получил новое назначение, то специальным приказом выразил им «искреннюю благодарность» за «ревностную службу»¹⁹.

Из газет, приходящих на фронт, Ханжин узнал о дерзком побеге из австрийского плена генерала Л. Г. Корнилова, некогда;

как и он, учившегося в Михайловском артиллерийском. Весной 1915 г. в Карпатах Корнилов попал в руки врага, будучи тяжело раненным, когда его дивизия прикрывала отступление армии Брусилова. Ему, переодетшемуся в форму австрийского солдата, удалось бежать из лагеря для военнопленных офицеров, где он находился больше года, и добраться до расположения русских войск в Румынии. Столичные газеты в один голос славили и превозносили «героя Великой войны», поместив на своих страницах интервью Корнилова и его фотографию. В Петрограде доблестного генерала чествовали юнкера Михайловского училища, а в Могилеве, в Ставке, царь во время личной аудиенции вручил Корнилову орден Святого Георгия 3-й степени, которым его удостоили еще до плена.

Газеты также сообщали о росте цен и громадных очередях (их тогда называли «хвосты») за продуктами, ставших постоянными атрибутами городской жизни, о «министерской чехарде» в правительстве, об убийстве «святого старца» Григория Распутина... Ходили слухи о дворцовом перевороте. Страна жила ожиданием потрясений и перемен.

Глава восьмая

СМУТА

В конце 1916 года генерал-лейтенант Ханжин становится инспектором артиллерии армий нового Румынского фронта, штаб которого расположился в Одессе. Этот фронт был создан после того, как румынские части, сражавшиеся на стороне Антанты, оставили Бухарест и практически полностью оказались деморализованы. На помощь Румынии по приказу Николая Второго, исполнявшего с августа 1915 г. должность Верховного Главнокомандующего, двинулись три русских армии (4-я, 6-я и 9-я). Формально их подчинили королю Румынии Фердинанду как главнокомандующему фронтом, но фактическим военным руководителем являлся его помощник русский генерал В. В. Сахаров, непосредственный начальник Ханжина.

Михаил Васильевич, исполняя свою новую должность, осуществлял общее руководство армейской артиллерией фронта, растянувшегося от Карпат до Черного моря на 400 верст. Стоявшая здесь артиллерия насчитывала более 1800 орудий различного калибра от легких пушек до гаубиц и мортир¹. Помимо этого генерал Ханжин занимался обеспечением своевременной

доставки боеприпасов и рациональным их распределением по армиям. В одном из своих рапортов генералу Сахарову он рекомендовал следующее. Во-первых, склады боеприпасов фронта, находящиеся в Одессе, Жмеринке, Тирасполе, Бендерах и Черновцах, приблизить к передовой. Во-вторых, одну пятую часть боеприпасов желательно иметь в эшелонах и держать в непосредственной близости от района боевых действий. В-третьих, для обеспечения и облегчения быстрой и правильной поставки боеприпасов, улучшения условий их хранения необходимо на всех железнодорожных станциях, где есть склады, устроить тупики, разгрузочные платформы, навесы, а для содержания ручных гранат, мин — погребки, закрытые небольшим слоем земли, а также блиндажи для рабочих на случай бомбардировки с вражеских аэропланов. И, наконец, в-четвертых, достаточно иметь в армиях трехдневный, а на фронте пятидневный запас боеприпасов, так как их скопление недалеко от передовой очень опасно. Генерал Сахаров в целом согласился с этими серьезными, обоснованными предложениями и отдал соответствующие распоряжения².

В другом рапорте Ханжин отстаивал свою точку зрения на то, что норма боеприпасов на одну винтовку в день должна равняться 20 патронам. С этим не был согласен командующий 4-й армией А. Ф. Рагоза, который считал такую норму недостаточной, и предлагал увеличить ее в 10 раз. Сопоставив доводы обоих генералов по этому вопросу, Сахаров принял сторону Михаила Васильевича, отдав приказ, основанный на его рекомендациях³.

Декабрь 1916 г. на Румынском фронте для русских армий, продолжавших отход под натиском противника, оказался в целом неудачным. Ставка планировала нанести основной удар в 1917 г. на Юго-Западном фронте. Перед русскими частями, которыми командовал генерал Сахаров, стояла задача удержать Молдавию и вспомогательными действиями обеспечить наступление на главном направлении.

Наступивший революционный 1917 год принес вместе с февральскими ветрами массовые демонстрации в Петрограде, волнения в столичном гарнизоне и отречение российского императора от престола. Русские войска на Румынском фронте восприняли все эти события достаточно спокойно. Они были заняты военными буднями. Плохо решались вопросы снабжения армий не только боеприпасами, но и обмундированием, продовольствием. Поэтому на первом месте стояли хозяйственные проблемы. Генерал А. И. Деникин, командовавший тогда 8-м армейским корпусом, так впоследствии описывал положение

ние дел на передовой: «Фронт был поглощен своими частными интересами и заботами. Готовились к зимнему наступлению, которые вызвало совершенно отрицательное отношение к себе у всего командного состава нашей 4-й армии; употребляли все усилия, чтобы ослабить до некоторой хотя бы степени ту ужасную хозяйственную разруху, которую создали нам румынские пути сообщения. Где-то, в Новороссии, на нашей базе всего было достаточно, но до нас ничего не доходило. Лошади дохли от бескормицы, люди мерзли без сапог и теплого белья, и заболели тысячами; из неотопленных румынских вагонов, непригодных под больных и раненых, вынимали окоченелые трупы и складывали, как дрова, на станционных платформах. Молва катилась, преувеличивая отдельные эпизоды, волновала, искала виновных...

Потом с большим трудом жизнь как будто немного наладилась. Во всяком случае, едва ли когда-нибудь в течение Отечественной войны войскам приходилось жить в таких тяжелых условиях, как на Румынском фронте зимой 1916—1917 г.»⁴.

В первых числах марта в штаб фронта, накануне переехавшего в Яссы, пришло сообщение о том, что в Петрограде вспыхнуло восстание, и власть перешла к Государственной Думе, ожидается опубликование важных правительственных актов. Затем телеграф передал манифесты императора Николая Второго и великого князя Михаила Александровича об отречении. Солдатская масса в большинстве своем отнеслась к этому с холодным равнодушием. Среди офицеров, как вспоминал все тот же Деникин, «отречение государя сочли неизбежным следствием всей нашей внутренней политики последних лет. Но никакого озлобления лично против него и против царской семьи не было. Все было прощено и забыто. Наоборот, все интересовались их судьбой и опасались за нее». Назначение Верховным Главнокомандующим вновь великого князя Николая Николаевича, а его начальником штаба генерала М. В. Алексеева и в солдатской, и в офицерской среде восприняли вполне удовлетворительно. К новому штатскому военному министру А. И. Гучкову войска отнеслись настороженно. Многие интересовались, будет ли армия представлена в Учредительном Собрании⁵.

После Февральской революции в Румынии усилились антирусские настроения. Открыто говорили об ошибочности союза с Россией. Румынские власти колебались. Началось массовое дезертирство в воинских частях.

Новая российская власть в лице Временного правительства заявила о продолжении войны до победного конца. Однако

благодаря непродуманной политике лидеров новой демократической России в военной области боеспособность русской армии и флота начала стремительно падать. 1 марта Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, с молчаливого согласия Временного правительства, издал печально известный приказ № 1, провозгласивший переход военной власти к солдатским комитетам. Это был первый шаг к дезорганизации армии.

Вскоре на Румынский фронт пришел и первый приказ военного министра Гучкова с изменениями Устава внутренней службы в пользу «демократизации армии». Он отменял титулование офицеров, обращение к солдатам на «ты» и целый ряд мелких ограничений, установленных для солдат — запрещение курения на улице и других общественных местах, посещение клубов и собраний, игры в карты и т. п. Последствия такого приказа оказались неожиданными для его инициаторов, видимо, не знавших солдатской психологии. Нижние чины восприняли его как освобождение от стеснительного регламента службы, быта, уважительного отношения к старшим по званию. Солдаты заполнили театры, транспорт, клубы, кафе, требуя при этом права бесплатного пользования всем. Большое распространение получила карточная игра на деньги, особенно казенные. Увеличилось число нарушителей воинской дисциплины. Расцвело дезертирство. Арестованных беглых солдат согласно телеграмме, пришедшей в Управление генерала Ханжина, новое высшее военное руководство «признало необходимым освободить из-под стражи», приостановив исполнение приговоров до окончания войны⁶. Это привело к еще большей распушенности солдатской массы. Дошло до того, что командующий 4-й армией генерал Рагоза, сидя у себя в штабе, с часу на час ожидал своего ареста распоясавшейся толпой в серых шинелях.

Занимая высокий пост в армейской иерархии, на фронте, Михаил Васильевич Ханжин был награжден Большим Крестом Румынской короны. Ему как инспектору артиллерии приходилось бывать не только на военных совещаниях, но и встречаться с политической элитой Румынского государства. Так, 10 марта 1917 года он в составе военной делегации присутствовал на завтраке у румынского короля, чтобы поздравить его с награждением орденом Михаила Храброго⁷.

На официальном приеме генерала Ханжина больше всего поразила застенчивость короля Фердинанда, хотя поговаривали, что в молодости он был равнодушен к дикой и тонкой красоте цыганок, гуляя в их окружении на широкую ногу без

малейшей робости. Он являлся представителем ветви Гогенцоллернов, но под давлением румынской общественности, желавшей возвращения Трансильвании, выступил против родной Германии. По этому поводу говорили, что после заседания Коронного совета, на котором Фердинанд принял решение присоединиться к Антанте, он прошел в свой кабинет, где его ожидал камердинер Нойман, служивший ему с раннего детства с беспримерной преданностью. Король сказал: «Нойман, знай, что в интересах Румынии я должен был обнажить шпагу против родины. Ты же был и остаешься германцем. С этого часа ты можешь поступить так, как тебе подскажет совесть, можешь вернуться в Зигмаринген — я помогу тебе уехать и благословлю тебя». Старый камердинер, нарушая все предписания протокола, горячо обнял короля и сказал, что останется, как верный пес, у его ног до последнего вздоха. После объявления войны Германии в 1916 г. Фердинанда исключили из королевского дома Гогенцоллернов⁸.

Во время праздничного завтрака среди военных мундиров, фраков и дамских нарядов генерал Ханжин обратил внимание, как блистала уже отнюдь не молодая, но очень красивая королева Мария. Она считалась прирожденной аристократкой, происходившей по женской линии из дома Романовых, так как ее мать являлась дочерью Александра Второго, а по мужской — из английской династии, ее отец был вторым сыном королевы Виктории. Здесь, в королевском дворце, Михаил Васильевич мог воочию видеть тот контраст между существованием «простых смертных», которые уже не один год тысячами погибали в окопах войны, и жизнью «сильных мира сего». Однако никаких революционных порывов такое положение вещей в нем не вызывало. Он, как офицер, дворянин, являлся представителем другой, совсем небунтарской социальной среды, занимавшей господствующее положение в обществе. А как человек глубоко религиозный, Ханжин в этом случае, видимо, мог сказать, что так устроена наша жизнь, сотворенная Богом.

Героя нашего повествования как крупного военного специалиста начальство очень ценило. В одном из наградных листов Михаила Васильевича имеется характеристика его служебной деятельности. Она гласит: «Генерал-лейтенант Ханжин за четыре месяца пребывания на должности начальника артиллерии Румынского фронта, применяя свой богатый опыт, знания и неутомимую энергию к руководству боевой службой артиллерийских частей фронта, при самых трудных условиях обстановки, вызванных формированием нового фронта, был... незаменимым помощником по разработке и подготовке операций.

Благодаря его плодотворной и умелой работе вновь прибывающие на фронт артиллерийские части быстро осваивались с новым для них театром и блестяще боролись с превосходящей их числом артиллерией противника, останавливая всякую его попытку продвижения вперед.

Несмотря на короткий срок пребывания генерал-лейтенанта Ханжина на должности старшего руководителя артиллерии фронта, он сумел поставить вверенное ему дело на недостижимую высоту, результатом чего является полная уверенность, что в предстоящих решительных боях артиллерия фронта при наступлении проложит путь к победе своей пехоте, а при обороне даст надлежащий отпор натиску врага⁹.

В середине марта на Румынский фронт пришел текст новой присяги, призывающей повиноваться Временному правительству «до установления воли народа при посредстве Учредительного Собрания». Приведение войск к присяге повсюду прошло спокойно. За исключением двух эпизодов. Командир одного из корпусов во время церемонии присяги умер от разрыва сердца, а граф Ф. А. Келлер заявил, что приводить к новой клятве свои части не станет, так как не понимает существа и юридического обоснования верховной власти Временного правительства¹⁰.

Наступил апрель, а вместе с ним и перемены в военной карьере генерала Ханжина. После свержения самодержавия репутация Романовых в обществе резко пошатнулась. Поэтому еще 9 марта великому князю Николаю Николаевичу сообщили от имени новой власти о нежелательности исполнения им должности Верховного Главнокомандующего. Письмо это застало его уже в Ставке, и он, глубоко обиженный, немедленно сдал командование генералу Алексееву, ответив правительству: «Рад вновь доказать мою любовь к Родине, в чем Россия до сих пор не сомневалась...»¹¹.

Через три дня после этого и великий князь Сергей Михайлович, «признав Временное правительство и подчиняясь его желанию», оставил должность полевого генерал-инспектора артиллерии при штабе Верховного Главнокомандующего¹². Генерал Деникин, недавно назначенный начштаверхом у Алексеева, искренне сожалел об уходе такого сотрудника, который в своих докладах показывал «отчетливую картину состояния русской артиллерии»¹³.

Не место великого князя в Ставку назначают генерал-лейтенанта Ханжина. 10 апреля 1917 г. он прибыл в Могилев, а через три дня приступил к исполнению своих обязанностей. Здесь в разное время Михаилу Васильевичу пришлось работать под непосредственным руководством (кроме своего старого начальника

А. А. Брусилова) генералов М. В. Алексеева, А. И. Деникина, Л. Г. Корнилова, Н. Н. Духонина, имена которых навсегда вошли в историю России.

Небольшой и тихий Могилев являлся в ту пору центром военной жизни страны. Императорский двор, когда Николай Второй возглавлял армию, размещался в губернаторском доме на высоком берегу Днепра. Впоследствии тут расположился и весь штаб Верховного Главнокомандующего со своими службами.

Михаил Васильевич перевез сюда из Винницы свою супругу и пятилетнего сынишку Витю. Они сняли трехкомнатную квартиру в двухэтажном доме, хозяева которой находились в отъезде.

Генерал встретил в Ставке людей, хорошо знакомых ему по совместной учебе, службе. Пост генерал-квартирмейстера занимал бывший его сокурсник по Михайловскому училищу Яков Давидович Юзефович. Ближайшим помощником Ханжи-на являлся Евгений Захарович Барсуков, начальник Управления полевого генерал-инспектора артиллерии, с которым они вместе когда-то преподавали в Офицерской артиллерийской школе стрельбы. Барсуков был типичным, если можно так выразиться, «кабинетным военным», дослужившимся до генеральских погон, не участвуя при этом ни в одном сражении. Он имел отличные теоретические познания в области артиллерийского дела. Совместная служба очень сблизила Михаила Васильевича с ним.

В стране же в этот период было неспокойно. Шла борьба за власть. С одной стороны, Временное правительство, а с другой — Советы рабочих и солдатских депутатов, где все больше чувствовалось влияние большевиков. После того, как В. И. Ленин со своими соратниками в опломбированном вагоне через Германию прибыл в Петроград, большевики начали неудержимую пропаганду против новой власти, против войны, против государственных устоев. Все это сказывалось, конечно, и на армии, которая уже не хотела воевать. А на май 1917 г. русское военное командование планировало крупную наступательную операцию.

Временное правительство продолжало попустительствовать расшатыванию основ российской армии. Началось массовое увольнение офицеров старшего командного состава, «не соответствующих требованиям политического момента». Сто сорок генералов отправили в отставку. Революционная власть видела в них своих потенциальных врагов, реакционеров, готовых на заговор с целью восстановления самодержавия. Несомненно, многие представители высшего офицерского корпуса являлись

монархистами, но большая их часть довольно лояльно относилась к Временному правительству, которое не замечало этого. На командные посты стали выдвигать выборных лиц из солдатской массы, малограмотных в военном деле. Таким образом, развал армии продолжался. Рушилась вся военная идеология, испокон веков заключававшаяся в известной формуле: «За веру, Царя и Отечество».

Ставка пыталась бороться с подобной политикой в военной области и поэтому не пользовалась доверием в кругах революционной демократии, в большинстве своем считавших ее гнездом контрреволюции. По этой причине, наверное, многие вопросы решались А. И. Гучковым через голову верховного командования, узнававшего о них как о свершившемся факте либо из газет, либо из телеграмм военного министра. Такая обстановка сложилась вокруг Ставки, откуда генерал Ханжин руководил всей российской артиллерией.

Май 1917 года оказался щедрым на кадровые перестановки в высшем военном руководстве. Подал в отставку Гучков, опустив руки перед революционным напором, разваливающим армию. Его сменил А. Ф. Керенский, который вместо М. В. Алексеева назначил Верховным Главнокомандующим А. А. Брусилова, более лояльного по отношению к новой власти. Начштаверх А. И. Деникин был отправлен на Западный фронт. На освободившийся пост заступил генерал А. С. Лукомский.

Подготовка наступательной операции, спланированной на этот месяц, затягивалась по причине падения дисциплины в войсках. Союзники под командованием французского генерала Р. Ж. Нивелля еще в апреле предприняли попытку наступления в районе города Аррас. Ринувшиеся в атаку англо-французские войска застряли на минных полях и попали под сильный огонь немецкой артиллерии. Они понесли весьма тяжелые потери. Германская армия в результате этих упорных боев также сильно пострадала. Обе стороны оказались обескровлены. Стратегическое положение на Западном фронте не изменилось. В английской и французской печати все чаще стали раздаваться призывы к скорейшему наступлению русских.

Летнее наступление 1917 г., разработанное в Могилеве, не принесло успеха. Русские армии в полном беспорядке отступили под ударами австро-германских войск. Генерал Ханжин дважды выезжал в эти дни на Западный фронт, инспектируя артиллерийские части¹⁴.

После июльского разгрома Брусилова отстранили от должности Верховного Главнокомандующего. 19 июля постановле-

нием Временного правительства на этот пост был назначен генерал от инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов, ранее командовавший 8-й армией, а затем Юго-Западным фронтом. Решительный, мужественный, независимый военный руководитель со строгим взглядом раскосых азиатских глаз, он отдавал все силы для сохранения армии и поднятия ее боевого духа.

31 июля вечером в особняке Верховного под председательством Корнилова проходило совещание. На нем присутствовал и генерал Ханжин. Рассматривались вопросы по поднятию боеспособности армии и флота¹⁵. Обсуждалась так называемая «Корниловская программа восстановления армии». Основные ее пункты: введение военно-революционных судов и смертной казни за ряд тягчайших преступлений военными, возвращение дисциплинарной власти начальникам и поднятие их авторитета, ограничение деятельности солдатских комитетов и т. д. Многие из присутствующих, конечно, согласились с этими необходимыми и бесспорными мерами. Однако когда генерал Корнилов в своей записке представил их Временному правительству, то получил молчаливый отказ.

Отношения между Верховным Главнокомандующим и властью становились все более натянутыми. Корнилов считал главными виновниками происходившего радикальных революционеров, прежде всего большевиков, которые несли смертельную угрозу Российскому государству. Вина же Временного правительства и лично Керенского, по его мнению, состояла в недостаточной решительности в деле наведения порядка на фронте и в тылу.

На Корнилова стали возлагать большие надежды крупные предприниматели, такие как А. И. Путилов, основавший «Общество за экономическое возрождение России», и П. П. Рябушинский, создавший «Республиканский центр». Видя усиление подобных настроений, Керенский попытался перехватить инициативу, созвав 12 августа в Москве Государственное совещание с участием умеренных политических деятелей различного толка. Он надеялся выступить объединителем центристских сил. Однако оказалось, что наиболее яркой фигурой совещания стал не Керенский, а именно Корнилов, которого восторженно приветствовала публика, буквально неся его на руках. Совещание показало, что противники большевиков и других левых радикалов готовы к объединению и решительным действиям. У них появился лидер.

Сам Корнилов не планировал переворота. Он лишь горячо убеждал в необходимости создания трех «армий»: в окопах, в тылу и на железнодорожном транспорте, предупреждая, что без

решиТЕЛЬНЫХ мер фронт рухнет. Лавр Георгиевич предлагал создание сильной власти на основе коалиции от крупных предпринимателей и авторитетных военных до правых социалистов типа Г. В. Плеханова. При этом он не был амбициозен. «Нам нужно довести Россию до Учредительного Собрания, а там — пусть делают, что хотят: я устраниюсь и ничему препятствовать не буду», — говорил Корнилов в доверительной беседе с Деникиным¹⁶.

В августе 1917 года, когда немцы взяли Ригу, ситуация на фронте резко ухудшилась. Петроград переживал время многочисленных митингов, демонстраций, вооруженных столкновений. Ленин и его сторонники рвались к власти. Временное правительство бездействовало.

Верховный начал готовить меры по наведению порядка в Петрограде, в полной уверенности, что Керенский дал на это свое личное согласие. 3-й конный корпус генерала А. М. Крымова и Туземная дивизия, состоявшая из горцев, готовились к выступлению. Переговоры и согласование между Керенским и Корниловым велись через третьих лиц. Однако 27 августа, когда корниловские части начали движение на Петроград, Керенский неожиданно объявил о смещении Корнилова с поста Верховного Главнокомандующего, назвав его «мятежником». Затем последовал приказ об аресте Корнилова и его единомышленников. Верные Корнилову люди в Петрограде были слабо организованы и не решились на безнадежное выступление. Лавр Георгиевич приказал прекратить движение к столице и добровольно сдать. «Мятежного генерала» и нескольких его сторонников сначала держали под охраной в одной из гостиниц Могилева, а затем перевезли в небольшой городок Быхов, где поместили в приспособленное для заключения арестованных здание женской гимназии. Верховным Главнокомандующим стал сам Керенский, пост начальника штаба при нем согласился занять генерал Алексеев. Так закончился «корниловский мятеж».

Генерал Ханжин, как и многие офицеры в Ставке, не принимал участия в действиях, санкционированных Корниловым, потому что не получал от него каких-либо особых приказов. Все управления продолжали выполнять свою обычную, будничную работу. Михаил Васильевич мог только догадываться о планах Верховного, в которые был посвящен лишь узкий круг лиц.

Служба Ханжина в Ставке продолжалась. Иногда, в свободный денек, он вместе с семьей на автомобиле выбирался в могилевские леса за грибами. Когда в августе его дочь Агния

приехала к родителям на каникулы, ее отправили на две недели погостить в Смоленскую губернию, в имение генерала Барсукова, сослуживца и приятеля Михаила Васильевича. Незадолго до этого Агния перенесла плеврит, и врач советовал свозить ее к морю. Но в столь тревожное время пришлось ограничиться природой Смоленщины. Агния вернулась к родителям полная сил и детских впечатлений. Недалеко от именина Барсуковых находилась местная достопримечательность — шикарная княжеская усадьба Святополк-Мирских. Ранее она принадлежала композитору М. И. Глинке. Говорили, что именно здесь он написал свою знаменитую оперу «Жизнь за царя»¹⁷.

В сентябре начинался новый учебный год, и Агнию снова отвезли в Москву. Однако вскоре, беспокоясь за судьбу дочери в наступившее смутное время, родители вновь забрали ее к себе в Могилев. Младший сын Витя также был с ними. Сыновья постарше находились вдали. Алексея, по настоянию отца, перевели из реального училища во Владимирский кадетский корпус Киева, а Игорь вместе с Клавдией Петровной жил в старой квартире Ханжиных в Виннице.

23 сентября генерал Ханжин командирован на Юго-Западный фронт для осмотра частей тяжелой артиллерии особого назначения (ТАОН)¹⁸. Общая обстановка на фронте все больше ухудшалась. Начало октября ознаменовалось захватом немецким десантом Моозундского архипелага в Балтийском море. 15 октября Михаил Васильевич участвует в совещании по технической обороне государства, созванном в Петрограде по указанию военного министра А. И. Верховского¹⁹. Через несколько дней после этого совещания генерал Верховский подает рапорт об отставке, так как его предложения о заключении мира с Германией и о сокращении численности десятиmillionной армии не менее чем вдвое не получили одобрения Временного правительства.

21 октября 1917 года генерал Ханжин вернулся в Могилев. По прошествии четырех дней пришло сообщение об Октябрьском перевороте в Петрограде. Начальник штаба Ставки генерал-лейтенант Н. Н. Духонин, назначенный на этот пост вместо Алексеева в сентябре, ввиду отсутствия Керенского принял на себя верховное командование. Новая власть в лице Совета Народных Комиссаров потребовала от Духонина немедленно начать переговоры о мире с неприятельской стороной. Он отказался это сделать. Тогда Советское правительство за неповиновение сместило Духонина, предписав ему продолжать ведение дел в Ставке, пока не прибудет новый Главнокомандующий, которым был назначен большевик, бывший прапор-

щик, Н. В. Крыленко. До его приезда Духонин еще успел отдать распоряжение об освобождении быховских заключенных во главе с генералом Корниловым. 20 ноября, когда Ставка оказалась в руках большевиков, толпа озлобленных матросов на глазах у нового главковерха Крыленко растерзала Духонина, надругавшись над его трупом.

Это событие потрясло генерала Ханжина. Он впервые воочию увидел, что такое самосуд разъяренной людской массы, подогреваемой безответственными политиками. Первое, что пришло ему в голову, спасти семью. С большим трудом взяв краткосрочный отпуск, он выезжает с женой и двумя детьми в Москву с целью отправить их оттуда к своим родственникам в Оренбургскую губернию, чтобы они там спокойно пережили революционную смуту.

Москва их встретила хмурым ноябрьским днем. Еще совсем недавно ее мостовые были устланы окровавленными телами красногвардейцев и юнкеров, первых жертв начавшегося в России противостояния между сторонниками революции и сторонниками сохранения российской государственности.

Здесь, в старой русской столице, Ханжины провели несколько дней в семье Комаровых, глава которой служил адъютантом в Ставке в подчинении у Михаила Васильевича. Вечером они гуляли по улицам и бульварам Москвы. Посетили кинотеатр «У Ханжонкова», посмотрев фильм о первых христианах под названием «Камо грядеши». Ничего пока, на первый взгляд, не говорило о том, что город находится в руках большевиков. После ожесточенных уличных боев, напоминанием о которых являлись поврежденные в нескольких местах стены древнего Кремля, жизнь входила в свою прежнюю колею. Работали учреждения, гостиницы, увеселительные заведения. Только на отдельных зданиях колыхались красные полотнища.

От знакомых офицеров Михаил Васильевич узнал, что его бывший начальник генерал А. А. Брусилов пострадал во время боев в Москве. Он был ранен случайно попавшим в его квартиру в Остоженке снарядом, когда красногвардейские батареи обстреливали Кремль.

Наступил день отъезда. Семья генерала приехала на переполненный Казанский вокзал. Поезд, следовавший на Челябинск, брали приступом. Давка была ужасной. Михаилу Васильевичу с трудом удалось проникнуть в вагон и занять в купе нижние полки. Елена Павловна через окно подала ему вещи и с детьми кое-как протиснулась в купе, забитое людьми, в основном военными. Короткое прощание, и поезд тронулся. Ханжин облегченно вздохнул, надеясь на то, что семья благополучно

доберется до Урала и будет в безопасности вдали от столичных политических неурядиц. Затем генерал отправился из Москвы назад в Могилев, к своему месту службы.

Его супруга вместе с детьми рассчитывала из Челябинска добраться до Троицка, где жили родственники Михаила Васильевича. Двухнедельная поездка в переполненном вагоне сильно измотала Елену Павловну, Агнию и Витю, которые еще не привыкли к новым реалиям жизни. В Троицке их никто не встретил, видимо, из-за плохой работы телеграфа. Сначала они остановились в гостинице, а на другой день перебрались в большой просторный двухэтажный каменный дом тетки Ханжиной Раисы Петровны. Она состояла в браке с местным достаточно богатым купцом Григорием Радеевым, имевшем в городе свой магазин и два кинотеатра. Семья у них была большая: четыре сына и четыре дочери, которые вышли замуж и жили отдельно.

Родная сестра Михаила Васильевича Елена также жила в Троицке. Когда началась первая мировая, она окончила курсы сестер милосердия и ухаживала в городском госпитале за ранеными. У нее даже возник роман со своим двоюродным братом, купеческим сыном Сергеем Радеевым. Однако его родители и слышать ничего не хотели об этом браке. И до конца своих дней она так и не вышла замуж.

Проживали в Троицке и другие более дальние родственники Ханжиной. На улицах этого торгового городка Михаил Васильевич провел почти все свои детские годы.

С приходом к власти большевиков в течение каких-то нескольких месяцев их правления русская армия, уже надломленная деятельностью Временного правительства, окончательно перестала существовать. 2 декабря 1917 г. была упразднена должность полевого инспектора артиллерии при штабе Верховного Главнокомандующего. Ханжина отчислили «за штат» и предоставили ему отпуск. Он фактически остался не у дел, как и многие высшие офицеры русской армии, к которым Советская власть относилась с большим подозрением, считая их потенциальными врагами революции.

Уволенному генералу Ханжину выдали удостоверение и отпускной билет, заверенный Е. Барсуковым, временно исполняющим должность начальника артиллерийского управления (УПАРТ), и П. Гарагулем, комиссаром ревкома, бывшим писарем. Сначала Михаил Васильевич намеревался отправиться в Киев и Винницу, где находились его сыновья и мать супруги, затем — в Уфу, откуда вместе с ними он рассчитывал добраться до Троицка. Однако начальник гарнизона Могилева Аркадьев,

проявляя «революционную бдительность», вычеркнул из отпускного билета Ханжина города Киев и Винницу. Пришлось вмешаться новому начштаверху М. Д. Бонч-Бруевичу, чтобы уладить это недоразумение. 4 декабря Михаил Васильевич выехал в Киев ²⁰.

Необходимо отметить, что непосредственный помощник генерала Ханжина по службе в Ставке Барсуков впоследствии будет облакан Советской властью, напишет ряд книг о русской артиллерии, станет доктором военных наук и лауреатом Сталинской премии.

По приезде в Киев отставной генерал забрал своего сына Алешу из Владимирского кадетского корпуса. Далее он едет в Винницу, где находилась квартира Ханжиных. В ней жили теща и девятилетний сын Игорь. Необходимо было срочно продать квартиру. Но город переживал беспокойные дни, и сделать это не удалось. Клавдия Петровна сумела продать только кое-что из мебели. Ноты и картины оставили у знакомых. Одежду, белье в небольшом количестве взяли с собой. Все остальное пришлось бросить и поскорее вчетвером отправиться на Урал ²¹.

После мытарств по железным дорогам, продолжавшихся несколько дней, они прибыли в Троицк. Семья наконец воссоединилась. Михаил Васильевич снимает в городе дом без всяких удобств, с полуподвальным помещением (там находилась кухня), в котором Ханжины встретили новый, тревожный 1918 г.

Оренбургская губерния стала одним из первых очагов сопротивления большевизму. Казачий атаман А. И. Дутов назвал новую власть преступной, и стал собирать отряды для борьбы с ней. Но силы его сторонников оказались незначительными. Среди казаков еще мало кто понимал, что им несет коммунистический режим. Они, в большинстве своем, пассивно отнеслись к призывам своего атамана. И вскоре дружины Красной гвардии вступили на территорию Оренбургского казачьего войска. «Красные» вначале захватили Челябинск, крупный железнодорожный узел, а затем торговый Троицк, куда вошли отряды, возглавляемые мичманом С. Д. Павловым.

Начались проверки и аресты среди горожан Троицка. В доме, где жил генерал Ханжин с семьей, произвели обыск. Бесцеремонные представители новой власти изъяли у Михаила Васильевича большинство боевых орденов и личное Георгиевское оружие. Чудом уцелели два Георгия 3-й и 4-й степени и французский орден Почетного Легиона ²².

Ханжину предложили пойти на службу к большевикам. Он отказался.

Несколько дней спустя в Троицк прибыл командир всех местных красногвардейских отрядов Василий Константинович Блохер, в недавнем прошлом писарь одного из армейских полков. По этому случаю устроили смотр боевых частей, находящихся в городе. Двоюродный брат генерала Михаил Радеев, будучи на этом смотре в толпе зевак, видел у краскома Блохера на поясе, как он потом утверждал, личное Георгиевское оружие Михаила Васильевича — шашку с позолоченным эфесом, на котором вместо георгиевского темляка красовался красный бант²³. Да, любили командиры из народа красивое оружие. Что тут поделаешь...

К началу мая 1918 г. почти вся Оренбургская губерния оказалась под властью большевиков. Атаман Дутов под ударами «красных» вынужден был покинуть территорию казачьего войска и уйти в Тургайские степи.

Ханжин не присоединился к борьбе против Советской власти, являясь безучастным свидетелем всех этих событий. Он тогда еще не сделал свой выбор.

В мае семья отставного генерала решает переехать в станицу Степную, на родину матери Михаила Васильевича, в надежде здесь пережить тревожные времена. Наш герой купил корову, лошадь и пролетку. Наняли мальчишку-татарчонка в качестве кучера и проводника. Отправились с домашним скарбом в путь, который оказался не таким легким. Лошадь попалась строптивая, и молодой извозчик никак не мог справиться с ней. Поэтому в дороге часто останавливались. С наступлением сумерек пришлось заночевать в попутном поселке у знакомых казаков. Только на следующий день преодолели шестидесятиверстный путь и добрались до станицы²⁴.

Здесь Ханжины сняли дом, так как старый родительский не сохранился. Михаил Васильевич занялся огородничеством, а Елена Павловна взяла в свои руки домашнее хозяйство. Однако ей, дворянке, не привыкшей к деревенской, крестьянской жизни, с большим трудом удавалось справляться с ухватами и горшками. Корова оказалась старой и молока давала мало. Да и доить ее супруга генерала не умела. Пришлось прибегнуть к помощи сердобольной соседки²⁵.

Общались в основном с Водопьяновыми, с семьей дяди Ханжина. Вениамин Петрович Водопьянов крепкий пятидесятидвухлетний отставной казачий офицер. Ему в период русско-японской войны пришлось побывать в плену, и он часто вспоминал на удивление гуманное отношение жителей «страны восходящего солнца» к военнопленным. Из Японии Вениамин Петрович привез красивый фотоальбом с черной лакированной

обложкой, на которой была сделана перламутровая инкрустация, изображающая лебедей. Эта диковинка выглядела как настоящее произведение искусства. Еще до первой мировой войны он подарил ее своему любимому племяннику Михаилу Васильевичу Ханжину.

До сих пор в бывшей казачьей станице местные старожилы помнят, как крестьянские дети и казачата бегали в дом Водопьяновых слушать, пожалуй, единственный на всю округу рояль. Впоследствии, когда уже полыхала гражданская война, дом Вениамина Петровича, стоявший в станице в районе «Крепости», сгорел, а его чудом уцелевшую большую библиотеку расторопные сельчане растащили по своим избам. О дальнейшей судьбе отставного казачьего офицера и его семьи нам ничего неизвестно.

Иногда в Степную наведывалась еще одна сестра генерала Лидия Васильевна, живущая со своей семьей неподалеку.

Природа вокруг станицы, особенно в начале лета, радовала глаз. Степь переливалась разными красками: в одном месте она сияла голубым цветом благодаря незабудкам; в другом — красным из-за полчищ степных тюльпанов; в третьем — желтым, раскрашенная кувшинками. Лето принесло большой урожай на грибы и ягоды. Ханжины часто запрягали лошадь и отправлялись в сосновый бор за дарами природы. Постепенно они освоились в деревенской обстановке.

Однако этой тихой и размеренной сельской жизни вскоре пришел конец. Уже весной 1918 г. от Кубани до Сибири началось организованное сопротивление большевикам. Разгоравшаяся в стране гражданская война вовлекала в свою орбиту все больше и больше людей. Не пришлось остаться в стороне в Михаилу Васильевичу Ханжину...

Глава девятая

ЗА БЕЛОЕ ДЕЛО

В жизни каждого человека есть моменты, когда он должен сделать выбор, от которого зависит его дальнейшая судьба. Сумеет ли он до конца остаться честным перед самим собой или пойдет на сделку со своей совестью, приспособливаясь к обстоятельствам. Отставной сорокашестилетний генерал Ханжин выбрал первое, когда в июне 1918 г. откликнулся на телеграмму Временного Сибирского правительства о вызове его в

Омск для назначения на командную должность в армии, сражающейся с новой большевистской властью¹.

По своим политическим взглядам Ханжин, конечно, являлся монархистом, считая самодержавие наиболее приемлемой формой правления для России. И в то же время, когда к власти пришло Временное правительство, он присягнул ему, так как оно для большинства граждан страны считалось легитимным. Впоследствии, оказавшись в советских застенках, генерал на вопрос следователя о своем отношении к старой и новой власти, ответил следующее: «В силу привитых мне политических взглядов служения монархическому строю царской России в Оренбургском кадетском корпусе, позднее в Петербургской артиллерийской академии в 1899 году, я как Февральскую, так и Октябрьскую революции в России встретил враждебно... Когда в России было Временное правительство, продолжавшее политику царского правительства, я всецело стоял на его стороне за продолжение войны до победного конца. К образовавшемуся Советскому правительству отнесся ... враждебно, так как разрушились прежние царские устои, аппарат государства и армия»².

На решение Михаила Васильевича вступить в борьбу с Советской властью, очевидно, повлияла ее политика, направленная на ликвидацию основ российской государственности. Это, прежде всего, унижительный сепаратный Брестский мир с Германией и разгон Советами Учредительного Собрания. Воинствующий не на словах, а на деле атеизм большевиков, вылившийся в террор против священников и разграбление храмов, был для Ханжина, истинно верующего православного человека, омерзителен. Кроме того, отставных офицеров русской армии, а особенно высокого ранга, не примкнувших ни к «красным», ни к «белым», Советская власть рассматривала как своих потенциальных врагов. Поэтому очень часто красногвардейцы и чекисты их расстреливали без суда и следствия. В этом смысле выбора у отставного генерала Ханжина не оставалось.

И так Михаил Васильевич отправился в Омск, ставший столицей «Белой Сибири». К этому времени большевики контролировали только центральные районы страны. Украина, Дон, Кубань, Кавказ, Средняя Азия и Сибирь еще ранее провозгласили свою независимость от новой коммунистической власти. На Севере и на Дальнем Востоке стояли войска Антанты. В Белоруссии и на Украине хозяйничали немцы. Добровольцы генерала А. И. Деникина, сменившего убитого Л. Г. Корнилова, сражались против «красных» на Юге. От Волги и до Урала благодаря выступлению Чехословацкого корпуса утвердилась

власть эсеро-меньшевистского Комуча, создающего свою Народную армию.

Сибирь летом 1918 г. также была освобождена от большевиков. В Омске Временное Сибирское правительство с большой активностью приступило к формированию своих войск. Военный министр А. Н. Гришин-Алмазов, человек кипучей энергии и организаторских способностей, отдавал себе отчет в том, что вследствие малонаселенности Сибири, добровольчество, как источник комплектования армии, скоро иссякнет. Поэтому приступили к обязательным призывам на службу молодежи и бывших царских офицеров. Мобилизация прошла удачно и дала тысячи бойцов. Сказывалось уважение к государственному порядку сибирского крестьянства, не знавшего настоящего крепостного права, и доверие к новому Омскому правительству, все члены которого являлись коренными сибиряками. Это правительство действовало под девизом: «Через автономию Сибири к возрождению государства»³.

Прибыв в Омск, генерал Ханжин получает назначение в Челябинск, еще в мае освобожденный от красногвардейских отрядов чехами, на должность командира формируемого там Уральского корпуса. Челябинск в то время представлял собой небольшой уездный город Оренбургской губернии. Но одновременно это был крупный транспортный узел, который вырос и поднялся за счет начавшегося в конце XIX века строительства Транссибирской железнодорожной магистрали.

8 июля, через три дня после своего назначения, генерал-лейтенант Ханжин принял в командование только что созданный Уральский армейский корпус, в состав которого включили некоторые отряды Западно-Сибирской (впоследствии просто Сибирской) армии и отдельные конные сотни Оренбургского казачьего войска⁴. Основными задачами Ханжина являлись формирование новых подразделений корпуса и подготовка их к предстоящим военным операциям, а также вытеснение «красных» с Урала.

В июле 1918 г. для успешного проведения призыва в войска, их снабжения и охраны «государственного порядка» территория Сибири, подчиненная Омску, в административном отношении была разделена между армейскими корпусами следующим образом: район Среднесибирского корпуса (командир полковник А. Пепеляев) — Томская, Алтайская и Енисейская губернии; район Степного корпуса (командир генерал-майор П. Иванов-Ринов) — Тобольская губерния, Акмолинская и Семипалатинская области, а также казачьи земли на Алтае; район Уральского корпуса (командир генерал-лейтенант М. Хан-

жин) — Пермская, Оренбургская губернии и Тургайская область⁵. В дальнейшем, когда вся Сибирь и Дальний Восток оказались в руках единой власти, количество армейских корпусов и подчиненных им районов увеличилось.

Штаб корпуса Ханжина разместился в Челябинске на углу Скобелевской и Азиатской улицы в «номерах М. И. Дядина». Он формировался по уставам и регламентам российской императорской армии и состоял из различного рода управлений: обер-квартирмейстера, дежурного генерала (включающего коменданта штаб-квартиры, конвойную казачью полусотню, команду связи, мобилизационное отделение), инспектора артиллерии, корпусного инженера, интенданта, врача, ветеринара, контролера, начальника по передвижению войск, а также корпусного суда и казачьего отдела. Командный состав штаба насчитывал около ста офицеров⁶. В условиях гражданской войны, когда каждый человек был на счету, такое количество штабных военнослужащих свидетельствовало о раздутых штатах, в которых, естественно, не могли не проявляться бюрократические тенденции. Особенно это явно было заметно в Омске, где заседали центральные органы власти Сибири. Бумаготворчество здесь процветало. Так, наименование корпуса, возглавляемого Ханжиным, менялось несколько раз. Сначала его называли «Уральским армейским», затем — «Отдельным Уральским», и, наконец, «3-м Уральским армейским корпусом». И каждый раз по этому поводу из Омска приходили специальные приказы.

Начальником штаба корпуса стал полковник Николай Тимофеевич Сукин, закончивший в свое время, как и Ханжин, Неплюевский кадетский и Михайловское артиллерийское, служивший в казачьей конно-артиллерийской бригаде. Обер-квартирмейстером назначили капитана Александра Николаевича Нарышкина. Именно эти люди станут ближайшими помощниками и сотрудниками генерала Ханжина как командира корпуса. Его личными адъютантами в этот период служили поручик Петухов и подпоручик Гельтер. Впоследствии первый из них станет адъютантом полковника Н. Т. Сукина.

При штабе находился отряд бойскаутов, сформированный из подростков Челябинска, возглавляемый скаут-мастером Туминым. Ребята выполняли обязанности курьеров и связистов. Штаб имел и свою радиостанцию, где работали два офицера и семь военных чиновников под руководством штабс-капитана Табуйчикова.

В середине июля 1918 г. корпус Ханжина насчитывал 285 офицеров, 2791 солдата пехоты, 8662 кавалериста, 909 невооруженных бойцов, 12 пулеметов и 10 трехдюймовых орудий⁷.

Силы эти были небольшие, и Михаилу Васильевичу предстояло увеличить и превратить их в полки, дивизии, способные успешно выполнять стратегические замыслы своего командования.

Части формируемого корпуса оказались разбросаны на огромной территории. Они стояли под Екатеринбургом, подерживая чехов, наступающих на «столицу горнозаводского Урала». И далее тянулись по Уральскому хребту на юг, расквартированные в городах Златоусте, Миассе, Шадринске, Челябинске, Троицке и Кустанае, в небольших поселках и казачьих станицах. В корпус первоначально входили 6-я и 7-я Уральские дивизии горных стрелков, Уральская кадровая бригада, 2-я и 3-я дивизии Оренбургского казачьего войска, а также ряд отдельных полков и сотен. Позднее были сформированы 11-я и 12-я Уральские стрелковые дивизии. Под командованием генерала Ханжина в это время находились и партизанские отряды, отличавшиеся своей боеспособностью и успешно сражавшиеся с «красными». Это и катавские фронтовики во главе с прапорщиком Загребинным, и юрюзанские партизаны прапорщика Глухова, и бойцы поручика Рычагова, еще в июне 1918 г. поднявшего восстание против Советской власти в Златоустовском уезде. Впоследствии партизаны Рычагова взяли Красноуфимск, защищали Златоуст и железную дорогу до Челябинска, за что Михаил Васильевич лично объявил им благодарность. Затем этот отряд вошел в состав регулярных частей Уральского корпуса, действовавших в районе Екатеринбурга⁸.

Особо следует сказать о сравнительно небольшом партизанском отряде, около двухсот человек, войскового старшины Бориса Анненкова, состоящего из сибирских и оренбургских казаков. Летом 1918 г. анненковцы оказались, пожалуй, наиболее прославленным боевым подразделением Уральского корпуса. Они освободили от «красных» Верхнеуральск, совершили налет на Белорецк. Когда восстание против Омской власти в районе Славгорода вынудило отозвать бойцов Анненкова, это заметно ослабило силы Ханжина.

Сам Борис Анненков происходил из дворян Новгородской губернии. Говорили, что является потомком декабриста поручика И. А. Анненкова, сосланного за свои деяния в Сибирь. Этот казачий офицер в свое время окончил кадетский корпус и военное училище, в первую мировую получил Георгия. Был очень жесток не только к своим врагам, но и к подчиненным. После того, как Анненков покинул корпус Ханжина и подавил восстание на Алтае, он уже в качестве атамана появляется в Семиречье. Позднее, под натиском Красной Армии, Анненков

со своими сторонниками уходит в Китай. Но через несколько лет возвращается обратно, в Советскую Россию, где в 1927 г. после показательного суда в Семипалатинске его расстреляли.

В составе Уральского корпуса имелись и национальные формирования. Сербский добровольческий батальон в составе двух рот под командованием капитана Марилковича сформировали в Челябинске, где также стояли казармы украинской роты и польского отряда. 20 августа генерал Ханжин отдал приказ о создании в Кустанае конно-киргизского полка⁹. Отдельные башкирские формирования воевали против «красных» вместе с другими подразделениями корпуса. При этом в крупных соединениях, подчиненных Михаилу Васильевичу, несли свою службу военные священники не только православной, но и мусульманской веры. Так, благочинным военного духовенства всех частей Ханжина был назначен отец Николай Розанов, а корпусным муллой Ахун Кучумов. Среди полковых служителей культа значились отец Вениамин Гуменский (21-й Челябинский горно-стрелковый полк), иеромонах Сафоний (22-й Златоустовский горно-стрелковый полк), священник Оболен-Евграф (24-й Саткинский горно-стрелковый полк) и др.¹⁰

При корпусе состояли инженерные части и автомобильная рота во главе с капитаном Красниковым. Одно время в подчинении генерала Ханжина находились даже аэропланы 1-го Сибирского авиационного отряда войскового старшины Шабалина¹¹.

Кроме войсковых соединений Михаил Васильевич имел в своем распоряжении артиллерийские, инженерные склады, оружейную мастерскую, различного рода интендантские учреждения, лазареты и почтово-телеграфные конторы. Все эти службы в основном находились в Челябинске, ставшем одним из центров антибольшевистского движения на Урале.

Летом 1918 г. в России существовало около двадцати автономных, областных и национальных правительств как с собственной территорией, так и без нее. На востоке страны реальной силой обладали Комитет членов Учредительного Собрания (Комуч) в Самаре и Временное Сибирское правительство в Омске. Из двух этих политических центров первый, претендуя на власть во всероссийском масштабе, продолжал жить революционными иллюзиями 1917 г., второй определенно становился на трезвый путь реальной обстановки 1918 г. Но положение на фронтах требовало объединения сил, чтобы сокрушить Советы.

Помимо военных соображений, толкавших Самару и Омск на сближение, существовали и политические. Эти правитель-

ства остро нуждались в признании и поддержке союзников. С одной стороны, представители Антанты поощряли и поддерживали различные местные правительства и группы, исходя из тех опасений, которые у них вызывала перспектива воссоздания единой и мощной России (такая перспектива не способствовала бы проведению интервенционистского курса стран Антанты, укреплению их экономического и политического влияния на более отдаленные сроки). С другой стороны, анти-советские устремления западных держав, желание искоренить «революционную заразу», распространявшуюся из России, настоятельно требовали концентрации всех контрреволюционных сил, и поэтому союзники поощряли объединение местных правительств, противостоящих Советской власти. Между тем их разобщенность, в частности разобщенность Самары и Омска, дезориентировала антантовскую агентуру в Поволжье и Сибири. Союзники хотели бы сделать ставку с верными шансами на выигрыш, то есть на те силы, которые выглядели бы предпочтительнее с точки зрения успешной борьбы с Советами. Бывшие российские послы, оставшиеся в различных столицах Европы, в своих телеграммах лидерам антибольшевистского движения в России постоянно напоминали об этом. Так, посол в Риме М. Н. Гирс в конце июля 1918 г. сообщал послу в Токио В. Н. Крупенскому о том, что союзники готовы на контакт с любым антисоветским правительством, но «не могут признать ни одно из них, прежде чем не узнают шансов принятия его страной и содействия, которое оно могло бы им оказать»¹².

Поэтому объединение и сплочение сил Омска и Самары под флагом единой всероссийской власти стало насущной необходимостью. Начались предварительные встречи представителей обоих правительств. Первая состоялась в середине июля в Челябинске. В ней принял участие и генерал Ханжин.

14 июля днем в Челябинск прибыл поезд военного министра и командующего Западно-Сибирской армией Алексея Николаевича Гришина-Алмазова, который должен был встретиться с представителями Комуча и Чехословацкого корпуса по вопросу создания единого военного командования. Тут же, в Челябинске, находилось двое членов Временного Сибирского правительства: министр финансов Михайлов и товарищ министра иностранных дел Головачев. В их задачу входило ведение переговоров об организации единой политической власти.

На вокзале поезд командующего встречали командир Уральского корпуса генерал-лейтенант Ханжин, офицеры его штаба, командир Чехословацкого корпуса генерал-майор

Шокоров со своим помощником, комендант города полковник Вержейский, начальник Троицкого гарнизона есаул Смирных и ряд других военных руководителей. Все они, когда поезд остановился у перрона, представились Гришину-Алмазову в салоне его вагона. После короткой беседы с военными Алексей Николаевич встретился с членами Учредительного Собрания и штаба Народной армии И. М. Брушвином и М. А. Веденятиным. Затем его посетил секретарь исполнительного комитета Народной власти Носков, а позднее представитель Чехословацкого Национального Совета¹³.

После этих встреч военный министр на автомобиле отправился в штаб Уральского корпуса к генералу Ханжину, где он провел несколько часов. А вечером в его вагоне состоялось заседание Чехословацкого Национального Совета.

На следующий день большинство участников этих переговоров снялось на кинокамеру, которая запечатлела министров Временного Сибирского правительства, членов Комуча, представителя Антанты французского майора Гинэ и чехословацких руководителей.

В полдень Гришин-Алмазов совещался с «учредилловцами» из Москвы Аргуновым, Павловым и Кролем. Затем командующий, вместе с генералом Ханжиным, посетил офицерскую кадровую роту, разместившуюся в здании реального училища, где ему были представлены все «начальствующие лица» Челябинского гарнизона. Гришин-Алмазов произнес перед офицерами традиционную помпезную речь, закончив ее здравицей за Сибирское правительство и бойцов Уральского корпуса. В ответ, как водится, по залам училища разнеслось раскатистое «ура». Когда все смолкло, генерал Ханжин «провозгласил здравицу за командарма», и вновь грянуло «ура»¹⁴.

По прошествии нескольких часов, в тот же день состоялось общее совещание политических и военных руководителей Омска и Самары, которые вели себя друг с другом строго официально, как посланцы двух иностранных держав. Обсуждалось два основных вопроса: создание Всероссийской центральной власти и объединение в одних руках командования всем антибольшевистским фронтом на востоке страны. Они вызвали большие разногласия и споры, которые продолжались до глубокого вечера. Поэтому майор Гинэ предложил перенести заседание на следующий день. Многие с этим согласились¹⁵.

Утром другого дня Гришин-Алмазов, предполагая заручиться поддержкой чехов, нанес визит начальнику штаба Чехословацкого корпуса полковнику Червинко, но безрезультатно. Вскоре переговоры продолжились. В начале второго заседания

А. А. Аргунов, как представитель Союза Возрождения, созданного после прихода большевиков к власти в Москве, рассказал о деятельности этой организации. Он сообщил, что в ее состав входят члены различных партий «по персональному отбору», среди них эсеры, энесы, кадеты, эсдеки, кооператоры, военные. Политическая платформа Союза Возрождения: борьба с немцами и большевиками, а также «в единстве и народовластии» довести страну до Учредительного Собрания. По заявлению Аргунова, их организация получила одобрение Антанты, руководители которой много говорят о необходимости создания единой антибольшевистской власти в России¹⁶.

Тут же выступил И. М. Брушвит, заверив присутствующих, что Комуч в состоянии выполнять функции центральной власти до созыва Учредительного Собрания. Он предложил прямо сейчас создать управления военными, иностранными и финансовыми делами. Доводы «против» привел И. А. Михайлов — главный оппонент «учредиловцев» на этом совещании. Министр финансов играл заметную роль в Сибирском правительстве, обладая искусством политической интриги. Сын известного народовольца А. Михайлова, в начальный период своей политической деятельности близкий к эсерам, он затем резко повернул вправо, установив тесные связи с торгово-промышленными и военно-монархическими кругами. В эсерской среде его окрестили «Ванька Каин»¹⁷.

Эмиссар «Национального центра» объединения правых партий и организаций, созданного в Москве, и кадет «левого уклона» Л. Кроль предложил создать центральную власть «с правительством диктаторского типа с большим авторитетным лицом». Гришин-Алмазов поддержал Кроля, отметив при этом, что его армия «приняла лозунг стоять вне политики». Он отверг претензии Комуча на всероссийскую власть, так как, по его мнению, «учредиловцы» не учитывают в своей политике «национальных прав башкир и киргизов» и страдают в подходе ко многим вопросам принципом партийности, игнорируя общегосударственные интересы¹⁸.

Таким образом, споры вокруг основных вопросов совещания вновь затянулись до вечера. И майор Гинэ, выступающий в роли арбитра, чтобы быстрее прийти к соглашению, внес предложение прекратить общее заседание и провести отдельные консультации военных и политических руководителей Самары и Омска, а затем собраться вновь. Так и сделали.

На переговорах военных, куда дополнительно были приглашены генерал Ханжин и его начальник штаба полковник Сукин, после долгих дебатов приняли следующее решение:

Хорунжий М. Ханжин
в первый год службы
после окончания
Михайловского
артиллерийского училища

Е. П. Ханжина,
урожденная Корсак.
Фото начала XX века

Портрет командира
 4-й батареи
 Восточно-Сибирской
 артиллерийской бригады
 подполковника
 М. В. Ханжина.
 Маньчжурский фронт.
 Русско-японская война

Полковник М. В. Ханжин,
 преподаватель Офицерской
 артиллерийской
 школы стрельбы.
 Царское Село, 1907 год

М. В. Ханжин
со своими детьми:
слева направо — Игорь,
Миша, Володя,
Агния, Алеша.
Фото 1912 года

Дети М. В. Ханжина: слева направо — Агния, Алеша, Игорь.
Фото начала XX века

Юнкер Владимир Ханжин.
Николаевское
кавалерийское училище.
Петроград, 1915 год

«Номера М. И. Дядина» в г. Челябинске, где в 1918—1919 гг.
размещалось управление 3-го Уральского армейского корпуса,
а затем — штаб Западной армии. *Открытка начала XX века*

Генерал М. В. Ханжин.
*Фото периода
гражданской войны*

Сын генерала
Владимир Ханжин.
*Фото периода
гражданской войны*

Сын генерала Игорь Ханжин.
Китай, 20-е годы XX века

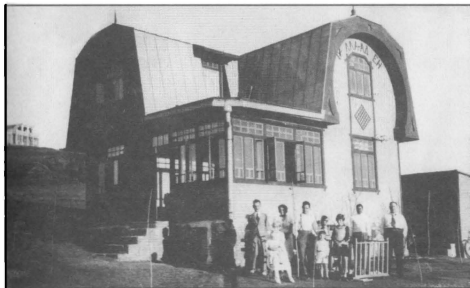

М. В. Ханжин.
Фото 30-х годов XX века

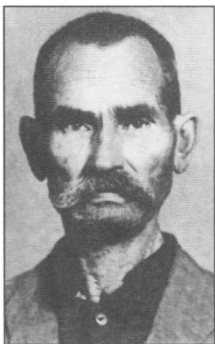

Дом врача П. А. Агапова в г. Челябинске, где в июне 1919 года родился сын М. В. Ханжина Юрий. Ныне ул. С. Цвиллинга, дом 16.
Фото 1927 года

Семья Ханжиных
в эмиграции.
Китай,
начало 40-х годов
XX века

Загородный дом сына генерала Алексея Ханжина.
Китай, начало 40-х годов XX века

Заклученный
М. В. Ханжин.
Фото из уголовного дела

Одна из последних фотографий М. В. Ханжина

1) командование всеми вооруженными силами Комуча и Сибирского правительства в оперативном отношении до прибытия союзных войск поручить генерал-майору В. Н. Шокорову, к которому прикомандировать от каждой армии по консультанту; 2) по вопросам военного снабжения создать Верховную Комиссию в составе представителей Сибирской и Народной армий, Чехословацкого корпуса (по одному человеку), а также инженера Павловского и представителя Антанты майора Гинз; комиссия для начала своей работы должна 26 июля 1918 г. собраться в Омске.

В то же время представители гражданских властей пришли на своем заседании к следующему заключению: 1) 6 августа вновь собраться на переговоры в Челябинске по вопросу создания центральной Всероссийской власти; 2) для совместного решения финансовых вопросов создать Верховную Комиссию, включающую по одному представителю от каждой стороны.

Поздно вечером все собрались опять и единогласно утвердили принятые на отдельных заседаниях постановления. После полуночи поезд командующего Западно-Сибирской армии отправился обратно в Омск¹⁹.

Встреча в Челябинске показала, что комучевцы и сибиряки не сумели договориться, кроме того, последние не имели на это даже официальных полномочий от своего правительства. Поэтому пришлось разехаться, так и не решив главных вопросов. Вскоре после этих неудачных переговоров Михаил Васильевич получил сообщение из освобожденного от «красных» Екатеринбурга о еще одном преступлении большевиков — убийстве царской семьи в подвале дома инженера Ипатьева. Такое известие отбросило последние сомнения генерала, если они, конечно, были, в правильности своего выбора — бороться против Советской власти.

Части Уральского корпуса, которые вместе с чешскими легионерами взяли Екатеринбург, возглавлял прибывший недавно с Юга от А. И. Деникина генерал В. В. Голицын. В свое время он, являясь полковником, исполнял обязанности генерала для поручений при Л. Г. Корнилове. После смерти Верховного Голицын не нашел общего языка с его преемником Деникиным. Антон Иванович, будучи уже в эмиграции, давая нелестную характеристику своему подчиненному, писал о нем следующее: «Голицын доложил мне, что вывез семью генерала Корнилова в Москву, где она проживает инкогнито и в полной безопасности вместе с его семьей. За это был обласкан и награжден из скромной добровольческой казны. Затем уехал и объявился в Сибири генералом, занимая потом высокие

командные посты в армии адмирала Колчака. Оказалось впоследствии, что семья Корнилова осталась тогда на Кавказе в тяжелом, почти безвыходном положении»²⁰.

Поступив в распоряжение генерала Ханжина, занимаясь формированием новых частей, а затем, получив в командование 7-ю Уральскую дивизию горных стрелков, Владимир Васильевич Голицын в целом показал себя неплохо. С командиром Уральского корпуса у него сложились ровные взаимоотношения. Не последнюю роль в этом сыграл не только мягкий характер Ханжина, но и личное умение Голицына командовать вверенными ему частями. Поэтому неоднократно Михаил Васильевич в своих приказах выносил благодарность «доблестному начальнику 7-й Уральской дивизии». Под командованием Ханжина Владимир Васильевич получил второй генеральский чин, а впоследствии, когда его начальник стал командующим армией, он возглавил 3-й Уральский корпус. Однако в июне 1919 г., видимо по причине отступления его частей под ударами Красной Армии, Голицын был, «по болезни», снят со своего поста. Но вскоре он получил новую должность в Ставке Верховного Главнокомандующего, так как, согласно слухам, пользовался там большим расположением.

Когда политические страсти в Челябинске поутихли, вновь стали обостряться отношения между Самарой и Омском. Началась таможенная война, территориальные споры из-за Челябинского и Златоустовского уездов, борьба вокруг создающегося в Екатеринбурге Временного областного правительства Урала. В эти конфликты и разногласия вмешивались также чехи и представители Антанты. 13 августа 1918 г. генерал Ханжин сообщал по телеграфу в штаб Сибирской армии, что в Екатеринбурге Б. Павлу как представитель Чехословацкого Национального Совета и консулы союзных держав выступают против создания Временного областного правительства Урала, «ввиду боевой обстановки». Руководители чехов, видимо, решили сосредоточить всю власть в Екатеринбурге в своих руках, выражая при этом недовольство медленным формированием 2-й Уральской дивизии горных стрелков, чем занимался генерал Голицын. В Омске стали подозревать, что чехи при поддержке представителей Антанты строят планы захвата всего Урала и установления здесь своей диктатуры. Поэтому Михаил Васильевич, как один из военных руководителей Сибирской армии, намеревался отправиться к командиру Чехословацкого корпуса Шокорову, чтобы прояснить этот вопрос. Он также потребовал от Павлу письменное решение о переходе власти в Екатеринбурге к чехам, за подписью членов Чехословацкого

Национального Совета и консулов союзных государств. Одновременно с этим Ханжин приказал генералу Голицыну, который являлся начальником гарнизона Екатеринбурга и имел в своем распоряжении 250 надежных штыков из офицерских рот, не уступать чехам до соответствующего приказа из Омска. Передавая сообщение об этих событиях в Ставку, Ханжин, имея в виду чехов, докладывал: «Думаю, что они не помешают нам формировать части 2-й дивизии, и призвать новобранцев уездов Пермской губернии». Впоследствии чехословацкие руководители смягчили свою позицию, но признали нежелательным существование независимого от Омска Временного областного правительства Урала²¹.

Таким образом, генералу Ханжину в этот период приходилось заниматься не только военными делами, но и политикой, вторгавшейся во все сферы жизни в смутное время гражданской войны.

В конце августа состоялось второе Челябинское совещание, на которое съехались члены Комуча, Сибирского и Уральского правительств, представители ЦК эсеров (находящегося в Самаре) и проэсеровского комитета национальных групп. Опять начались дискуссии вокруг вопросов о перевозке в Омск золотого запаса, захваченного в Казани частями Народной Армии и теперь находившегося в Самаре, об объединении военного командования, о создании Всероссийской власти. Наконец сошлись на том, что в Уфе состоится Государственное совещание по решению всех этих проблем.

После закрытия этой конференции устроили банкет, где Гришин-Алмазов на неделикатный отзыв английского консула о России наговорил ему в ответ дерзостей и, между прочим, добавил: «Еще вопрос, кто в ком больше нуждается: Россия в союзниках или союзники в России». Случился дипломатический скандал. Последовала нота протеста Омскому правительству. Военного министра отправили в отставку. Говорили, что не обошлось без интриги против Алексея Николаевича в самом правительстве. Впоследствии он переехал на Юг к Деникину, был генерал-губернатором Одессы. После отступления «белых» через Каспий попытался вернуться в Сибирь, но в море его настигли большевики. Чтобы не попасть к ним в руки, Гришин-Алмазов застрелился²².

Новым главнокомандующим Сибирской армией стал П. Иванов-Ринов, еще ранее отличившийся в 1916 г. при подавлении волнений в Туркестане. Его первыми мерами явились введение армейских погон (до этого сибиряки носили на левой стороне нарукавные знаки, с белой и зеленой тесьмой —

символ снегов и лесов Сибири), а также приказ о том, чтобы бывшие офицеры, добровольно перешедшие в Сибирскую армию от «красных», назначались для испытания на определенный срок рядовыми.

В Челябинске в это время разместился со своим штабом еще один новый военный руководитель — новоиспеченный генерал Я. Сыровы, в недалеком прошлом австрийский поручик, а теперь главнокомандующий белым Западным фронтом. Но в его непосредственном распоряжении находились только чешские легионеры, а русские части подчинялись ему лишь в оперативном отношении.

Участники второго Челябинского совещания, чтобы не затягивать работу по созданию центральной Всероссийской власти, решили сразу же отправиться в Уфу. Однако из-за красных партизан, парализовавших железнодорожное сообщение на большом участке восточнее Уфы, им пришлось задержаться на две недели.

Да, разрозненные красногвардейские отряды, действующие на Урале, доставляли немало хлопот генералу Ханжину, часто отвлекая его от основных дел по формированию своего корпуса. Среди первых приказов Михаила Васильевича был следующий: «Ввиду того, что разбитые банды большевиков продолжают появляться мелкими шайками и грабить население в районе корпуса, объявляю с 24 часов 25 июля на военном положении уезды Шадринский и Екатеринбургский Пермской губернии, Троицкий, Верхнеуральский Оренбургской губернии, Златоустовский уезд Уфимской губернии и Кустанайский уезд Тургайской области»²³.

Особенно много проблем для корпуса Ханжина создали красные партизаны под командованием Василия Блюхера и братьев Николая и Ивана Кашириных. В июне 1918 года в районе Оренбурга сосредоточилось около двадцати красногвардейских отрядов численностью несколько тысяч бойцов. Возглавил их двадцатидевятилетний краском Блюхер. Вскоре главнокомандующим Оренбургского фронта стал Г. В. Зиновьев, который в обстановке наступления превосходящих сил «белых» и угрозы полного окружения отдал приказ своим частям отходить в Туркестан. Но Блюхер, назначенный заместителем Зиновьева, отказался выполнить его приказ. Свой сводный Уральский отряд он решил вести на север, к крупным промышленным центрам, чтобы там соединиться с главными силами Красной Армии. Его поддержали Н. Д. Каширин и М. В. Калмыков, командиры Южного и Уфимского отрядов. Таким образом, большая часть красногвардейцев во главе

с Зиновьевым ушла в район Актюбинска и Орска. Впоследствии на их основе создали Туркестанскую армию. А В. Блюхер и Н. Каширин со своими бойцами, практически нарушив воинскую дисциплину и не подчинившись приказу своего непосредственного начальника, двинулись к Верхнеуральску, который был в руках отряда красных партизан И. Каширина. Однако в начале июля под натиском «белых» каширинцы оставили город и отошли к Белорецку, находившемуся под властью военно-революционного комитета во главе со старым большевиком П. В. Точисским. Сюда же в середине июля подошли отряды В. Блюхера и Н. Каширина. В Белорецке к этому времени уже верховодил Иван Каширин, который со своими лихими ребятами быстро расправился с Точисским и его помощниками, пытавшимися ограничить партизанскую вольницу. Здесь состоялось совещание красных командиров. Решали главный вопрос: куда вести свои отряды? Николай Каширин предложил двигаться на Верхнеуральск — Троицк, а затем через Миасс на Екатеринбург (тогда там еще была Советская власть). Василий Блюхер считал, что необходимо идти на север через рабочие районы, где в трудную минуту можно рассчитывать на помощь пролетариата Урала. Большинство поддержало первое предложение, и главнокомандующим стал Н. Каширин, в прошлом казачий офицер. Красные партизаны к этому времени насчитывали в своем составе около 6,5 тысячи штыков и сабель, 13 орудий и более 70 пулеметов²⁴.

Наступление их на Верхнеуральск началось на рассвете 18 июля 1918 г. Ханжин поручил генерал-майору В. Шишкину командовать частями корпуса, находящимися на этом направлении. Начались ожесточенные бои. 19 июля каширинцы захватили станцию Тирлян, их передовые отряды, преодолевая упорное сопротивление, постепенно продвигались к Верхнеуральску. Генерал Шишкин доносил в штаб Уральского корпуса: «Положение вновь обострилось, противник наступает большими силами. Наши части отходят...»²⁵.

Михаил Васильевич отправляется на фронт, чтобы на месте изучить обстановку. Вернувшись в Челябинск, он по телеграфу отдает приказ генералу Шишкину: «развивать энергичные действия в направлении на Белорецкий завод, охватывая его с юга, не давать противнику возможности связаться с его Орской группой»²⁶.

Незадолго до этого частями генерала Ханжина были выбиты из Тирляна партизаны Ивана Каширина. «Белым» досталось шесть неисправных паровозов, безмолвно стоящих на железнодорожных путях. Под Верхнеуральском начались встречные

бои с переменным успехом. Красного главкома Николая Каширина ранило в ногу, когда он лично повел в атаку своих бойцов. Его сменил брат Иван, который приказал во что бы то ни стало продолжать наступление. В ночь с 31 июля на 1 августа «красные» штурмом овладели хорошо укрепленной горой Извоз недалеко от города. Генерал Шишкин, опасаясь наихудших последствий, отдал частям приказ отступить и занять позиции восточнее Верхнеуральска. Рейд конного отряда полковника Горбунова (с участием анненковцев), с целью захватить Белорецк, закончился неудачей.

Необходимо отметить, что на случай отхода «белых» из Верхнеуральска Ханжин имел свой план, который мог бы осуществиться только при выходе красных партизан на степные просторы. Тогда, используя преимущество в коннице, он обойдет их казачьими частями с флангов и ударит в тыл. Разгром будет неминуемым. Для личного руководства предполагаемой операцией Михаил Васильевич вновь выезжает на позиции. Здесь, буквально на ходу, производит реорганизацию, создав из частей, действующих на этом участке, две дивизии Оренбургского казачьего войска — 2-ю и 3-ю. Первую из них возглавил Шишкин, а во главе последней Ханжин поставил генерал-майора Ончокова. В своем резерве командир корпуса оставил добровольческий казачий полк и отдельный Магнитский отряд²⁷.

Но красные партизаны не пошли в город, выслав туда только разведчиков. Узнав из попавших к ним в руки белых газет о падении Екатеринбурга, они решили вернуться в Белорецк и оттуда двигаться на северо-запад к Уфе. Это была задумка Блюхера, который и стал новым главкомом. О планах «красных» генералу Ханжину стало известно от перебежчиков во главе с командиром Верхнеуральского отряда, бывшим офицером Н. Г. Енборисовым.

Днем 2 августа Михаил Васильевич отдает приказ, в котором ставит задачу атаковать и преследовать врага силами обеих дивизий, а также, совершив обходной рейд, отрезать ему пути отступления. Еще накануне Ханжин принял меры к тому, чтобы части Стерлитамакского гарнизона начали наступление на Белорецком направлении. Таким образом, он предполагал окружить «красных» в этом районе и разгромить их²⁸.

Вновь вспыхнули ожесточенные бои. Партизаны Блюхера, теснимые «белыми», отходили все дальше на запад. В некоторых деревнях они оставляли листовки с воззваниями Ивана Каширина, призывавшего солдат переходить к нему в отряд, а офицерам он предрекал: «Настанет время, мы будем срывать с вас образованные умные башки, а изнеженное тело бросать

на съедение собакам»²⁹. Но такие средства борьбы мало помогали, и в ночь на 5 августа «красные» вынуждены были оставить Белорецк. Отряд Блюхера вместе с обозом и беженцами вытянулся в длинную ленту, ползущую по Уральским перевалам под знойным августовским солнцем 1918 г.

Генерал Ханжин, передав несколько частей 2-й дивизии Оренбургского казачьего войска Ончокову и возложив на него общее руководство по борьбе с Блюхером, телеграфировал ему: «Преследовать большевиков приказываю самым энергичным образом, стараясь не только догнать хвост колонны, но и перерезать ей путь, дабы скорее их ликвидировать и очистить от них край». Однако выполнить эту задачу Ончокову не удалось, так как арьергардные части и боковые охранения партизан успешно отбивали атаки «белых». Кроме того, ввиду сложной боевой обстановки, в районе Орска и Актюбинска, где сражались отряды Дутова, а также нестабильности в тылу, Ханжин некоторые свои подразделения перебрасывает в другие места, что ослабляло натиск на Блюхера.

Результаты таких действий не заставили себя долго ждать. 7 августа «белые» понесли большие потери под Кагинским заводом. В этот день генерал Ончоков сообщал в Челябинск: «Вследствие измученности конного состава перехватить дорогу противнику не удастся. Хотя известны его передвижения и стоянки, обойти не удастся вследствие бездорожья по горам». Ханжин разрешил отдых 3-й дивизии в районе Авзяно-Петровского и Кагинского заводов, но одновременно приказал продолжать преследование наиболее боеспособными частями, «чтобы окончательно расстроить красных и лишить их боевых припасов»³⁰.

Михаил Васильевич предполагал, что Блюхер пойдет к Стерлитамаку, откуда по дороге, идущей между гор, легче выйти на Уфу. Поэтому, по его приказу, со стороны Стерлитамака стягивались силы «белых», готовые встретить и разгромить противника. Но Ханжин ошибся, партизаны резко повернули на север, выбрав трудную, но более безопасную дорогу. Красному Блюхеру удалось обмануть генерал-лейтенанта Ханжина и не попасть в расставленные для него сети. Помимо этого большую услугу «красным» оказала настоящая скрытая и явная борьба между командиром Уральского корпуса и атаманом Дутовым за влияние на части Оренбургского казачьего корпуса. Дело в том, что в июле 1918 г., Дутов, исходя из тактических соображений, поддержал Самарский Комуч, а генерал Ханжин, как известно, находился в подчинении у Временного Сибирского правительства. В результате оренбургские

казаки, воевавшие в составе Уральского корпуса, находились как бы в двойственном положении. С одной стороны, они должны были беспрекословно подчиняться командованию корпуса, а с другой — своему войсковому правительству и атаману, которые осуществляли назначение в казачьи части, награждения и производство в чин. Испытывая постоянный недостаток в бойцах, Дутов всячески пытался отторгнуть от Уральского корпуса подразделения казаков. Так, под предлогом переформирования казачьих частей и увольнения из их состава старших возрастов, в конце августа из 3-й Оренбургской дивизии он отозвал один за другим несколько полков, в том числе и те, которые сражались непосредственно на фронте. Конечно, это сильно ослабило силы генерала Ханжина.

К этому времени Блюхер соединился с еще двумя красногвардейскими отрядами. Теперь под его командованием оказалось более 10 тысяч штыков и сабель, около 100 пулеметов и 17 орудий³¹. А Уральский армейский корпус, подразделения которого сражались не только против Блюхера, но и в районе Екатеринбурга, к середине августа имел в своем составе 570 офицеров (337 из которых находились в резерве), 4982 штыка (2295 — в резерве), 12 114 сабель (1521 — в резерве), 1179 невооруженных бойцов и 16 легких орудий. Формирования корпуса, не участвующие в боевых действиях и находящиеся в резерве, размещались в Челябинске, Сосновке, Троицке, Кустанае, Златоусте, Миассе и Чебаркуле³². Таким образом, Ханжин на этом участке фронта, в общем-то, не располагал достаточными силами и средствами, чтобы разгромить походную колонну Блюхера. Для переброски частей из тыла требовалось время, а его как раз у генерала не было, так как красные партизаны почти безостановочно двигались вперед, пытаясь ускользнуть от своих преследователей.

Блюхер решил прорваться на север восточнее Уфы, где сливались три реки Сим, Зилим и Белая. Во второй половине августа здесь происходили упорные бои. «Белые», стянув сюда войска, еще раз попытались окружить и уничтожить сводный Уральский отряд. Для оперативного руководства части полковника Колесникова (из корпуса Ханжина) подчинили командующему Уфимского района генерал-майору Тимонову, войска которого также вступили в борьбу с партизанами. Однако и это не помогло. 29 августа «красные», смяв заслоны своего противника, прорвались через железную дорогу на большом участке восточнее и западнее станции Иглино. Железнодорожная магистраль и средства связи на протяжении 30 верст в белом тылу оказались выведенными из строя.

Командующий войсками Комуча на Поволжском фронте, чешский полковник С. Чечек, потребовал от генерала Тимонова остановить бойцов Блюхера и не допустить их ухода на север, в леса, где трудно будет с ними бороться. В связи с этим Чечек поставил перед Шокоровым и Ханжиным вопрос о полном подчинении Тимонову не только казаков Колесникова, но и частей, состоящих из чешских, польских легионеров, а также отдельного Сибирского отряда полковника Моисеева из Уральского армейского корпуса. Генералы дали свое согласие на такой шаг. Но это также не остановило красных партизан. Многие подразделения Ханжина оказались измотаны этой бесконечной погоней, а порой даже деморализованы. Полковник Чечек сообщал, что Колесников бездействует. Один из казачьих добровольческих полков его отряда самовольно ушел в Верхнеуральск, а башкирская рота взбунтовалась и под конвоем отправлена в Уфу. С Поволжского фронта для борьбы с Блюхером белое командование не сняло ни одной части. Более того, отозвали Бутурусланский стрелковый полк, что облегчило действия красногвардейцев. Не проявляли особого рвения идти в бой и чехи, из-за пассивности которых отряд полковника Моисеева понес большие потери в деревне Старая Кулева. Узнав об этом, генерал Ханжин с возмущением жаловался Шокорову на непокорность чехословацких подразделений, стоящих на станции Иглино. Чехи однако с места не двигались и не участвовали в боевых действиях. Тогда Михаил Васильевич телеграфирует в Златоуст начальнику 6-й Уральской дивизии горных стрелков полковнику В. М. Нейланду: срочно слать хоть какое-нибудь подкрепление Моисееву. Тот обещал набрать 100 штыков и отправить их на следующий день. Отряд же Колесникова, по причине его небоеспособности, Ханжин приказал отвести в тыл на переформирование³³.

Все это позволило партизанам переправиться 3—4 сентября через реку Уфу по сооруженному ими временному мосту, и устремиться на север. Спустя 10 дней в районе Кунгура они соединились с регулярными частями Красной Армии. Вскоре В. К. Блюхера, как руководителя этого рейда, наградили только что учрежденным в Советской республике орденом Красного Знамени. Будучи уже маршалом Советского Союза, он в 1935 г., выступая перед писателями и рассказывая о событиях гражданской войны, невысоко отзывался о способностях Михаила Васильевича в качестве военного руководителя. «Этот Ханжин,— говорил Блюхер,— сейчас варит мыло в Дайрене. Кстати сказать, он варит мыло гораздо лучше, чем командовал войсками белых»³⁴. Такие слова маршала звучали как бахвальство,

как унижение своего старого противника по 1918 г., который тогда перебивался в эмиграции.

Отряд Блюхера, когда соединился со своими, заметно усилил 3-ю армию «красных», прикрывавшую Пермь. Видимо, поэтому командующий Екатеринбургской группировкой «белых» генерал-майор Радом Гайда запросил у Омска подкреплений. Здесь, на пермском направлении, сражалась 7-я Уральская дивизия В. В. Голицына. Она была сформирована в Екатеринбурге, участвовала во многих боях на этом участке фронта, и порой небезуспешно. Так, например, ее бойцы захватили у большевиков два бронепоезда, которые затем использовали против них. В декабре 1918 г. горные стрелки, продвигаясь по глубокому снегу, после многодневных боев захватили Кушвинский железнодорожный узел. Вскоре прибывший сюда генерал Ханжин подписал следующий приказ: «Доблестного начальника 7-й Уральской дивизии горных стрелков генерал-майора Владимира Васильевича Голицына прошу принять от лица службы мою сердечную благодарность за его неустанный труд, заботы о дивизии, и лично от меня, за удовольствие, доставленное мне видом блестящих боевых войсковых частей. Благодарю всех командиров полков, господ офицеров за обучение, воспитание частей и самоотверженную боевую работу. Молодцам горным стрелкам — низкий поклон и спасибо за их суворовские подвиги на пользу и возрождение Великой России»³⁵. Затем бойцы Голицына освободили Кунгур и получили в связи с этим благодарность от генерала Гайды³⁶.

Еще в октябре между командиром Уральского корпуса и командующим Екатеринбургской группы «белых» возникли трения из-за 7-й Уральской дивизии. По свидетельству современников, Гайда был человеком авантюрного склада, но в то же время обладал смелостью, волей и организаторскими способностями. Родом из Моравии, в мирное время он работал обыкновенным фармацевтом, но когда началась мировая война, подданный австрийского императора вместо того чтобы, как все законопослушные граждане, служить короне, бежит в Сербию, где поступает добровольцем в армию. Судьба занесла его в Россию. В 1917 г. Гайда уже капитан Чехословацкого корпуса. Когда чехи выступили против большевиков, солдаты его полка вместе с «белыми» взяли Новониколаевск, Иркутск, Читу. За это Временное Сибирское правительство наградило его орденом Святого Георгия 4-й степени и пожаловало сразу чин генерал-майора.

7-я Уральская дивизия подчинялась Гайде лишь в оперативном отношении, но он пытался полностью распоряжаться

ею, бросая горных стрелков на самые трудные участки фронта. Михаил Васильевич протестовал, постоянно напоминая Гайде, что подразделения его корпуса являются стратегическим резервом Ставки. В декабре 1918 г. генерал Ханжин в нескольких телеграммах главнокомандующему Западным фронтом «настоятельно ходатайствует» отвести эту дивизию из района Перми для отдыха, пополнения и переброски ее на ослабленное уфимское направление ³⁷.

Главными заботами Ханжина являлись: мобилизация на военную службу мужского населения Урала, формирование новых частей корпуса, их обеспечение. Первые призывы новобранцев Омское правительство объявило еще в июле 1918 г. Военная обязанность распространялась только на лиц в возрасте от 18 до 43 лет включительно, родившихся в Сибири и на Урале, или переселившихся сюда до 1 января 1915 г.³⁸ Но в обязательном порядке призывали в основном молодежь. Мобилизация в целом проходила успешно. Как сообщало в конце августа Сибирское телеграфное агентство, в Челябинске, например, на призывные пункты явились все зарегистрированные новобранцы, не предоставив ни одного заявления на отсрочку по болезни, а многие даже отказывались от положенных им льгот ³⁹.

По данным штаба Сибирской армии, к осени 1918 г. под ружье было поставлено 105 тысяч солдат и около 5 тысяч офицеров ⁴⁰. Возможности позволяли увеличить численность армии. Однако мыслящие люди в военном руководстве предостерегали от этого. Рядовой состав Сибирской армии состоял в основном из молодежи. Для создания новых частей потребовалось бы провести мобилизацию среди населения старших возрастов, то есть в основном бывших фронтовиков, в массе своей уже обработанных большевистской пропагандой. Это, конечно, создало бы опасность для боеспособности войск. Кроме того, сказывалась нехватка средств у правительства для обеспечения всем необходимым многочисленных армейских формирований. В начале декабря генерал Ханжин даже получил специальное указание из Омска: ввиду избытка русских новобранцев и дороговизны их содержания, военнопленных (из австрийской и германской армий), выразивших желание добровольно поступить на службу, в части корпуса не принимать ⁴¹.

Отсутствие обмундирования для призывников вынудило Михаила Васильевича отдать приказ о реквизиции у горожан Челябинска шинелей, рубах и шаровар защитного цвета, папах за определенную плату. Сокрытие, отказ от сдачи военного обмундирования влекли за собой, согласно приказу, штраф

в размере 3 тысяч рублей или тюремное заключение на три месяца. Такое же наказание предусматривалось и за частную торговлю военной одеждой. Для обеспечения своих конных частей лошадьми генералу пришлось их брать в земских учреждениях Челябинского уезда ⁴².

Большую помощь Ханжину оказали коммерсанты и промышленники Челябинска, которые на торговой бирже, по собственной инициативе, собрали на нужды корпуса 2 миллиона рублей. Конечно, такой поступок представителей торгово-промышленного класса Михаил Васильевич не оставил без внимания, и выразил им свою благодарность ⁴³.

«Приварочный оклад» солдат Сибирской армии составлял от 85 до 161 рубля в месяц. Например, рядовые Уральского армейского корпуса из подразделений, располагавшихся в Челябинском уезде, получали 98 рублей. Для сравнения: военнопленные (немцы, мадьяры, австрийцы и др.), привлекавшиеся на хозяйственные работы, а также для ухода за ранеными в лазаретах и в санитарных фронтовых частях, имели от 44 до 86 рублей. Очень часто эти оклады выдавались продуктами: мясом, салом, маслом ⁴⁴.

Михаил Васильевич старался быть поближе к солдату, знать его нужды и чаяния. Поэтому он часто бывал в подразделениях корпуса, беседовал не только с офицерами, но и с нижними чинами. Проявлял не показную, а настоящую заботу о своих подчиненных. Так, в конце декабря 1918 г. Ханжин лично просил главнокомандующего белым Западным фронтом о снабжении своих войск полушубками и валенками, так как они несли «огромные потери обмороженными вследствие недостатка теплой одежды и обуви» ⁴⁵.

Генерал, как старый служака, являлся активным поборником чистоты в казарме. Как-то после осмотра формирований 6-й Уральской дивизии горных стрелков, заметив кое-где грязь, он высказал офицерам: «Нужно с места приучать солдата к чистоте, порядку и аккуратности». Ханжин также рекомендовал командованию дивизии не оставлять нижних чинов в часы досуга, обратить внимание на устройство полковых храмов и создание хороших певческих хоров ⁴⁶.

Побывав на вечере, устроенном учебной командой 1-го кадрового стрелкового полка в день его воинского праздника, Михаил Васильевич в своем приказе отметил следующее: «Отличная игра стрелков и хоровое пение доставили всем большое удовольствие. Все это достигнуто в короткое время. Я надеюсь, что хорошее начинание не заглухнет, найдет подражание в других частях корпуса, еще не находящихся на фронте, а солдаты,

возвратясь после службы домой, скажут, что в казарме, которой часто пугаются, их учили не только любить и защищать Родину, но и разумно, и здорово проводить часы досуга»⁴⁷.

Уральский армейский корпус, как и вся Сибирская армия, испытывал острый недостаток в офицерах и в военных специалистах. На востоке России дивизиями и корпусами, за исключением М. К. Дитерихса (с октября 1918 г. начальник штаба Чехословацкого корпуса, затем и штаба главнокомандующего Западным фронтом) и М. В. Ханжина, не командовал ни один из генералов старой армии. Всеми соединениями руководили офицеры, пришедшие в Белую армию в чине не выше полковника и получившие генеральские погоны в период гражданской войны⁴⁸. Но особенно не хватало офицеров младшего и среднего командного состава. Для решения этой задачи сибирское военное командование организовало ряд военных училищ, инструкторских школ и повторительных курсов. Только при корпусе Ханжина, в Челябинске, действовали школы по подготовке ротных командиров, дивизионных и полковых начальников связи, а также офицерские артиллерийские курсы в Екатеринбурге. В стадии формирования находились «школа фельдшерских учеников» и образцовая учебная кузница⁴⁹.

Помимо этого, молодежь с законченным средним образованием могла поступить в Иркутское и Оренбургское военные училища, в военнотруженические корпуса в инструкторскую школу для младших офицеров, открытую в Томске (с отделением для солдат пулеметчиков и бомбометчиков)⁵⁰.

Офицерский корпус белых армий пополнялся также за счет юнкеров, по объективным причинам не закончивших свое обучение. Часто по истечении нескольких месяцев их службы в войсках, они получали первый офицерский чин. Генерал Ханжин, желая придать такому явлению законный порядок и поднять уровень военного образования новоиспеченных офицеров, в своем рапорте командующему Сибирской армией в октябре 1918 г. поднимал вопрос об организации школы для юнкеров с двухмесячным обучением, чтобы после окончания ее производить их в прапорщики⁵¹. Впоследствии такая школа была открыта.

Если говорить о материальном положении офицеров Сибирской армии, то оно по тем временам, даже с учетом господствующей инфляции, выглядело достаточно сносным и позволяло им не бедствовать. Так, командир корпуса, согласно распоряжениям Омского правительства, получал 1360 рублей в месяц, начальник дивизии и штаба корпуса — 1120 рублей, командир полка — 680 рублей, батальона — 450 рублей, роты —

400 рублей. К этому окладу добавлялись еще и «квартирные деньги», составлявшие четверть офицерского жалования⁵². Беда состояла в том, что эти деньги выдавались нерегулярно, с большими задержками.

Михаилу Васильевичу в условиях гражданской войны приходилось порой применять очень жесткие меры по наведению порядка в частях и укреплению тыла. Среди первых его распоряжений как командира корпуса значилось следующее: «Приказываю начальникам всех степеней принимать беспощадные меры против дезертиров с поля боя ислушников боевых приказов, не останавливаясь перед употреблением в дело оружия, памятуя, что самые крайние решения начальников в этом направлении будут оправданы восстановленным порядком, дисциплиной и боеспособностью в воинских частях»⁵³. Таким образом, еще в июле Ханжин требовал от своих офицеров не останавливаться даже перед применением смертной казни. Хотя Временное Сибирское правительство восстановило эту высшую меру наказания за тяжкие преступления, в том числе и за государственную измену, только 14 сентября 1918 г. При этом смертные приговоры, вынесенные военно-полевыми судами (действовали с 1 августа), утверждались командующим армией или командирами корпусов. Необходимо заметить, что военно-полевые суды предполагали институт защиты обвиняемого⁵⁴. Но, как правило, все решали несколько офицеров-судей.

Для спокойствия в тылу Ханжин, исполняя приказ командующего Сибирской армией, требовал от гражданского населения на территории вверенного ему корпуса сдать в трехдневный срок все боевое оружие и патроны. За невыполнение данного распоряжения он грозил административным арестом сроком до трех месяцев или денежным взысканием до 3 тысяч рублей⁵⁵. Однако такие меры мало помогали. Только ленивый мужик в то лихое время в своем хозяйстве не имел оружия.

Неизменными спутниками гражданской войны в России стали сыпной тиф и холера, косившие людей без жалости и разбора. Михаилу Васильевичу, как военному руководителю, пришлось бороться с этими коварными врагами человека. Чтобы одолеть эпидемии, в Челябинске создали санитарный комитет во главе с корпусным врачом коллежским советником Павлом Александровичем Агаповым. Этот сорокадвухлетний доктор был известным в городе человеком. Выходец из казачьей семьи, он в 1894 г., окончив Казанский университет, получил степень «лекаря с отличием». Затем несколько лет служил врачом в Оренбургском крае. Выйдя в отставку и переехав

на жительство в Челябинск, имел здесь частную практику и преподавал в учебных заведениях города. Одно время избирался мировым судьей по Челябинскому уезду и гласным городской думы. Возглавлял попечительный совет при женской гимназии и Челябинский комитет Всероссийского городского союза. Являлся членом кадетской партии. В марте 1917 г. руководил комитетом общественной безопасности в городе. После освобождения Челябинска от власти Советов поступил на службу врачом в сформированную тут отдельную Челябинскую дивизию, а затем в Уральский армейский корпус.

Кроме Агапова, в санитарный комитет вошли врач Чехословацкого корпуса Конопасек, штабной офицер полковник Дроздов, доктор медицины из Челябинска Бейвель, член комиссариата Приуралья врач Кременецкий и представитель возрожденного Союза земств и городов Фрейдман. Обычно заседания комитета проходили в присутствии полковых врачей и городского доктора Мазина. Меры, выработанные для борьбы с сыпным тифом и холерой, были традиционны: разместить воинские части в более свободных помещениях, военнотружущим строго соблюдать гигиену тела. В срочном порядке создали дезинфекционный отряд для обслуживания всех подразделений корпуса⁵⁶.

Семья генерала Ханжина осенью 1918 г. переехала в Челябинск. Клавдия Петровна осталась у сестры Михаила Васильевича в Троицке. Своих мальчуганов Алешу и Игоря генерал определил в Сибирский кадетский корпус в Омске. Его директором являлся приятель и сокурсник Ханжина по Михайловскому артиллерийскому училищу генерал-майор В. Д. Нарбут.

В Троицке тогда свирепствовала холера. Она унесла жизни Лилии Радеевой, двоюродной сестры генерала, и его тещи Клавдии Петровны. Елена Павловна в октябре ездил на похороны матери.

Рядом с Михаилом Васильевичем находились в то время жена, дочь Агния и сын Витя. В конце 1918 г. вместе со своей юной и красивой женой Катей приехал из Оренбурга Владимир Ханжин, сын генерала от первого брака. Бравый молодой офицер, учившийся в свое время в Николаевском военном училище, но из-за революции не окончивший его. Поэтому ему пришлось пройти ускоренный курс обучения в Оренбургском училище, и лишь затем он получил офицерские погоны. Отец, боясь за Владимира, не отправил его на фронт, а оставил у себя при штабе. Дочь генерала Агния, несмотря на разницу в возрасте, быстро нашла общий язык с Катей. Они подружились, и часто их видели вместе.

Государственное совещание по вопросу о создании единой власти состоялось в сентябре 1918 г. в Уфе. Как раз в дни его работы Красная Армия одержала ряд побед на Волге. «Белые» оставили Казань и Симбирск. Фронт приближался к Самаре. Все это вынудило Комуч и Сибирское правительство спешить с переговорами. В итоге образовали Директорию в составе Н. Д. Авксентьева, В. М. Зензинова, В. А. Виноградова, П. В. Вологодского и В. Г. Болдырева, которая провозгласила себя Всероссийской властью до созыва Учредительного Собрания. Конституция Директории провозглашала своими основными задачами борьбу за освобождение России от Советской власти, воссоединение отторгнутых и отпавших областей страны, восстановление фактической силы договорных отношений с державами Антанты, продолжение войны против германской коалиции. Военная программа Директории предполагала «воссоздание сильной боеспособной, единой российской армии, поставленной вне влияния политических партий», а также «установление крепкой воинской дисциплины на началах законности и уважения к личности»⁵⁷.

Таким образом, теперь силы Народной армии Комуча и Сибирской армии, руководимой Омским правительством, объединялись. Военным членом Директории, а значит Верховным Главнокомандующим, стал сорокатрехлетний генерал-лейтенант В. Г. Болдырев, один из создателей Союза Возрождения, пробравшийся в августе 1918 г. из Москвы на Волгу. Его имя большинству офицеров мало что говорило (в сентябре 1917 г. он командовал лишь армейским корпусом) и не вызывало доверия.

11 октября, следуя из Уфы в Омск, Болдырев остановился в Челябинске. На вокзале его встречал почетный караул со старым знаменем российской императорской армии, а также депутация от местных властей: английский комиссар сэр И. Элиот, и, конечно, сам генерал Ханжин с офицерами своего штаба. Новый главнокомандующий произвел осмотр некоторых частей 3-го Уральского корпуса, остался доволен, и за «хорошее состояние подразделений и заботу о солдатах» объявил благодарность Ханжину, подчиненным ему командирам⁵⁸.

На фронте стратегически важным для «белых» являлось направление на левом фланге Народной армии. При получении подкреплений из Сибири, с помощью оренбургских и уральских казаков, можно было выйти на линию Саратов — Царицын. Это наступление выводило «белых» в район, заселенный антибольшевистски настроенными немецкими колонистами, а затем соединяло с донскими казаками, и далее с Доброволь-

ческой армией Деникина. В случае успеха на этом направлении силы Директории получили бы новые пополнения и союзников по борьбе, а большевики лишились богатств юга, угля и нефти.

Однако усиливался правый фланг белого Восточного фронта (в Самаре и в Омске его ранее называли Западным), что противоречило стратегическим интересам борьбы с Красной Армией. Происходило это по следующей причине. Сибирское правительство, желая привлечь чехословацкие части, подходящие с востока, к более активному участию в боевых действиях, подчинило одному из их командиров Р. Гайде свои войска в районе Екатеринбурга. Чехи тяготели к пермскому направлению. Для них оно являлось кратчайшим железнодорожным путем из России через Архангельск на родину. Гайда знал настроение чехословацких легионеров и понимал, что заставить их драться с «красными» можно только под предлогом расчисти себе пути для ухода из страны, охваченной пламенем гражданской войны.

Стремлению чехов на пермское направление содействовала и сложившаяся внутренняя политическая обстановка в лагере «белых». Не доверяя Самарскому правительству, сибиряки имели мало желания посылать свои части для непосредственного подкрепления Народной армии, сражавшейся на Волге. Они предпочитали иметь для действий сибирских войск свое собственное операционное направление. Таковым и стало движение на Пермь, которое являлось прямым продолжением железной дороги Омск — Тюмень — Екатеринбург. Параллельно ей и действовало большинство формирований Сибирской армии, используя железнодорожный транспорт для доставки подразделений, боеприпасов и продовольствия. Что, конечно, было очень удобно. Вообще, характерной чертой гражданской войны в России являлась привязка боевых операций к железным дорогам.

Генерал Болдырев, не имевший реального авторитета, чтобы воздействовать на чехов и сибиряков, решил «плыть по течению» и санкционировал вредное, бесперспективное для борьбы с большевиками, сосредоточение сил на северном фланге Восточного фронта⁵⁹.

Таким образом, у «белых» на востоке России в октябре 1918 г. образовалось три армейских группировки. Северная — на пермском направлении, где находились чехи и сибирские части под общим командованием Гайды. Центральная — на самарском направлении: формирования Народной армии полковника Каппеля и генерала Войцеховского, а также

1-я Чехословацкая дивизия полковника Швеца. Общее руководство этими войсками осуществлял новый командир Чехословацкого корпуса генерал Сыровы. В резерве этой группировки находились основные силы 3-го Уральского корпуса генерала Ханжина. Наконец, южная армейская группа состояла из казачьих частей Отдельной Оренбургской армии атамана Дутова и отрядов уральских казаков генерала Савельева.

После создания Директории ее члены переехали из Уфы, к которой приближался фронт, в более безопасный Омск. Сюда же эвакуировался и золотой запас России, захваченный чехами и подразделениями Народной армии в Казани. Это были монеты и слитки из золота, платины, серебра, изделия из драгоценных камней и металлов (медали, кресты, украшения и т. д.), ценные бумаги. Все упаковано в специальные ящики. Одно время эшелон с золотым запасом стоял в Челябинске. 10 октября генералу Ханжину пришел приказ: эшелон немедленно отправить в Омск⁶⁰. И застучали колеса «золотого поезда», устремившегося дальше на восток.

В ноябре Михаил Васильевич по делам службы выехал в Омск. Его, как обычно, сопровождал адъютант подпоручик Степан Гельтер, сибиряк, уроженец Новониколаевска. 16 ноября Ханжин вернулся назад. На следующий день, утром, в Челябинск вновь прибыл генерал Болдырев. На вокзале поезд главнокомандующего встречали рота уральских стрелков и взвод сербов со знаменем и оркестром. По случаю подписания Компьенского перемирия и завершения мировой войны несколько дней назад Болдырев выступил перед сербскими солдатами и поздравил с освобождением их родины. Генерал Ханжин и полковник Сукин также присутствовали здесь. Затем они проследовали в вагон главнокомандующего, чтобы доложить о положении дел в корпусе. Вскоре поезд Болдырева отправился дальше на запад, к линии фронта.

Все это предвещало события, которые должны были произойти в Омске и изменить политическую ситуацию на востоке России. Будучи в Ставке, Михаил Васильевич только и слышал разговоры о смещении членов Директории, об их несостоятельности и установлении диктатуры. «Переворот висел в воздухе. О нем говорили, все его обсуждали», — напишет впоследствии известный эмигрантский историк С. П. Мельгунов⁶¹.

На роль диктатора пророчили адмирала Александра Васильевича Колчака, известного полярного исследователя и героя первой мировой, прибывшего в Омск с Дальнего Востока. Слухи о предстоящем перевороте усилились, когда Колчак

принял предложение занять пост военного и морского министра в правительстве Директории.

Маленький штрих, свидетельствующий о том, что для омского военного руководства генерал Болдырев, как член Директории, представитель центральной власти и главнокомандующий, уже не являлся значимой фигурой: о его приезде в Челябинск командир корпуса Ханжин и начальник штаба Западного фронта Дитерихс узнали случайно, Ставка их об этом не предупредила ⁶².

18 ноября 1918 г. в Омске произошел переворот. В результате, вместо Директории, Верховным Правителем с диктаторскими полномочиями провозгласили адмирала А. В. Колчака. Через два дня арестованных директоров-эсеров В. М. Зензинова, Н. Д. Авксентьева и их ближайших сторонников выслали за границу, предварительно взяв с них слово не вести там политическую борьбу против Колчака. Из оставшихся на свободе членов Директории, В. А. Виноградов ушел в отставку, П. В. Вологодский возглавил новое колчаковское правительство, а главнокомандующий генерал В. Г. Болдырев, которого переворот застал в Уфе, после резкого разговора с адмиралом по телефону, покорно подчинился и выехал на своем поезде в Омск.

Известие об этих событиях долетело до Челябинска очень быстро. По свидетельству Болдырева, генерал Ханжин сначала отнесся к ним резко отрицательно и даже решил вместе со своим начальником штаба подавать в отставку. «Раньше, требуя всего от солдат, говорили, что делается все во имя Учредительного Собрания, теперь все рухнуло, и почва выбита из-под ног», — говорил он уже бывшему главнокомандующему армией Директории Болдыреву, который по пути в Омск задержался на пару дней в Челябинске ⁶³. Но впоследствии Ханжин изменил свое отношение к новой власти и продолжал выполнять свои обязанности командира корпуса. А Болдырев из-за расхождения в политических взглядах с Колчаком, сложив свои полномочия, уехал в Японию. Затем, в январе 1920 г. вернулся во Владивосток, через два года попал в советскую тюрьму. По прошествии трех лет по амнистии вышел на свободу, после того, как отправил покаянное письмо советскому руководству. Написал книгу своих воспоминаний о гражданской войне. Спустя несколько лет в Семипалатинске на судебном процессе по делу Б. В. Анненкова выступил как свидетель и подтвердил его злодеяния.

Армия восприняла колчаковский переворот без волнений, даже равнодушно. Например, штаб 3-го Уральского корпуса 22 ноября сообщал в Омск: «В гарнизонах и в частях спокойно,

диктатура никого не волнует»⁶⁴. Директория, просуществовавшая меньше двух месяцев, в военной области не успела себя проявить. Деятельность ее в отношении войск была отмечена лишь некоторыми назначениями на командные посты и введением погон в частях Народной армии. Поэтому судьба Директории мало кого интересовала на фронте, где продолжались бои.

В декабре «красные» вошли в Уфу. На северном направлении успех сопутствовал «белым», части генерала А. Н. Пепеляева взяли Пермь. Основные силы корпуса Ханжина находились в тылу и к концу 1918 г. насчитывали в своих рядах 30 166 штыков, 12 444 сабель, 216 пулеметов и 38 орудий⁶⁵. С января следующего года на Восточном фронте наступило относительное затишье. Больших наступательных действий не предпринималось. Шли бои местного значения. На весну-лето и «красная Москва», и «белый Омск» готовили крупные стратегические операции.

Глава десятая

НА ГЛАВНОМ НАПРАВЛЕНИИ

В день взятия «белыми» Перми, 24 декабря 1918 г., адмирал Колчак назначил Михаила Васильевича командующим Западной армией. Эту армию сформировали из соединений 3-го Уральского корпуса, а также из Самарской и Камской войсковых групп¹. Несколько дней спустя Ханжин подписал последние приказы по корпусу, в которых благодарил за службу солдат и офицеров. «Не забывайте, что вас ждут чрезвычайные лишения, страдания, тягости,— говорилось в одном из приказов,— но в борьбе они неизбежны, и победа дается только подвигом. С Богом, вперед!»²

Начальником штаба Западной армии стал генерал-майор Сергей Арфьевич Щепихин из бывшей Народной армии, генерал-квартирмейстером — тот же подполковник А. Н. Нарышкин.

Части генерала Ханжина реорганизовывались в два корпуса: 3-й и 6-й Уральские. Первый получил в командование генерал-майор Голицын, а второй — генерал-майор Сукин. Из Камской группы войск создали 2-й Уфимский корпус (им командовали — сначала Люпов, а затем Войцеховский), Самарская группа была переформирована в 1-й Волжский корпус (командир

генерал-майор Каппель), который зачислили в резерв, отправив в тыл на отдых и пополнение. Кроме того, позднее Ханжину подчинили так называемую Южную группу войск генерала Белова, бывшего начальника штаба Ставки, в составе 4-го Оренбургского (командир генерал Бакич) и 5-го Стерлитамакского корпусов (командир генерал Элерц-Усов). В резерве находились национальные части: латышские, сербские, польские, украинские формирования.

Армия формировалась на основе 3-го Уральского, поэтому многое из корпусного хозяйства перешло к ней по наследству. Это военные склады, средства связи, транспорт, лазареты и т. д.

На белом Восточном фронте Западная армия занимала центральное положение. Справа, на севере, стояла Сибирская армия Гайды, а слева, на юго-западе — отряды оренбургских казаков атамана Дутова.

«Красные» на этом фронте имели также несколько армий, общая численность которых в феврале 1919 года достигла около 85 тысяч штыков и сабель, при 372 орудиях и 1474 пулеметах³. Они располагались следующим образом. Крайняя с левого фланга 3-я армия — против Перми, правее ее — 2-я армия, далее, южнее — 5-я армия, затем — 1-я армия и на крайнем правом фланге против уральских казаков — 4-я армия.

Колчаковское командование в срочном порядке приступило к разработке стратегических планов войны на весенне-летний период. С этой целью в январе в Челябинске прошло военное совещание под председательством Верховного Правителя. Прежде всего Колчак приостановил приказ Болдырева о прорыве на соединение с северной группировкой войск Антанты. Также была отменена директива о движении войск на южном направлении для установления контактов с Доном и добровольцами Деникина. Совещание определило главную задачу колчаковским армиям: до марта удержать занимаемые районы, а затем с новыми силами начать наступление против большевиков.

Для «белых» обстановка на фронте зимой 1919 г., в результате побед советских частей в Приволжье, складывалась неблагоприятно. Но и дальнейшее продвижение Красной Армии восточнее Уфы встретило сильное сопротивление колчаковцев. В итоге, в течение двух зимних месяцев ни та, ни другая сторона активных действий не предпринимали. Сводки с фронта сообщали о небольших перестрелках и «поисках разведчиков», среди захваченных «белыми» или «красными» населенных пунктов мелькали названия небольших деревушек, а не крупных городов. На Урале и в Сибири стали даже распознать

слухи о скором примирении между Колчаком и большевиками. В связи с чем Верховный Правитель вынужден был издать специальный приказ, который опровергал сплетни такого рода и провозглашал войну с большевизмом до победного конца ⁴.

В тылу белых армий шла массовая мобилизация молодежи в войска. Генерал Ханжин, как командующий армией, имел широкие полномочия по управлению не только военными, но и гражданскими учреждениями, являясь фактически главным лицом на территории, где располагались подчиненные ему части. Непосредственно призывом занимались военные начальники уездов. Они также проводили «мобилизацию» лошадей. Наибольшее количество новобранцев дал Кустанайский уезд. Там даже не хватило казарм для их размещения ⁵. Однако в целом эта мобилизация оказалась не такой успешной, как в 1918 г. Сибирская и уральская молодежь уже не столь охотно шла воевать за «белое дело».

Не хватало, как всегда, командиров. Чтобы разрешить эту проблему при Западной армии, кроме доставшихся ей от 3-го Уральского корпуса школы ротных командиров, создали школу прапорщиков, рассчитанную на 305 учащихся. В нее принимались только унтер-офицеры. В мае 1919 г. школу окончили 147 человек ⁶. Кроме того, курсы ротных начальников продолжительностью от двух до трех недель решили открыть и при корпусах Западной армии. Вскоре такие курсы начали свою работу в 3-м Уральском корпусе.

В конце мая школы ротных командиров и прапорщиков прекратили свою деятельность. На их основе в июне 1919 г. в Челябинске создали учебно-инструкторскую школу младшего командного состава. Период обучения занимал четыре-пять недель, после чего школа разворачивалась в егерскую бригаду. Для учебы набирались младшие командиры, портупей-юнкера и призывная молодежь с образованием не ниже 4-х классов среднего учебного заведения. Из них формировали один батальон для подготовки офицеров и два — для подготовки унтер-офицеров (по типу инструкторской школы на острове Русском близ Владивостока), всего до 500 военнослужащих. Начальником учебного заведения Ханжин назначил инспектора школ при штабе армии полковника Москаленко ⁷.

События, происходившие на фронте, не позволили завершить учебный процесс. Четыреста юнкеров школы, их называли «егерями», участвовали в Челябинской операции. Утром 29 июля 1919 г. они понесли большие потери в бою у деревни Муслимово, когда генерал С. Н. Войцеховский бросил их в атаку с целью поддержать Ижевскую бригаду В. В. Молчанова.

Егеря начали наступление на открытой местности под сильным огнем «красных». В итоге им пришлось отойти, потеряв при этом до половины своего личного состава. После чего школы расформировали, а юнкеров отправили по частям⁸. Все это произошло уже после того, как генерал Ханжин сдал командование Западной армии и уехал в Омск. Но не будем забегать вперед.

На станции Бердяуш, где в июне размещался штаб армии Михаила Васильевича, начали действовать четырехнедельные повторительные курсы для офицеров, прибывших из тыла или добровольно перешедших в колчаковские войска из Красной Армии. Лица, не выдержавшие экзаменов по окончании курсов, подлежали разжалованию в портупей-юнкера или отправке на фронт рядовыми. Только в исключительных случаях офицеры, перешедшие от «красных», по усмотрению командующего армии, без предварительного прохождения курсов, могли быть восстановлены в прежнем звании и назначены в строй⁹.

Все перечисленные выше инструкторские школы и курсы отличались кратким периодом обучения и преобладанием практических занятий над теоретическими. Подготовка офицеров и военных специалистов в 3-м Уральском корпусе, а затем и в Западной армии, в целом оказалась слабой. На это, видимо, повлияла малочисленность грамотных военных преподавательских кадров на востоке страны, в отличие от центральных и южных районов. Также равнодушное отношение значительных слоев интеллигенции к идеям белого движения. И, наконец, просто нехватка времени, так как ситуация на фронте, особенно с лета 1919 г., быстро менялась, и, причем, не в пользу антибольшевистских сил.

Ханжину, как командующему, приходилось порой заниматься и чисто экономическими вопросами, вопросами материального обеспечения своих подразделений. Так, в апреле Михаил Васильевич сообщал в Омск, что, на основании постановления колчаковского правительства и одной из статей дореволюционного законодательства, им увеличено наказание в отношении торговцев и предпринимателей «от 10 лет каторжных работ до смертной казни включительно», если они искусственно повышают цены на предметы первой необходимости либо отказываются их продавать. Месяцем раньше подобный приказ издал в Екатеринбурге генерал Гайда¹⁰.

Однажды Ханжин ходатайствовал перед Верховным Главнокомандованием о создании льгот в окладах бойцов-добровольцев, составляющих наиболее боеспособную часть его армии, а также об увеличении пособий их семьям¹¹.

Нередко случалось, что гражданское население и некоторые общественные организации добровольно жертвовали деньги и другие материальные ценности на нужды Западной армии. В феврале 1919 г. Михаил Васильевич благодарил в специальном приказе «комитет помощи на нужды армии» села Чумляк Челябинского уезда во главе с настоятелем прихода священником Баевским за пожертвование деньгами (8060 рублей) и вещами в пользу «белого дела». «Минины и Пожарские больше всего необходимы Родине, — отмечал генерал Ханжин, — я уверен, что Ваш пример будет заразителен для других»¹².

В армии Ханжина ощущалась нехватка обуви для военнослужащих. Поэтому он объявил трудовую повинность для владельцев сапожных мастерских, частных мастеров и их подмастерьев в пределах Курганского и Челябинского уездов. Все сапожники проходили регистрацию и получали заказ на пошив обуви для армии за установленную плату. Частные заказы им выполнять запрещалось. Иначе они наказывались трехмесячным заключением в тюрьме или штрафом в размере 3 тысяч рублей¹³. Такие жесткие меры по регулированию предпринимательской деятельности стали просто необходимостью в годы гражданской войны. К ним часто прибегали как «белые», так и «красные».

Зимой сложная ситуация складывалась на железнодорожном транспорте, который являлся основным средством переброски войск. Для того чтобы уменьшить количество паровозов, стоящих в ремонте, сократить аварии и крушения поездов по причине небрежной работы, а порой просто саботажа железнодорожников, Ханжин в своей телеграмме в Ставку предлагал незамедлительно провести следующие меры: «Во-первых, все управление армейским районом железных дорог сосредоточить в одних руках энергичного, знающего начальника военных сообщений, дав ему полную самостоятельность, имея при нем совет из технически образованных железнодорожных практиков. Во-вторых, пересмотр всего высшего железнодорожного персонала, удалив все слабохарактерное. В-третьих, установление военного режима для рабочих. В-четвертых, больше о них заботиться путем регулярного снабжения их дополнительным хлебным пайком, выдача жалования мелкой разменной единицей и организация удешевленного снабжения мануфактурой. В-пятых, организация рабочих железнодорожных команд по расчистке пути. В-шестых, организация специальных войсковых частей для охраны железных дорог, сооружений и спокойствия прилегающих к ним рабочих районов». И далее Михаил Васильевич отмечал: «Я не касаюсь здесь вопроса усиления паровозов и вообще подвижного состава, а также вопросов

топлива, которые стоят не менее остро, но требуют значительного времени для их проведения в жизнь, а обращаю внимание лишь на те мероприятия, кои возможно провести срочным порядком, о чем и ходатайствую»¹⁴.

Командующему Западной армии приходилось курировать и железнодорожное строительство. В частности, сооружение ветки от Самаро-Златоустовской железной дороги до Стерлитамака. Однако в июне 1919 г., вследствие изменившегося положения на фронте, Ханжин приказал строительство этой дороги отложить¹⁵.

Генералу, как и раньше, приходилось принимать меры и по борьбе с сыпным тифом. Он даже вынужден был отстранить от занимаемой должности командира 42-го Троицкого полка Штина «за допущенный им полный беспорядок в отношении санитарного состояния» своего подразделения¹⁶.

Серьезной проблемой для армии Ханжина стала атамановщина и партизанщина, столь характерная для гражданской войны в России. Агенты белых партизанских отрядов Рычагова и Брянчанинова активно вербовали в свои ряды солдат и казаков из строевых частей, нарушая тем самым воинскую дисциплину. В Челябинске небезуспешно действовали в этом направлении посланцы атамана Анненкова.

С целью ослабить вредное влияние на воинские части подобных агентов-вербовщиков, генерал Ханжин приказал: лиц, замеченных в такой деятельности, немедленно арестовывать и наказывать, применять суровые меры и против перебежчиков в другие части¹⁷.

В феврале 1919 г. остро встал и национальный вопрос. Глава Башкирского правительства А. З. Валидов приказал своим формированиям переходить на сторону большевиков и начать «совместно с советской Красной Армией беспощадную борьбу с врагами революции, свободы самоопределения наций — Колчаком, Дутовым и всеми мировыми империалистами». Такой шаг Валидова, хотя его приказу подчинились не все башкирские части, вел к дестабилизации обстановки на Восточном фронте белых армий.

После предательства этого национального лидера несколько русских офицеров его штаба во главе с генерал-майором Савич-Заболоцким бежали из расположения башкирских формирований. Они прибыли в станицу Кизильскую, где возглавили около 300 бойцов-башкир, которые остались верны колчаковскому правительству. Некоторые башкирские отряды после упомянутого приказа своего руководителя сложили оружие и разбежались, а другие начали грабить мирное население¹⁸.

Руководство Западной армии считало атамана А. И. Дутова одним из виновников этого инцидента. Начальник штаба армии генерал Шепихин сообщал в своем докладе: «К сожалению, атаман Дутов, став в резкую оппозицию к Валидову, перенес свою антипатию сначала на все правительство Башкурдистана, а затем, в последнее время, и на весь башкирский народ, обвинив его войска в своих неудачах. Это несправедливо, это несчастная ошибка и тактический, политический промах»¹⁹.

Необходимо заметить, что башкирские кантональные дружины в военном отношении действовали самостоятельно. Конфликты между Дутовым и Валидовым начались еще в декабре 1918 г., когда башкирский лидер попытался выступить против диктатуры Колчака в Оренбурге (здесь находилось его правительство) и арестовать некоторых высших чинов Оренбургского казачьего войска. Тогда заговор был раскрыт, и Валидов уехал в Башкирию.

Буквально за несколько дней до мятежа в феврале 1919 г. генерал Ханжин телеграфировал в Ставку, что правительство Валидова не пользуется доверием и поддержкой населения, так как башкирскому народу не свойственны сепаратистские стремления. «Поэтому я считаю совершенно не желательным и вредным формирование башкирских частей и особенно кантональных дружин, на которые могут опираться авантюристы типа Валидова и Тергулова. Расформирование кантональных дружин должно быть сделано безотлагательно, башкирские части следует постепенно сокращать и вливать в них русских, татар, чтобы лишить их национального характера», — отмечал Михаил Васильевич. Столь настороженное отношение генерала к мусульманским воинским формированиям, видимо, было вызвано тем, что он родился и провел свои детские годы рядом с исламским миром, и не понаслышке знал об «азиатской хитрости». В его армии отдельных мусульманских формирований не существовало. Башкиры призывались на общем основании и вливались в подразделения корпусов²⁰.

И далее Михаил Васильевич предлагал немедленно отстранить Валидова от командования национальными отрядами, ликвидировать Башкирское правительство. «Думаю, — утверждал он, — что это пройдет без затруднений. Во всяком случае, башкирские части, которыми в данный момент управляет Валидов, должны быть подчинены командарму Оренбургской»²¹.

Однако эти меры запоздали. Валидов поднял мятеж. В такой обстановке Колчак приказал арестовать его и подчинить гене-

ралу Ханжину все башкирские формирования, которые не выполнили приказа своего лидера и остались на фронте. Из них создали отдельную башкирскую дивизию во главе с генералом Савич-Заболоцким. 19 февраля Михаил Васильевич телеграфировал начальнику дивизии: «Мне поручена Верховным Правителем оборона ваших кантонов, охрана ваших очагов. Верховный Правитель требует лишь одного, бросьте политиканство и направьте все силы на оборону»²².

События, связанные с предательством главы Башкирского правительства и повлекшие за собой переход на сторону «красных» отдельных национальных частей, в какой-то степени ослабили силы белого Восточного фронта.

В районе Западной армии активно действовали военно-полевые суды. Они рассматривали вопросы о недостойных поступках солдат и офицеров (пьянство, неисполнение своих служебных обязанностей и т. д.), отдельных граждан (уклонение от мобилизации, неисполнение приказов военной администрации и т. д.), разбирались дела о просоветской агитации в войсках, о действиях подпольщиков против колчаковской власти. Михаил Васильевич, как командующий, часто ставил свою подпись под решениями военно-полевых судов. Именно от него порой зависела судьба того или иного человека. Надо сказать, что генерал Ханжин старался не злоупотреблять карающим мечом власти, и прежде чем вынести окончательный приговор, пытался досконально разобраться в существе дела. Во многих случаях он даже был склонен смягчить наказание. Например, когда Курганский военно-окружной суд постановил подвергнуть смертной казни через повешение крестьян Ивана и Афанасия Романовых за вооруженное сопротивление властям, Михаил Васильевич заменил смертельный приговор каторжными работами²³. И такое случалось нередко.

Порой по приказу командующего Западной армией на несколько месяцев высылались из города челябинские мещане, не выполнявшие предписаний Омского правительства, оскорблявшие солдат и офицеров, не пускавшие их к себе на постой²⁴.

Наиболее громкими стали дела о деятельности подпольщиков. Антиколчаковские подпольные группы действовали в Екатеринбурге, Златоусте, на Симском и Миньярском заводах. Но наиболее многочисленной и сильной являлась подпольная организация большевиков в Челябинске.

В феврале 1919 г. контрразведка армии с помощью провокаторов раскрыла две подпольные группы стрелочников и рабочих железнодорожных мастерских на станции Челябинск. Они занимались агитацией, совершали диверсии, собирали

оружие к предстоящему восстанию в городе. Всего арестовали 13 человек. Суд приговорил четверых из них «к смертной казни через повешение». Генерал Ханжин, утверждая приговор, поставил резолюцию: «Заменить бессрочными каторжными работами». Сохранив тем самым жизнь ярым противникам колчаковского режима, Михаил Васильевич в очередной раз проявил свою гуманность ²⁵.

Еще более крупный успех сопутствовал контрразведчикам Ханжина в мае, когда им удалось арестовать 66 челябинских подпольщиков во главе с большевиками Б. Я. Голубевым, А. В. Григорьевым, В. И. Гершбергом и С. А. Кривой. Эта организация поддерживала связь с Москвой и другими городами Урала и Сибири, где действовали подпольные группы. Имела своих людей в типографии штаба Западной армии, в отделении связи 6-го Уральского корпуса, среди солдат гарнизона и в железнодорожных мастерских. Один из подпольщиков вахмистр Г. П. Широков являлся дежурным помощником коменданта станции, и, конечно, обладал значительной информацией о количестве частей, эшелонов, следующих через Челябинск. Подпольщики обладали своей типографией, где печатали прокламации и брошюры. Они создали военный революционный комитет РКП(б), готовили восстание. Все участники подполья в целях конспирации были разбиты на десятки, члены которых знали только своих непосредственных руководителей. В целом организация, как выяснила следственная комиссия, оказалась сильной и разветвленной ²⁶.

Суд по делу подпольщиков состоялся в Уфе. В итоге 32 человека приговорили к расстрелу, 9 человек оправдали, остальных отправили на каторжные работы в Сибирь. Резолюция Ханжина на решении военно-полевого суда, вероятно, была утвердительной. Здесь он не позволил себе мягкости в отношении врагов той России, которую он защищал.

Жизнь военных гарнизонов уральских городов, частей Западной армии, расквартированных в них, во многом подчинялась предстоящему большому наступлению. В газете «Сибирский стрелок», издаваемой штабом Ханжина, часто публиковались приказы Верховного Правителя и Михаила Васильевича, направленные на мобилизацию всех сил для решительной борьбы с Красной Армией.

Адмирал Колчак совершил длительную поездку на фронт, побывав на передовых позициях от Троицка до Перми. 10 февраля он прибыл в Челябинск. На вокзале Верховного Правителя встречали генерал Ханжин, представители городских военных и гражданских властей. Здесь же находились выстроенные

шпалерами русские и сербские части. После торжественного молебна в столовой штаба Западной армии и докладов должностных лиц Колчак посетил госпитали, где беседовал с ранеными офицерами и солдатами, наградив отдельных из них георгиевскими крестами.

Вечером в честь приезда адмирала торгово-промышленная палата дала торжественный обед с парадными речами и приветствиями. На обеде Верховный Правитель подчеркнул, что «счастливейшей минутой его жизни будет та, когда в освобожденной от злых насильников России он сможет передать всю полноту власти национальному Учредительному Собранию, выражающему подлинную волю русского народа». Одновременно с этим Колчак выразил убежденность в том, что во время войны власть не может быть в руках народа. Такая позиция исходила из взглядов Верховного Правителя на войну и сама по себе не отрицала принципа народовластия²⁷.

Весь следующий день Колчак провел в штабе Западной армии, где обсуждал планы предстоящих боевых операций с генералами Ханжиным, Гайдой, Дутовым и другими штабными офицерами. В ту же ночь адмирал в сопровождении Михаила Васильевича отбыл на фронт.

Первую остановку поезд Верховного сделал в Златоусте. Здесь Колчак и Ханжин посетили начальника Горного округа, оружейный завод и стоявшие в городе воинские подразделения. 13 февраля поезд прибыл на станцию Аша-Балашовская. Тут адмирал, проехав на броневике по частям, лично наградил георгиевскими крестами отличившихся в боях военнослужащих 44-го Кустанайского и 43-го Верхнеуральского стрелковых полков, также бойцов казачьих формирований. Особенное впечатление на Колчака, как он потом заметил Михаилу Васильевичу, произвел сотник Пономарев, вся грудь которого была усыпана наградами.

Затем Верховный Правитель с командующим Западной армией побывали на небольших железнодорожных станциях, затерянных среди уральских гор и лесов, где располагались формирования «белых». Примечательно, что на одной из них Александр Васильевич посетил в лазарете больного тифом командира 47-го Тагильского полка Ванюкова. Вручил ему генеральские погоны, поблагодарил за службу и пожелал скорейшего выздоровления.

После этой поездки адмирал издал приказ, в котором благодарил Михаила Васильевича, его офицеров и солдат «за отличную постановку работы по подготовке войсковых частей армии», за большую заботу о раненых и больных²⁸.

Далее Верховный Правитель отправился в Троицк, где присутствовал на войсковом круге Оренбургского казачьего войска. Впоследствии он выехал в Екатеринбург в штаб Сибирской армии. Его поездка не обошлась без инцидентов. В Екатеринбурге генерал Гайда занял для своей резиденции печально известный дом инженера Ипатьева, в подвале которого произошло убийство царской семьи. Колчак потребовал от Гайды немедленно освободить дом, чтобы не мешать следователю Н. А. Соколову изучать все детали этого кровавого злодеяния большевиков. Генералу Дитерихсу адмирал поручил курировать следствие по делу об убийстве Романовых.

Результатом поездки Верховного Правителя стала директива о большом весеннем наступлении «белых» на Восточном фронте. Армиям Колчака предписывалось к началу апреля занять выгодные исходные позиции для развития наступательных операций против «красных». Главный удар на центральном участке фронта наносила Западная армия. Ее задачей являлся выход к Волге в районе Симбирска и Самары, дальнейшее продвижение на Москву.

Однако обстановка, сложившаяся в частях армии Ханжина и у его соседей, выглядела не очень благоприятной для предстоящей крупной наступательной операции. Снабжение войск происходило из рук вон плохо. Жалованье солдатам и офицерам вовремя не выплачивалось, а если и присылали деньги, то такими крупными купюрами, что их невозможно было разменять и раздать военнослужащим. Такое положение дел являлось благодатной почвой для просоветской агитации с ее разлагающим влиянием, прежде всего на мобилизованных солдат. Противодействия этому почти никто не оказывал. Даже армейские газеты, не говоря уже об омских, доставлялись нерегулярно. Вся надежда возлагалась на личные качества и работу в этом направлении офицеров.

По сведениям военно-цензурного отделения при штабе Западной армии, в письмах, написанных в период с 26 февраля по 4 марта 1919 г., выражали оптимизм 83 % военнослужащих, были довольны пищей — 70 %, проявляли неудовольствие порядками и снабжением — 53 %. Жалобы на несвоевременную выдачу жалованья содержались практически в каждом письме²⁹.

У Михаила Васильевича вызывала сомнение боеспособность Оренбургской армии Дутова, которая прикрывала его левый фланг. Еще в январе ее части под ударами 1-й красной армии откатились назад, создав угрозу Оренбургу. В сложившейся обстановке с целью спасения города Ставка приказала генералу Ханжину нанести удар в тыл наступающим на Орен-

бург частям Красной Армии и овладеть Стерлитамаком. Для выполнения данного приказа Ханжин собирает конницу с полков³⁰. При этом Михаилу Васильевичу предписывалось продолжать энергично готовить свою армию к основной задаче — весеннему наступлению.

Но Оренбург спасти не удалось. За ним наступил черед Орска. Таким образом, в самый разгар формирования Западной армии и подготовки ее к наступлению левый фланг белого Восточного фронта начал разваливаться.

Начальник штаба армии Щепихин в разговоре по телеграфу с генерал-квартирмейстером Ставки полковником Церетелли заявил: «Оренбургская армия больна, почти все заражены политикой, а потому рассчитывать на серьезную работу ее трудно... Внутреннее положение ее вызывает серьезные опасения». Щепихин от имени Михаила Васильевича просил Омск усилить части Дутова свежими пехотными формированиями с тыла, так как у Западной армии свободных частей нет. Иначе неминуемо создавалась угроза провала большой наступательной операции колчаковцев³¹.

2 марта генерал Ханжин сам направляет зашифрованную телеграмму в Ставку, в которой сообщает, что Оренбургская армия находится в «состоянии полного разложения». По его сведениям, Самарский кавалерийский полк этой армии «с оружием в руках оставил фронт и движется на станицу Полтавскую с грабежом местного населения и разрушая военную дорогу армии». Михаил Васильевич отмечал, что штаб Дутова бессилен восстановить порядок и дисциплину в своих частях. И далее: «Ясно, что такая армия не только не выполнит возложенной на нее общей директивой Ставки задачи, она не только не способна к наступлению, но у нее даже нет сил удерживать фронт и остановить стихийный отход и снабжение фланга и тыла ударной армии». Одной из главных причин такого плачевного положения в казачьих частях генерал Ханжин считал совмещение Дутовым деятельности командующего армией и войскового атамана. «Катастрофа под Орском могла быть предотвращена, — утверждал он, — если бы командарм в критический момент не покинул армию ради интересов Круга. Должность войскового атамана, во-первых, поглощает время у командарма и отвлекает его от армии, во-вторых, как выбранного ставит его в зависимость во всех отношениях от Войскового Круга». Михаил Васильевич предлагал передать командование Оренбургской армией «лицу вполне независимому и не обремененному посторонними обязанностями». Только такая мера, на его взгляд, могла спасти дутовские части

и обеспечить надежность левого фланга и тыла Западной армии в период наступления³².

Через два дня Ханжин в новой телеграмме в Омск просил срочно перебросить в район Троицка подразделения формирующегося в Западной Сибири Волжского корпуса генерала Каппеля, так как 1-й и 2-й корпуса армии Дутова вышли из подчинения. Ставка не оказала никакой помощи и приказала Ханжину обеспечить свой левый фланг за счет собственных сил³³.

Еще в начале февраля Михаил Васильевич объединил все действующие у разграничительной линии с Оренбургской армией части в сводный 5-й Стерлитамакский корпус (командир генерал Элерц-Усов). По приказу Колчака к нему присоединили 4-й Оренбургский армейский корпус (командир генерал Бакич) и башкирские части. В итоге образовалась так называемая Южная группа генерала Белова в составе Западной армии. Предполагалось, что она будет действовать в направлении Стерлитамак — Белорецкий завод и обеспечит безопасность левого фланга Ханжина. Таким образом, фронт Западной армии увеличился более чем на 60 верст, и Михаил Васильевич вынужден был передать Белову еще несколько подразделений из своего резерва.

Севернее правого фланга армии Ханжина находились части Сибирской армии. Михаил Васильевич, еще задолго до общего наступления, предупреждал Ставку, что во время продвижения его армии к Волге всегда будет существовать угроза нанесения флангового удара «красных» со стороны линии железной дороги Сарапул — Казань, где они могут сосредоточить большие силы. Ослабленный 2-й Уфимский корпус Западной армии не сможет долго сдерживать их. Только подразделения Гайды, по мнению Ханжина, могли выполнить эту задачу, наступая на Сарапул и дальше — на Казань³⁴.

Впоследствии, когда началось наступление, войска Гайды не заняли участок от железной дороги Сарапул — Красноуфимск до разграничительной линии с Западной армией. Этот разрыв фронта Ханжин прикрыл полтора полками Уфимского корпуса, отвлекая тем самым данные подразделения от выполнения поставленной перед ними основной задачи.

Итак, ослабление ударных сил Западной армии на несколько тысяч штыков, удлинение фронта, ненадежность частей Дутова — факты, сыгравшие не последнюю роль в задержке наступления армии Ханжина, а позднее и в ее поражении.

Необходимо отдать должное Михаилу Васильевичу и его штабу. Несмотря на перечисленные выше трудности, им удалось создать сильный ударный кулак. На 14 марта 1919 г.,

в разгар наступления, боевой состав Западной армии насчитывал 38 645 штыков (из них 9182 невооруженных бойца), 10 937 сабель, 645 пулеметов, 123 орудия, 7 бронепоездов и 7 аэропланов, большинство из которых были французские «Ньюпоры». Резерв армии составлял отдельный латышский батальон (194 штыка), сербский полк имени майора Благодича (1125 штыков), польский отряд (347 штыков), украинский курень (полк) имени Шевченко (1172 штыка) и некоторые другие части³⁵.

26 февраля генерал Ханжин подписал директиву о наступлении, указав, что приступить к ее исполнению следует только по получении дополнительных распоряжений. Первоначальной целью Западной армии являлся разгром 5-й красной армии (командарм Ж. К. Блюмберг) и овладение районом Бирска — Уфы — Стерлитамака — Белебея, выдвижение на линию реки Ик. «Для выполнения поставленной задачи,— говорилось в директиве,— ударная группа генерала Голицына (7-я Уральская дивизия горных стрелков, Ижевская бригада и 3-я Оренбургская казачья бригада) развивает удар в тыл красным, обороняющим район города Уфы, облегчая задачу 6-му корпусу. 2-й Уфимский корпус обеспечивает правый фланг генерала Голицына, захватив Бирск. 6-й Уральский корпус приковывает к себе противника в районе Уфы, затем, когда обнаружатся действия ударной группы, он начинает энергичное наступление и выходит в тыл 1-й армии красных, действующей против Оренбурга. Сводный Стерлитамакский корпус прикрывает направление на Верхнеуральск и переходит в наступление главными силами на Авзяно-Петровский завод, затем на Стерлитамак. 1-я бригада 6-й Уральской дивизии в моем резерве»³⁶.

«При наступлении,— гласила далее директива,— требую от начальников и частей энергии, решительных действий, фланговых ударов, наступления не равномерным фронтом, а ударом по важным направлениям силами, собранными в кулак, полного содействия соседу по собственной инициативе, не ожидая приказа сверху»³⁷.

1 марта генерал-лейтенант Ханжин подписал обращение к солдатам и офицерам, где говорилось: «Доблестные войска Западной армии!.. Я отдал приказ о наступлении, конечной задачей которого будет занятие Москвы. Продвигаясь вперед, не забывайте, что Вы вступаете не в завоеванную враждебную страну, а в занятые большевиками, ограбленные ими области нашей Родины. Население ждет Вас с нетерпением, как избавителей от тяжелого гнета, и Вы должны принести населению только облегчение, порядок, обеспечение жизни, чести и иму-

щества. Так с Богом же вперед для счастья и возрождения дорогой Родины!»³⁸.

Западная армия приступила к наступательной операции по частям: 4 марта — Южная группа, в ночь на 6 марта — 2-й Уфимский и 3-й Уральский корпуса, а 7 марта — 6-й Уральский корпус.

Генерал Ханжин рассчитывал быстро разгромить 5-ю красную армию, так как знал, что она ослаблена боями, имея в своем составе всего 11 тысяч бойцов и 50 орудий³⁹. Удар передовых частей Западной армии имел успех. Попытки «красных» частыми контратаками восстановить утраченное положение окончились неудачей. Они начали отступать. Подразделения Ханжина, действующие на правом фланге, стали продвигаться по 30—35 верст в день. Севернее, в направлении на Ижевск — Казань наступала Сибирская армия. Пришли в движение и отряды Дутова, сосредоточившие свой основной удар на Орск.

Большевистское руководство после первых активных наступательных действий колчаковцев на Восточном фронте больших подкреплений сюда не перебросило. И главнокомандующих вооруженных сил Советской Республики И. И. Вацетис, и сам В. И. Ленин считали это наступление грандиозной демонстрацией с целью привлечь основные силы Красной Армии, в том числе и с Южного фронта, на восточный театр военных действий, обеспечив тем самым успехи А. И. Деникина⁴⁰.

В первые дни наступления в секретной телеграмме командирам корпусов, которая, кстати, оказалась перехваченной «красными», генерал Ханжин давал следующие указания. Во-первых, командирам поддерживать и контролировать молодые части. «Расположения штабов дивизии в десяти верстах и более от боевых линий и управление исключительно по телефону считаю недопустимым» и требую при отдаче важнейших приказов выезда начальника дивизии лично на боевой участок, того же требую и от командира корпуса. Во-вторых, «стратегически красные как бы не имеют тыла, что увеличивает их дерзость, тактически они очень чувствительны к охватам и окружению, а, имея в виду способность красных быстро оправляться после линейно-лобовых столкновений, с тем большей настойчивостью рекомендую уверенные, решительные, даже дерзкие тактические приемы, ставившие целью уничтожение войск противника, а не выигрыш пространства; поставить противника в положение: или сдавайся, или умирай, а не вынуждать лишь к очищению того или иного пункта». Необходимо «привести насильно мобилизованных солдат противника

к убеждению, что искусство, а не масса на нашей стороне». В-третьих, «мы ведем гражданскую войну, в которой вольно или невольно, особенно на стороне красных, население прифронтовой полосы принимает самое деятельное участие, отсюда видны ясно выгоды иметь его симпатии на нашей стороне, что достигается гуманным, братским отношением к краснопленным и проведением в жизнь девиза «Смерть комиссарам и коммунистическим добровольческим отрядам» и братский прием остальным насильно мобилизованным, честное, твердое отношение к прочему населению». В-четвертых, требуется особая бдительность и осмотрительность от офицеров в соблюдении военных секретов. Раздача на руки боевых письменных приказов отдельным начальникам, которые могут погибнуть или попасть в плен, недопустима⁴¹.

Наступление продолжалось. «Белые» овладели Бирском. 4-я Уфимская дивизия полковника В. Д. Косьмина произвела блестящий маневр: за несколько дней совершила тяжелый переход по еще не растаявшим снегам и зашла в тыл «красным», захватив станцию Чишма. Это обеспечило быстрое взятие Уфы. Вечером 13 марта город оказался в руках колчаковцев. В плен попало около 3 тысяч красноармейцев. Победителям достались богатые трофеи, в том числе речная флотилия — 14 баркасов, 62 баржи, 88 пароходов, а также 39 железнодорожных вагонов, большое количество нефти и керосина⁴². Говорили, что поезд Предреввоенсовета, находящийся в Уфе, едва успел проскочить на запад и Л. Д. Троцкий лишь по случайной случайности избежал плена.

На следующий день после взятия Уфы Ханжин издал приказ «Населению освобожденных местностей Самаро-Уфимского края». В нем предлагалось «немедленно восстанавливать все правительственные органы, учреждения городского и земского самоуправления». Офицерам в возрасте до 43-х лет, не уволенным в отставку, срочно явиться в распоряжение воинских начальников для направления их в ряды армии. «Всем солдатам, служившим в войсках с 1914 по 1918 г. и унтер-офицерам, фельдфебелям, подпрапорщикам» довоенного времени также необходимо поступить на службу «для отбывания воинской повинности наравне со сверстниками». Населению в течение суток сдать все имеющееся оружие, боеприпасы, военное снаряжение и обмундирование. Жителям, у которых укрываются «советские деятели и красноармейцы», немедленно заявить о них властям. «За порчу телеграфного, телефонного и железнодорожного имущества, а также путей сообщения» виновные «будут отвечать по всем строгостям военного времени». Лицам,

имеющим в своем распоряжении «перевозочные средства», по первому требованию начальников гарнизонов и комендантов предоставлять их в распоряжение армии. Сельским правлениям, волостным и уездным земским, городским управам оказывать полное содействие в расквартировании войск и снабжении их продовольствием и фуражом. «Виновные в неисполнении настоящего приказа будут предаваться военной-полевой суду, а должностные лица привлекаться к законной ответственности»⁴³. С помощью этих мер Михаил Васильевич надеялся обеспечить приток свежих сил в Западную армию и обезопасить ее тыл.

После освобождения Уфы от большевиков в городе активно работала контрразведка. По ее сведениям только за первые три недели было арестовано 1416 лиц, отправлено в тюрьму — 757, произведено обысков — 177, при попытке к бегству убито 23 человека. В Уфимской тюрьме к 12 апреля находился 961 заключенный⁴⁴.

В конце марта командующий Западной армией специальным поездом сам прибыл в Уфу. На вокзале его встречал старый сослуживец Н. Т. Сукин, командир 6-го Уральского корпуса. После обстоятельного доклада Сукина о положении дел на фронте Михаил Васильевич произвел осмотр одного из полков. Поздоровавшись с каждой ротой, Ханжин обратился к бойцам своей армии: «Господа офицеры и стрелки, я очень рад приветствовать Вас в освобожденной от ига большевиков Уфе. Благодаря Вашей доблести, благодаря Вашему героизму врагами оставлена Уфа, и враг панически бежал под дружными ударами русского штыка. И Вы, герои, победоносно вошли в город. Теперь на всех фронтах моей, Оренбургской и Сибирской армий идет успешное наступление. И мы будем безостановочно двигаться вперед. Самое тяжелое для Вас время, время холодов прошло. И я надеюсь, когда будет тепло, Вы еще с большим успехом будете драться за счастье дорогой Родины. Благодарю Вас за Вашу молодецкую боевую работу от лица Русской армии, за Вашу доблестную боевую славу и за героическое освобождение Уфы от ига большевизма»⁴⁵. Речь Михаила Васильевича прозвучала несколько помпезно, эмоционально, но того требовали обстоятельства и традиции выступления офицеров перед строем в российской армии. Когда последние слова смолкли, по ротам пронеслось громогласное «ура». Затем командующий наградил несколько отличившихся солдат орденом Святого Георгия.

Уфа произвела на Ханжина тяжелое впечатление. Жизнь в городе еще не вошла в нормальное русло. Большевики много

разграбили. Как отмечал один из колчаковских офицеров, недостаток чувствовался во всем. Рынок только начинал свою работу, открывались редкие магазины. За зиму «красные» все подчистили, из Сибири снабжение еще не наладилось, а близлежащие деревни начали доставлять лишь свои съестные припасы. Отношение населения к «белым» было в основном благожелательным, за исключением части враждебно настроенных рабочих⁴⁶.

В тот же день Михаил Васильевич отбыл на станцию Чишма, недавно вновь освобожденную от частей Красной Армии. Здесь стояла Ижевская бригада. Ханжина встретили ее командир полковник Молчанов и начальник штаба капитан Ефимов с почетным караулом Екатеринбургского полка имени Верховного Правителя — адмирала Колчака. Выслушав доклады руководства бригады и осмотрев позиции, Михаил Васильевич вместе с сопровождающими его офицерами отправился в Уфу. За окнами поезда командующего бушевала столь непривычная до этого времени года метель. Приехав в Уфу в полдень, когда снежная буря уже успокоилась, Ханжин вместе со своим окружением и охраной отправились на лошадях в 12-ю Уральскую стрелковую дивизию генерал-майора Бангерского, стоявшую в 20-и верстах от города. После возвращения из дивизии, где командующий познакомился с фронтовой обстановкой, осмотрел профессиональным взглядом батарею тяжелых орудий и произвел ряд награждений, он в полночь отправился назад в Челябинск.

На левом фланге Западной армии успешно продвигалась вперед и Южная группа генерала Белова, захватив в начале апреля Стерлитамак. В то же время авангардные части Ханжина заняли Белебей. Затем, под ударами «белых», пали Бугульма, Бугуруслан, Сергиевский Завод. До Волги оставалось всего три дневных перехода. Таким образом, начатая Западной армией в начале марта 1919 г. Уфимская операция привела к стратегическому прорыву Восточного фронта Советской республики. Наибольшего успеха колчаковцы достигли именно там, где действовала армия Ханжина. С 6 марта по 9 апреля, как доносил Михаил Васильевич Верховному Правителю, его армия захватила 10 850 пленных, 60 орудий, 176 пулеметов, 10 052 винтовки, 2 бронепоезда и многочисленные военные склады⁴⁷.

Не отставали от Западной и части Сибирской армии Гайды. За период весеннего наступления они овладели Воткинским заводом, Сарапулом, Ижевском, Чистополем, Елабугой и подходили к Глазову. На другом участке фронта казаки атамана

Дутова в середине апреля взяли Орск и продолжали свое движение на Оренбург.

Эти дни наступления стали триумфом для Михаила Васильевича. Газета «Сибирский стрелок» публиковала поздравительные телеграммы в адрес генерала от высокопоставленных военных и гражданских лиц, среди которых были генерал Гайда, командующий войсками Омского военного округа генерал Матковский, генеральный консул Сербии Иванович и другие. В одном из номеров газеты, в рубрике «Наши вожди», на первой странице напечатали портрет генерал-лейтенанта с информацией о его служебной карьере. Ему посвятил свое стихотворение армейский поэт подпоручик Н. Арнольд:

Тревогу бьют. Идет на зов сигнала
С мечом в руках, с распытьем на груди,
Народ Поволжья, Сибири и Урала
И слышится призыв: «Мы русские, веди!»

Испытанный в боях, с Георгием в петлице,
С Святым Георгием на шее, генерал
К Москве истерзанной, к измученной столице
Родную армию на подвиги послал.

Он приказал в Москве, в момент победы,
Поднять трехцветный флаг и православный крест,
С которым шли и умирали деды
За Родину свою вблизи священных мест.

Ханжин идет с могучими полками
И с ним на подвиги все русское идет,
Уфа взята! А там «Москва за нами».
За матушку Москву, за Родину вперед!⁴⁸

Когда в Челябинске в здании «Кино-Арс» в конце марта проходили концерты для солдат и офицеров гарнизона (в программе звучали: былина под гусли «Илья Муромец» — певец И. М. Добролюбов, русские народные песни в исполнении хора школы подпрапорщиков), и один из них посетил генерал Ханжин, его встретили громом аплодисментов и криками «ура»⁴⁹.

20 апреля «за военные отличия» Верховный Правитель произвел Михаила Васильевича в чин генерала от артиллерии⁵⁰.

В период весеннего наступления колчаковцев зарубежная печать сообщала о росте антибольшевистских настроений за границей. Так, французская газета «Информасьон» напечатала интервью с бывшим председателем Временного правительства

князем Г. Е. Львовым, который обращал внимание на грозящую всей Западной Европе большевистскую опасность. На конгрессе социалистов во Франции лидер шведских социал-демократов К. Я. Брантинг призывал своих товарищей не делать коммунистических опытов. «Большевизм,— заявил он,— ведет за собой абсолютное экономическое разложение со всеми его ужасными последствиями, нищетой и голодом»⁵¹.

9 апреля в палате общин Британского парламента один из депутатов, огласив предложения В. И. Ленина о мирных переговорах, выразил протест против каких-либо контактов с Советом Народных Комиссаров. Его энергично поддерживали почти все депутаты. Министр внутренних дел английского правительства обещал передать премьеру Д. Ллойд Джорджу, находящемуся на Парижской мирной конференции, настроение палаты общин против любых соглашений с Советской властью⁵².

Японские газеты писали, что русское правительство в Омске достаточно окрепло, показав себя вполне серьезной силой, заслуживающей доверия. Поэтому необходимо его признать. «Мы могли бы,— гласила японская пресса,— оказать действительную военную помощь России против большевиков, послав несколько дивизий на Уральский фронт. Сделать это весной будет легко, а операцию можно окончить к лету. Таким образом действуя, мы заслужим себе искренние симпатии русского народа и правительства, что повлечет для нас более существенные выгоды»⁵³.

Штаб Западной армии в эти победоносные для «белых» дни разместился в Уфе, поближе к линии фронта. Генерал Ханжин поселился в большом особняке, здании бывшего дворянского собрания. Сюда же из Челябинска перебралась его супруга с двумя детьми. Она ждала ребенка. В доме, где поселились Ханжины, ранее располагалось одно из управлений 5-й Красной Армии. Поэтому первое, что они увидели, когда вошли сюда, это яркие плакаты с коммунистическими воззваниями и лозунгами, расклеенными в разных комнатах на стенах. В зале они обнаружили большой пустой аквариум, массивный рояль и несколько сильно загаженных стульев, покрытых белым атласом. Везде царил полный кавардак. Елене Павловне с прислугой пришлось немало потрудиться, чтобы привести все в порядок. Впоследствии это здание превратилось и в гарнизонное собрание, где собирались в свободное время офицеры.

Вскоре военное счастье изменило Ханжину. Прежде всего, апрельское половодье затруднило быстрое продвижение его армии на запад и предоставило «красным» передышку для перегруппировки своих сил. В конце апреля генерал Голицын

передал в штаб Западной армии перехваченные его бойцами ценные документы, из которых стали известны дальнейшие планы красного командования. На самарском направлении большевики предполагали до последнего удерживать крупную узловую железнодорожную станцию Кинель, а в район Бузулука перебросить части из-под Оренбурга и Туркестанскую армию для удара с юга по левому флангу, наступающих частей Западной армии. Однако Ханжин не придал этим сведениям серьезного значения, не принял своевременных и радикальных действий, что впоследствии сыграло роковую роль в наступлении колчаковцев.

В Москве, наконец, увидели, откуда исходит наибольшая опасность для власти Советов, и Восточный фронт объявили главным фронтом республики. Сюда направили до 55 тысяч бойцов, среди них — значительное количество рабочих и коммунистов. Численность частей Красной Армии на Востоке возросла до 143 тысяч штыков и сабель. 10 апреля 1919 г. красный Восточный фронт разделили на две группы: Южную, под командованием М. В. Фрунзе, в которую вошли 5-я, 4-я, 1-я и Туркестанская армии и Северную, под командованием В. И. Шорина в составе 3-й и 2-й армий.

По плану, разработанному в штабе Фрунзе, в котором, кстати, были в основном бывшие офицеры царской армии, в районе Бузулук — Сорочинская — Михайловское (Шарлык) «красные» сосредоточили ударный кулак для мощного флангового удара, с юга на север, по армии Ханжина.

Первым предупреждением о том, что на левом фланге Западной армии стоят крупные силы противника, явился разгром 4-го корпуса генерала Бакича на реке Салмыш, причем многие из уцелевших его бойцов перешли на сторону советских войск.

Затем «красные» провели Бугурусланскую операцию, в которой 26-я дивизия Г. Х. Эйхе и 25-я дивизия В. И. Чапаева, наступая во фланг и тыл армии Ханжина, нанесли ей серьезное поражение, обескровив части 6-го Уральского корпуса.

Положение на фронте Западной армии стало резко ухудшаться. Совершив почти непрерывный наступательный поход в 300 верст, дивизии выдохлись от многочисленных форсированных маршей и ожесточенных боев. В этой обстановке начались конфликты среди высшего офицерского состава армии. Командир 6-го Уральского корпуса генерал Сукин еще с середины апреля неоднократно представлял командующему свои доклады и донесения подчиненных ему начальников, доказывающих необходимость приостановки наступления на период

распутицы ввиду оторванности тылов и переутомления солдат. Михаил Васильевич требовал продолжать движение вперед. Сукин остался при своем мнении, и наступление его подразделений приостановилось. Ханжин в резкой форме требовал исполнения его приказов, несмотря ни на что. Он, видимо, исходил из того, что если дать «красным» передышку, это обернется еще большими потерями для его армии.

После поражения «белых» под Бугурусланом генерал Сукин сообщал Михаилу Васильевичу: «Таким образом, в погоне за территорией мне приказано было, вопреки моим докладам, ...заставить части корпуса умереть, что ими выполнено с доблестью и мужеством. Докладывая об изложенном, прошу произвести расследование, так как считаю, что гибель корпуса есть преступление государственное и тот, кто неверно докладывал Вам обстановку, должен понести ответственность». Командующий на доклад Сукина наложил резолюцию: «Вечная память павшим, слава — живым». Никакого расследования не назначили, а через полтора месяца 6-й Уральский корпус, а вернее, то, что от него осталось, расформировали⁵⁴.

Конфликт на этой же почве произошел и во 2-м Уфимском корпусе, действовавшем на крайнем правом фланге Западной армии. Командир корпуса Войцеховский отрешил от должности начальника 4-й дивизии, «героя Уфы», Косьмина за то, что он выступил против дальнейшего продвижения вперед. Ханжин предложил генералам помириться, указав в своей резолюции: «Вполне согласен с генералом Войцеховским. Остановить наступление сейчас значит дать возможность противнику устроиться. Нужно все время давить на него, делая хотя бы мельче переход, но ежедневно. Распутица будет непродолжительной, ибо край степной. Железнодорожное сообщение на днях восстановится и подвоз наладится»⁵⁵.

Все эти разногласия свидетельствовали о том, что наступательный порыв «белых» начал иссякать, сказывалась усталость. Они также свидетельствовали о не информированности армейских командиров относительно стратегии высшего командования. «В общий план весенних операций мы в корпусе (6-м Уральском — Е. В.) посвящены не были, — вспоминал один из колчаковских офицеров, — и мне до сих пор не ясно, чего именно хотела Ставка, какую общую идею она стремилась осуществить»⁵⁶. Подобные столкновения мнений и взаимные обиды, перебранки свидетельствовали, что офицерский корпус российской армии за годы мировой войны и революции сильно изменился и был уже не таким единым и дисциплинированным как прежде.

Генерал Ханжин бросал на фронт свои последние резервы, пытаясь исправить положение. Но они не смогли изменить ситуацию. Даже участились случаи перехода солдат на сторону «красных». Курень имени Шевченко, присланный на фронт, на следующий день практически в полном составе перешел к большевикам, перебив своих офицеров. Еще раньше колчаковская контрразведка доносила о существовании в этом украинском полку подпольной организации. Сменили командование, а курень перевели из Омска в Челябинск. Однако и это не помогло. Здесь он попал в поле деятельности челябинских подпольщиков. Чтобы предотвратить его дальнейшее разложение полк отправили на фронт, где результаты работы агитаторов не заставили себя долго ждать.

Колчак перебросил в поддержку армии Ханжина Волжский корпус генерала Каппеля из своего резерва. Корпус не был окончательно укомплектован. За отсутствием призывников из Сибири для его пополнения пришлось даже прибегнуть к выбору людей из пленных красноармейцев. Благодаря стараниям английского генерала А. Нокса солдаты Каппеля имели добротное обмундирование и отличное вооружение. Согласно плану командования, им предстояло сосредоточиться под Белебеем. По причине быстрого наступления «красных» это оказалось невозможным, и вновь прибывающие части каппелевцев прямо с вагонов вступали в бой. Положение на фронте Западной армии продолжало меняться и причем не в лучшую сторону для «белых».

Гражданская война требовала от враждующих сторон применения чрезвычайных мер. Порой Ханжин отдавал весьма жесткие приказы. Вот некоторые из них. «Приказываю беспощадно истреблять добровольческие части противника, а также мадяро-латышские, китайские и интернациональные, уничтожая всех комиссаров, ко всем насильно мобилизованным относиться по сдаче их в плен гуманно, обращая желающих немедленно против большевиков. Об этом теперь же широко оповестить войска противника и население. Всякого рода заслуженные расстрелы Верховный Правитель указал производить подальше в тылу и не публично»⁵⁷.

Другой приказ касался мирного населения, находящегося в районе действия и в тылу Западной армии. Он гласил: «Войскам приказываю беспощадными мерами водворить порядок и спокойствие в селах, деревнях и станицах. Жители, которые будут виновны в укрывательстве, участии в восстании или в хранении военного оружия — будут расстреляны, а их имущество и дома сожжены»⁵⁸.

Следующий приказ, подписанный Ханжиным, призван был пресечь просоветскую пропаганду в войсках. «Установить наблюдение патрулями и контрразведкой на путях между эшелонами,— говорилось в нем,— не допуская никаких сборищ и митингов. Подозрительных лиц задерживать для выяснения. Агитаторов большевиков, при наличии улик, немедленно расстреливать на месте...»⁵⁹.

В мае 1919 г. А. В. Колчак в сопровождении главного начальника снабжений Ставки барона А. П. Будберга, генерала для поручений при Верховном Правителе К. В. Сахарова и других высокопоставленных офицеров совершил поездку на фронт и по освобожденным от большевиков районам. Сначала адмирал побывал в Екатеринбурге, где в это время проходил съезд промышленников. В штабе Сибирской армии Р. Гайда и его помощник генерал Б. П. Богословский доложили ему об оперативной обстановке на фронте. Присутствующий при этом Будберг записал в своем дневнике: «Я был ошеломлен и подавлен тем, что в тоне докладывающих... сквозило несдерживаемое удовольствие по поводу неудач в Западной армии и усердно подчеркивались свои, довольно проблематичные при общем положении фронта, успехи». Выяснилось также, что между тыловыми учреждениями Сибирской и Западной армий идет настоящая необъявленная война в деле обеспечения фронтовых частей. «Все попытки учесть военную добычу и обратить ее на общее снабжение,— констатировал Будберг,— безрезультатны и вызывают самые острые протесты, даже вооруженное сопротивление; чинов полевого контроля гонят вон, грозят поркой и даже расстрелом. Гайда захватил единственную на всю Сибирь суконную фабрику, обозные мастерские — все то, чего нет в Западной армии, и не дает последней ни одной шинели, ни одной повозки или походной кухни; в ответ на это Западная армия прижимает Сибирскую, не давая ей фуража и гречневой крупы. Все распоряжения главного и полевого интендантов армиями игнорируются и не исполняются»⁶⁰.

Когда начались серьезные поражения армии Ханжина Верховный Правитель, будучи в Екатеринбурге, стал склоняться к тому, чтобы Сибирская армия ударила на юг, по наступающим частям «красных» и тем самым помочь своим соседям. Но Гайда сумел убедить Колчака, что важнее, если его армия будет продолжать наступление на Казань и Вятку, с целью дальнейшего продвижения к Москве.

Утром 12 мая Верховный Правитель прибыл в Уфу. На вокзале его встречал генерал Ханжин с офицерами своего штаба и ротой почетного караула. Адмирал, как заметил Михаил

Васильевич, вышел на перрон с непривычной для него азиатской шашкой на боку, украшенной георгиевским темляком. Взгляд его не предвещал ничего хорошего. Колчак был очень огорчен тем, что столь успешно наступавшая Западная армия остановилась, а на некоторых участках даже откатилась назад. Выслушав доклад Ханжина, Верховный Правитель сначала отправился на молебен в кафедральный собор Уфы, затем в городскую думу.

Днем на Александровской площади состоялся смотр частей армии Ханжина. Колчак вместе с командующим обошли все выстроенные здесь подразделения, поздоровались с солдатами и офицерами, потом посмотрели их выправку в церемониальном марше. Позднее адмирал посетил госпиталь и лично награждал несколько отличившихся в боях раненых бойцов Георгиевскими крестами.

Вечером в гарнизонном собрании, где, кстати, жила семья Михаила Васильевича, устроили обед в честь приезда высокого гостя. Здесь, кроме военных, присутствовали представители городского и земского самоуправления, общественных организаций, печати. Всего около 300 человек. За столом звучали приветственные речи и здравицы. Делегация от Уфимского женского союза помощи армии преподнесла Колчаку цветы, «хлеб-соль» и 10 тысяч рублей в фонд «белого дела». Еврейская община города пожертвовала 100 тысяч рублей, а торговцы и промышленники — 250 тысяч рублей ⁶¹.

На следующий день адмирал выехал на передовые позиции. Прибыв в Белебей, он вместе с генералом Каппелем, прямо на станции, у эшелонов, произвел смотр частей 13-й Казанской стрелковой дивизии. Здесь ему стало известно, что буквально утром на одном из участков фронта 10-й Бутульминский полк почти в полном составе, захватив в плен своих офицеров, перешел на сторону «красных». Это произвело тяжелое впечатление. Несколько дрогнувшим голосом Верховный Правитель просил Каппеля не падать духом.

После пребывания Колчака в Западной армии начальник его штаба, первый помощник Ханжина, Щепихин был заменен прибывшим в свите адмирала генерал-майором К. В. Сахаровым, человеком с тяжелым и заносчивым характером. Уроженец Самарской губернии, участник первой мировой, он после Октябрьского переворота благодаря большевикам попал в Астраханскую тюрьму, где провел несколько месяцев. После своего освобождения Сахаров отправился в Сибирь к «белым». Руководил учебой в школе офицеров на острове Русском. В начале весеннего наступления колчаковцев он прибыл в Омск, где получил назначение в Ставке Верховного Правителя.

По своим взглядам генерал Сахаров являлся убежденным монархистом и антисемитом, усматривая во всех бедах России происки евреев-большевиков. Был сторонником внешнего блеска в армии. Ходил всегда очень быстро, заставляя сопровождающих его офицеров передвигаться за ним перебежками.

С первых же дней после своего назначения Сахаров повел себя так, как будто он стал командующим армии, бесцеремонно вмешиваясь в дела, находящиеся не в его компетенции. Михаилу Васильевичу, человеку с довольно мягким характером, оказалось нелегко работать с таким новым помощником. Но приказ есть приказ, и он обсуждению не подлежит.

«Красные» тем временем продолжали оказывать сильное давление на левый фланг армии Ханжина с целью зайти ей в тыл. В середине мая Туркестанская армия Г. В. Зиновьева и часть сил 1-й армии Г. Д. Гая, действуя на встречных направлениях, провели Белебейскую операцию. Чтобы не попасть в окружение, корпус Капшеля начал отход на восток, создавая тем самым благоприятные условия для наступления частей Красной Армии на Уфу.

Таким образом, Фрунзе, осуществляя фланговый удар по Западной армии, повернул главные свои силы тылом к вооруженным формированиям уральских и оренбургских казаков, поручив сковать их подразделения на большом фронте несколькими стрелковым и конным бригадам. Его маневр удался.

Тыл Западной армии также был неспокоен. В начале весеннего наступления «белых» население встречало их в основном хорошо. Но вскоре начались жалобы по поводу реквизиций, самоуправства солдат и офицеров, на тяжесть военного постоя. Они являлись благодатной почвой для антиколчаковских выступлений, особенно в сельской местности, где главной силой восставших являлись новоселы, «столыпинские аграрники», переселившиеся сюда относительно недавно. Как правило, во главе повстанческих отрядов оказывались либо большевистские эмиссары, либо солдаты-дезертиры, либо просто уголовники, прикрывавшиеся лозунгами о свободе и справедливости.

В этот период большое антиколчаковское восстание стало разползаться в Тургайской области. Повстанцы даже захватили Кустанай, который они удерживали несколько дней. Против них бросили войска, возглавляемые казачьим генералом В. А. Волковым. Ему удалось разгромить восстание. Однако подобные выступления продолжались и были частым явлением в тылу «белых», нанося им огромный ущерб.

На фронте, под ударами красных армий, Ханжин отводил свои части к реке Белой. Он произвел реорганизацию подчи-

ненных ему войск, сведя их в три группы: Волжскую под командованием В. О. Каппеля, Уфимскую под руководством С. Н. Войцеховского и Уральскую во главе с В. В. Голицыным.

23 мая расформировали Оренбургскую армию А. И. Дутова, который уехал в Омск, где получил новое назначение Походного атамана всех казачьих войск и генерал-инспектора кавалерии Русской армии Колчака. Вместо Оренбургской создали отдельную Южную армию генерала Г. А. Белова, объединившую некоторые части Западной армии и отряды дутовцев.

Ставка отказала Михаилу Васильевичу в просьбе разрешить ему после сдачи Белебея начать сразу же отход за реку Белую с целью сохранения сил и выигрыша времени на восстановление боеспособности армии. Поэтому его части вели бои местного значения, постепенно отступая под нажимом противника.

В штабе Западной армии стали распространяться слухи о ненадежном положении Уфы, о скором уходе Ханжина с поста командующего и замене его другим генералом. Почвой для подобных слухов являлась сложившаяся на фронте ситуация. Не обошлось и без «творчества» отдельных чиновников и офицеров штаба ⁶².

Для пополнения своих войск генерал Ханжин 18 мая 1919 г. объявил досрочную мобилизацию мужского населения в возрасте от 18 до 43 лет в пятнадцати уездах. Согласно его приказу, призыву подлежали также и беженцы, поселившиеся в этих местах. От воинской повинности освобождались казаки Кустанайского, Верхнеуральского и Орского уездов, а также железнодорожники, служащие почт и телеграфа, инженеры и рабочие заводов, работающих на армию, чиновники казначейств, банков, киргизы и поляки, не состоящие в русском подданстве. Кроме того, Михаил Васильевич разрешил командирам войсковых групп, по мере необходимости, проводить частичные мобилизации на подчиненных им территориях ⁶³. Однако эти мероприятия не обеспечили большого притока новобранцев в Западную армию и не улучшили ее положения на фронте. Гражданское население в большинстве своем не откликнулось на очередной призыв защищать «белую Россию».

Тем временем «красные» продвигались к Уфе. Замысел колчаковского командования состоял в том, чтобы отвести армию Ханжина за реку Белая и, создав здесь сильный оборонительный рубеж, на ее берегах стабилизировать свой фронт.

Семья Михаила Васильевича до последних дней оставалась в городе. У генерала имелся личный экипаж с лошадиной парой, и Елена Павловна вместе с детьми часто ездила на нем к реке за черемухой. В одну из таких поездок, собирая ягоды,

они отчетливо слышали гул кананоды — дыхание приближающейся войны.

Уже 2 июня Уфа опустела. Жизнь в городе замерла. По улицам ходили в основном военные. Вечером артиллерия «красных» начала обстрел. Несколько снарядов упало в районе железнодорожного вокзала. Ряд домов оказался разрушенным в квартале, прилегающем к зданию городской почты. Когда на тротуарах и мостовых стали рваться снаряды, многие жители, оставшиеся в своих домах, хлынули из города. Ночью произошел сильный пожар на Вавилонской улице. И в последующие дни в городе нередко слышались взрывы.

С 3 июня штаб Западной армии расположился на станции Бердяуш. Михаил Васильевич отправил свою беременную жену с детьми в Челябинск, где они поселились в доме врача П. А. Агапова.

Эвакуация военных учреждений и их имущества из Уфы, вследствие столь быстрого наступления Красной Армии, проходила спешно и не организовано. Поэтому много ценного затем досталось врагу. Еще до оставления колчаковцами города Ханжин назначил специальную комиссию во главе с генерал-майором Тарнопольским с целью расследовать деятельность воинских начальников, ответственных за эвакуацию⁶⁴.

Части Красной Армии начали переправу через реку Белую в ночь с 7 на 8 июня. Но она им не удалась: один из наведенных плавучих мостов сорвало течением, а на рассвете батареи «белых» открыли мощный артиллерийский огонь. Несколько десантов красноармейцев, успевших преодолеть водный барьер, капелевцы сильным ударом опрокинули в реку.

Однако в ту же ночь переправа «красных» удалась в другом месте. На участке 25-й стрелковой дивизии В. И. Чапаева, севернее Уфы. Воспользовавшись захваченными ранее двумя буксирными пароходами, Чапаев перебросил на противоположный берег Белой одну свою бригаду. Завязался бой за удержание и расширение захваченного плацдарма. Вскоре к чапаевцам прислали подкрепление, в том числе четыре броневики. Прибыл сюда и сам М. В. Фрунзе. Показывая пример, он лично ходил в атаку с винтовкой в руках, увлекая за собой красноармейцев.

Генерал Ханжин бросил против них свои резервы. Авиация Западной армии бомбила и расстреливала из пулеметов наступающие цепи «красных» и район переправы. Еще 4 июня три аэроплана «белых» совершили несколько удачных налетов на скопления советских войск, готовивших переправу. За что летчики удостоились личной благодарности Михаила Васильевича⁶⁵.

Весь день 8 июня севернее Уфы шел ожесточенный бой. От близко разорвавшейся авиационной бомбы под Фрунзе убило лошадь, а сам он был контужен. В тот же день огнем с аэроплана ранили Чапаева. Но они оба остались в строю. Плацдарм, захваченный 25-й дивизией на правом берегу, постепенно расширялся и укреплялся.

Командование Западной армии решило 9 июня нанести решительный удар по противнику в этом районе, сосредоточив здесь шесть пехотных и один кавалерийский полк. Накануне ночью чапаевцам стало известно о планах колчаковцев от перебравшегося через линию фронта уфимского рабочего. Не доверяя полностью информатору, «красные» все же предприняли необходимые меры. На следующий день части Ханжина, сосредоточив крупные силы на левом фланге чапаевской дивизии, пошли в атаку. Подпустив «белых» почти вплотную к своим позициям, красноармейцы открыли дружный пулеметный и винтовочный огонь. Бой шел несколько часов. Колчаковцы много раз бросались вновь и вновь в атаку, но обескровленные, наконец, отступили.

В этот же день 25-я дивизия вступила в Уфу, за что В. И. Чапаева, впоследствии, наградили орденом Красного Знамени. Победители захватили богатые трофеи. Верховный Правитель рвал и метал, когда узнал, что отступающие его части, боясь окружения, бросили в Уфе раненых и огромные запасы продовольствия: 2 миллиона пудов зерна и 200 тысяч пудов гречневой крупы⁶⁶.

Покинув город, колчаковцы еще некоторое время упорно сражались против ударной группы Туркестанской красной армии, не давая ей возможности переправиться через реку Белую. Только 16 июня началось общее отступление Западной армии к Уральскому хребту.

В результате поражения войск Ханжина, опасаясь угрозы окружения, начала свой отход на восток и Сибирская армия. Оказалась в сложном положении в оренбургских степях Южная армия генерала Белова. Это явилось началом перелома всей кампании на Восточном фронте. В дальнейшем войска Колчака, несмотря на частичные успехи, вынуждены были проводить лишь операции оборонительного характера.

Вскоре из Омска пришло сообщение, что Западная армия в оперативном отношении переходит в подчинение генерал-лейтенанта Р. Гайды. Подобное указание Ставки стало ударом по самолюбию Михаила Васильевича, расценившего его как неверие Верховного Главнокомандования в военные и организаторские способности генерала от артиллерии. В первом же своем

приказе, полученном по телеграфу в штабе Ханжина, Гайда грубо и цинично обвинял офицеров и руководство армии в отступлении, и даже угрожал расстрелом, самоуверенно обещая в течение нескольких дней исправить положение на фронте. По словам генерала К. В. Сахарова, «вся армия была оскорблена этим приказом»⁶⁷.

Такие действия новоявленного «сибирского наполеона» стали последней каплей терпения для Михаила Васильевича. Еще до оставления Уфы он, осознавая свою вину за последние поражения Западной армии, просил Верховного Правителя об отставке. Но положительного ответа тогда не получил. Сейчас Ханжин вторично послал подобную просьбу в Омск.

В двадцатых числах июня на станцию Бердяуш прибыл М. К. Дитерихс. Ставка назначила его главнокомандующим фронтом, подчинив ему Сибирскую и Западную армии. Он вручил Ханжину приказ, в котором адмирал Колчак, признавая боевые заслуги, и, отдавая дань уважения Михаилу Васильевичу, выполнил просьбу генерала, предоставив ему отпуск⁶⁸.

Свой последний приказ по армии Ханжин подписал 22 июня 1919 г. «Покидая Западную армию,— говорилось в нем,— от лица Родины приношу горячую благодарность всем генералам, штаб- и обер-офицерам, врачам, чиновникам, солдатам и казакам войск армии и ее учреждений, честно и доблестно выполнивших свой долг; не сомневаюсь, что ни их силы, ни вера в конечный успех трудной борьбы на возрождение Родины не иссякнут, и что они впредь будут продолжать борьбу с полным напряжением сил. Верю, что Западная армия накануне новых сражений и новых побед, которые поведут ее знакомыми путями к берегам Волги к конечной победе. Мы боремся за правое дело, и мы победим»⁶⁹.

Командующим вместо Ханжина назначили генерала Сахарова. Ему, как показали дальнейшие события, не удалось стать авторитетом для солдат и офицеров. Своей манерой обращения, подчеркнутым солдафонским видом, внешним блеском он часто отталкивал и восстаивал против себя людей. При нем начались конфликты между генералами В. О. Каппелем, С. Н. Войцеховским, с одной стороны, и штабом армии, с другой. Боевые офицеры Каппель и Войцеховский, находящиеся с первых дней на фронте, привыкли действовать самостоятельно, с ними считалось командование, доверяя их армейскому опыту. Новый же командующий и его начальник штаба полковник В. И. Оберюхтин стали не только руководить, но и учить, понукать и осуществлять мелочную опеку за каждым их действием, совершенно не обращая внимания на особенности

обстановки на фронте и искореняя все нерегулярное в войсках. В результате генерал Войцеховский вынужден был уйти из армии Сахарова.

Быстро стала разрастаться армейская контрразведка (осведарм) в дополнение к различным разведывательным отделам при Ставке. Это вызвало у офицеров большую неприязнь к штабу армии, и, прежде всего, к новому командующему.

К ушедшему генералу Ханжину сослуживцы относились совсем иначе. Даже, «несмотря на мягкость характера,— вспоминал впоследствии один из армейских командиров,— личный авторитет его стоял высоко, и командный состав как-то старался помочь ему, шел навстречу. Недостаток был скорее в определенных требованиях с его стороны. Это был свой человек, понимающий нужды фронта, личные особенности начальствующих, условия гражданской войны, знающий историю всякой части»⁷⁰.

После своей отставки Михаил Васильевич отправился в Челябинск. Еще 17 июня оттуда пришло радостное известие: у него родился сын. Дочка Агния стала крестной и дала ребенку имя Юрий.

С семьей генерала в Челябинске жила и его сестра Елена Васильевна. Она приехала из Троицка. Время наступало тревожное, фронт неустанно катился на восток, поэтому лучше было держаться вместе.

Забрав семью, Ханжин выезжает в Омск. Будущее генерала и его близких выглядело неясным и неопределенным.

Глава одиннадцатая

ВАГОН № 155

Омск встретил Ханжиных шумно и многолюдно. Город был невероятно перенаселен. Превращение его в столицу «белой Сибири» вызвало необычайное стечение сюда людей, не желавших находиться под властью Советов, или просто искавших лучшей доли. Они приезжали из разных уголков страны. Среди них значились помещики и предприниматели, банкиры и чиновники, рабочие и офицеры, их дети, жены, любовницы. В общем, все те, кого революция по разным причинам подняла с мест и заставила отправиться в путь.

Все «казенные» здания, частные дома и квартиры Омска оказались переполнены. Под министерства колчаковского

правительства использовались не только здания государственных и городских учреждений, но и аудитории учебных заведений, где занятия по этой причине проводились в вечернее время. По городу даже ходил такой анекдот. В чем разница между Петербургом и Омском? В Петербурге все знали, где находятся министерства, но не знали, где министры; в Омске известно, где министры, но неизвестно, где министерства.

Ставка Верховного Правителя разместилась в большом четырехэтажном здании Управления Сибирской железной дороги, соединенном подъездным путем со станцией. К вокзалу проложили десятки запасных путей и тупиков, которые заполнили поезда и вагоны, где расположились представители иностранных миссий, некоторые министры, лица, состоящие при Верховном Правителе, служащие Ставки и т. д.

Для размещения постоянно прибывающих в Омск офицеров и чиновников в распоряжении коменданта города имелись все гостиницы, и даже свободные помещения в частных домах. Однако это не решало проблему с жильем. Поэтому на окраинах «столицы» Колчака спешно строились деревянные бараки, а порой и утепленные землянки.

Генерал Ханжин с семьей решили жилищный вопрос просто: они остались в своем вагоне, перемещенном на запасные пути недалеко от станции. В таких условиях им предстояло прожить несколько месяцев. Маленького Юру в шутку даже стали называть «вагонный житель». Как известно, сыновья генерала Алеша и Игорь учились здесь, в Омске, в кадетском корпусе. И, конечно, встреча с близкими была для них очень радостной.

Обстановка в городе производила тягостное впечатление чего-то неустойчивого, временного. Хотя Омск переполняла различного рода публика, но катастрофически не хватало людей способных, честных, готовых преданно служить белой идее. Один из лидеров кадетской партии Н. Устрялов вспоминал впоследствии горькие слова самого Колчака, сказанные им на приеме представителей общественности у себя в особняке на берегу Иртыша.

— Скажу вам откровенно, я прямо поражаюсь отсутствию у нас порядочных людей. И то же самое у Деникина: я недавно получил от него письмо. Худшие враги правительства — его собственные агенты. Я фактически могу расстрелять виновного агента власти, я отдаю его под суд, а дело затягивается. Дайте, дайте мне людей¹.

Корыстолюбие, коррупция, интриги, сколачивание группировок среди представителей власти — раздирали колчаковские

правлящие круги. Наиболее заметно деление на «своих» и «чужих» шло между теми, кто был «от Сибири», а кто прибыл сюда «из России» и усиливал свое влияние в расстановке сил в правящих омских кругах.

В июне Верховный Правитель издал особый приказ, в котором констатировал плохую деятельность различных ведомств и усиливающуюся «преступную рознь» между ними. «Опять, как и раньше, — говорилось в указе, — в общую дружную работу начинают ввязаться борьба удельных самолюбий, мелкие честолюбивые желания выставить всячески свою работу и по возможности опорочить работу соседа... что создает атмосферу взаимной недоброжелательности и подозрительности. Колчак угрожал применением «беспощадных мер»².

Не лучше обстояло дело и с армейскими кадрами. Много офицеров под различными предлогами уклонялись от отправки на фронт, пристраиваясь в тыловых учреждениях. Некоторые из них заполняли омские рестораны и салоны, проводя время в кутежах и попойках. Дело дошло до того, что в начале июля начальник штаба Верховного Главнокомандующего и военный министр Д. А. Лебедев подписал приказ о скорейшей высылке на фронт офицеров, находящихся «не при деле»³.

Однако грозные указы и распоряжения в большинстве своем не достигали цели. Они «растворялись» в различных ведомствах. Гражданская и военная бюрократия умело обходила приказы Верховного Правителя и его помощников там, где они затрагивали ее интересы.

Конечно, в Омске имелись и здоровые силы в лице военных, государственных деятелей и просто рядовых служащих. Но их голоса и попытки что-либо предпринять для спасения Отечества тонули в море наживы и корыстных интересов. Отступление колчаковцев все дальше на восток усиливало чувство обреченности белого дела, и некоторые решили, что наступил подходящий момент для того, чтобы любыми способами увеличить свое состояние.

Прибыв с фронта, генерал Ханжин естественно в основном общался с людьми своего круга, своей среды. Некоторых из них он знал раньше, а часть видел впервые. Генерал барон А. П. Будберг, уже занимавший пост управляющего военным министерством, после встречи с Михаилом Васильевичем и разговора с ним, сделал в своем дневнике следующую запись: «Ханжин подтвердил мне, что число ртов, показываемое в войсковой отчетности, превосходит приблизительно вдвое действительное их наличие; подтвердил также и отсутствие разумного эшелонирования запасов и накапливание огромных складов

при частях войск; как пример, он указал, что в одном полку, выдвинувшемся при наступлении далеко вперед, было разных запасов свыше 150 груженных вагонов»⁴. Да, подобные проблемы существовали в армиях Колчака. И генерал Ханжин не предполагал тогда, в июне 1919 г., что ему также придется с ними столкнуться. По прошествии нескольких месяцев он смелит своего собеседника на посту военного министра.

Июль и август семья Ханжиных провела на целебном озере Карачи, близ станции Татарск, где находился лечебно-грязевой курорт, открытый еще в 1881 г. на средства сибирского купечества. Учитывая традиции местного тюркоязычного населения, здания курорта были выполнены в восточном стиле. Михаил Васильевич вместе с женой и детьми отдыхал, принимал грязевые ванны, пил кумыс. Даже не верилось, что где-то идет война.

Все лето колчаковские войска отступали. В июле они оставили Пермь, Екатеринбург, Челябинск. По инициативе главнокомандующего фронтом генерала Дитерихса части Сибирской и Западной армий реорганизовали в три неотдельные армии: 1-я Пепеляева, 2-я Лохвицкого и 3-я Сахарова. Южная армия Белова в конце июля, после овладения «красными» Челябинска, оказалась отрезанной от основных сил «белых» и действовала самостоятельно в казахских степях, отступая под ударами противника все дальше на восток.

С середины августа шли упорные бои на линии реки Тобол. Когда в сентябре Ханжины вернулись в Омск, многие городские газеты пестрели праздничными и радостными заголовками по поводу побед над большевиками под Петропавловском и Тобольском. Повсюду в учреждениях царило оживленное оптимистическое настроение. Раздавались голоса, что Советы выдохлись и больше не смогут наступать. Впрочем, более прозорливые люди считали, что успех колчаковцев является временным и незначительным, так как «красные» отступили в полном порядке и без больших потерь, по заранее обдуманному плану.

В сентябре серьезно заболел и слег генерал Будберг, назначенный месяц назад военным министром в Омском правительстве. Пролежав две недели, он уехал в Томск, а затем в Харбин на лечение. 5 октября 1919 года Верховный Правитель назначает военным министром генерала от артиллерии Ханжина⁵.

Кроме барона А. П. Будберга, до Михаила Васильевича этот пост в Сибирском правительстве занимали генералы А. Н. Гришин-Алмазов, П. П. Иванов-Ринов, сам адмирал А. В. Колчак, а после установления его диктатуры — генералы В. И. Сурин,

Н. А. Степанов, Д. А. Лебедев и М. К. Дитерихс. Как покажут дальнейшие события, Ханжин станет последним среди них.

Круг вопросов, которые решал глава военного ведомства, был определен специальным приказом только в июне 1919 г. Сюда входили: заготовка и снабжение армий различными видами довольствия (интендантским, инженерным, артиллерийским, санитарным, ветеринарным); кредиты по военному ведомству; вопросы военно-административного управления прифронтовыми районами и службы военного духовенства; заведование интендантскими курсами и кадетскими корпусами; назначение жалования, пенсий, пособий чинам военного ведомства; руководство войсковыми казначействами; «полевой контроль»; дела главного военно-судебного управления⁶.

Будучи военным министром, Михаил Васильевич по штату имел четырех заместителей. Первый из них — помощник по организационно-мобилизационной части, которому подчинялись инспекции добровольческих формирований и подразделений стратегического резерва, отделы: мобилизационный и пополнения армии конским составом, а также «уставное отделение». Второй — помощник военного министра по делам казачьих войск. Следующим являлся помощник по общей части. И, наконец, помощник военного министра по делам снабжений и технической части. В его ведении находились законодательно-финансовое, артиллерийское, инженерное, интендантское, военно-санитарное, ветеринарное управления и «дальневосточная комиссия». Военное министерство имело свою канцелярию и высший распорядительный орган — военное совещание.

На посту военного министра генерал Ханжин занимался такими вопросами, как выдача денежных вознаграждений казакам-добровольцам, поступившим на службу со своей лошадью, обмундированием и снаряжением; претворение в жизнь указа о призыве в колчаковские части мужского населения Сибири в возрасте от 18 до 43 лет; выдача кредита казачьим войскам на противоэпидемические мероприятия; предоставление равных с военнослужащими армии Колчака льгот «в отношении земельного и хозяйственного устройства» легионерам Чехословацкого корпуса; реквизиция в Омске и его пригородах теплых вещей для нужд армии и др.⁷.

Михаилу Васильевичу приходилось нередко участвовать в заседаниях Совета министров Омского правительства. Так в конце октября 1919 г., на одном из них, он поднял вопрос о создании кредитно-финансового совещания по делам военного ведомства. Для решения вопросов хозяйственного харак-

тера, «требующих срочного ассигнования денег, разрешение которых единоличной властью военного министра не всегда возможно». В состав такого совещания Ханжин предлагал ввести министров: военного, финансов, снабжений и продовольствия, государственного контролера, а также главнокомандующего армиями Восточного фронта или его начальника штаба. Колчаковские министры поддержали предложение Ханжина и своим постановлением учредили кредитно-финансовое совещание по делам военного ведомства⁸.

Тем временем фронт все дальше перемещался на восток. В середине октября «красные» вновь перешли в наступление, преодолев реки Тобол и Ишим, они начали свое продвижение к Омску. Положение «столицы» Колчака становилось критическим. Верховный Правитель выдвинул лозунг защиты Омска, во что бы то ни стало, призвав гражданское население города вступить в добровольческие отряды. Управляющий делами Совета министров Г. Гинс официально заявил, что Омск сдан не будет. Газеты поместили сообщение о назначенных на 16 ноября выборах гласных в городскую думу на срок до января 1923 г. Верхи «белого Омска» жили иллюзиями.

Однако главнокомандующий фронтом генерал М. К. Дитерихс высказался за своевременную эвакуацию города. По его мнению, армия обязана оторваться от противника, перегруппироваться, отдохнуть, и тем самым подготовиться к новым боям. Дитерихс, без согласования с Колчаком, отдал указания о выводе в тыл сильно разложившейся 1-й армии генерала Пепеляева. Узнав об этом, адмирал вскипел. Отдав приказ о возвращении 1-й армии на фронт, он вызвал к себе главнокомандующего, и устроил ему разнос. В итоге Дитерихс подал в отставку и вскоре уехал во Владивосток. На его место Верховный Правитель назначил генерала К. В. Сахарова, обещавшего создать «неприступную» оборону Омска. После встречи с А. Н. Пепеляевым, выслушав его доводы, Колчак все-таки разрешил подразделениям 1-й армии погрузиться в эшелоны и отправиться дальше в Сибирь.

По прошествии нескольких дней с момента своего назначения генерал Сахаров понял, что Омск спасти уже никто не сможет. Весь боевой пыл нового главнокомандующего сразу куда-то исчез. Он фактически пришел к тому же мнению, которого придерживался генерал Дитерихс: любой ценой спасти армию, а не город. Было решено оставить Омск без боя. Началась спешная эвакуация «сибирской столицы белых».

Михаил Васильевич отправил семью в Читу, дальше от фронта. Его мальчуганы Алеша и Игорь, еще раньше, вместе

с Сибирским кадетским корпусом выехали в Приморье. За их судьбу Ханжин сильно не переживал, так как его приятель по училищу, директор корпуса генерал Нарбут обещал позаботиться о сыновьях военного министра.

8 ноября состоялось последнее совместное заседание Совета министров с Верховным Правителем. На нем Колчак утвердил все представленные законы. В том числе и положение о новом представительном органе, Земском Совещании, призванном сделать колчаковскую власть более демократичной. Согласно этому положению, в Земское Совещание избирались лица не моложе 30 лет, за исключением студентов и военнослужащих. На селе выборы предполагались двухступенчатые: сначала на волостных сходах избирались уполномоченные, а затем из них на уездных съездах выбирались депутаты в Земское Совещание. Города и земства избирали своих депутатов через городские думы и земские собрания. Общественные организации, объединяющие промышленников, торговцев, кооператоров, учителей и др., также могли выдвинуть своих представителей. Часть членов Земского Совещания назначалась лично Верховным Правителем. Выборы предполагалось провести не позднее 1 января 1920 г.

На следующий день в последнем номере «Правительственного вестника», вышедшем в Омске, был опубликован указ о выборах в Земское Совещание. Таким образом, колчаковские министры с одной стороны делали шаг навстречу демократическим началам в реформировании власти, а с другой — введением института назначаемых депутатов, стремились застраховать себя от действий оппозиции в будущем представительном органе.

Лед на Иртыше стал 10 ноября. Колчаковские войска, перейдя замерзшую реку, уходили дальше в Сибирь, оставляя Омск. В этот же день Совет министров во главе с премьером П. В. Вологодским погрузился в поезд и отправился в Иркутск. Среди отъезжающих находился и военный министр генерал от артиллерии М. В. Ханжин. Одна примечательная деталь: чтобы правительственный поезд своевременно отправился, пришлось дать взятку железнодорожному начальству⁹.

Верховный Правитель задержался в городе еще на два дня и оставил его вместе с отходившими частями своих армий. Поезд Колчака составил восемь эшелонов. В одном из них размещался золотой запас. На перегоне от Омска до Татарска подпольщики совершили попытку крушения эшелона с золотым запасом. Но все обошлось, охрана оказалась надежной, и поезд адмирала благополучно добрался до Новониколаевска.

Утром 14 ноября подразделения Красной Армии вошли в Омск. Здесь им досталась богатая добыча — многочисленные склады с обмундированием, провиантом, оружием, которые не успели эвакуировать.

Отходившие на восток колчаковские армии оказались сильно деморализованы. Их боевой дух упал. Участились случаи невыполнения приказов, даже офицерами. Назначенный вместо генерала Лохвицкого командующий 2-й армией Войцеховский в порыве гнева застрелил командира корпуса генерала Гривина, который отказался остановить своих солдат для того, чтобы задержать наседающего противника. Он заявил, что поведет подчиненные ему полки в Иркутск, к месту их первоначального формирования. Тогда Войцеховский приказал сдать командование корпусом. Гривин отказался. В ответ прогремел выстрел...

Армии Колчака, отступающие по снежным бесконечным просторам Сибири, вытянулись вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали. Они были обременены многочисленными обозами, в которых, вместе с военным имуществом, находились раненые, солдатские и офицерские семьи, чиновники, коммерсанты, дворяне и просто беженцы. Это движение измученных людей от Омска до Байкала, под ударами постоянно атакующего сзади врага, впоследствии получило название «Сибирского ледяного похода». Многие из его участников не выдержали всех трудностей и лишений, погибнув либо от пули, либо от тифа, либо от холода.

В тылу «белых» все чаще поднимали голову эсеровские и большевистские подпольщики-боевики. 18 ноября, в тот самый день, когда колчаковские министры прибыли в Иркутск, провалилась авантюра Р. Гайды, еще в июле уволенного Колчаком из армии, и лидеров эсеров, поднявших восстание во Владивостоке под лозунгом «Довольно гражданской войны. Хотим мира!» Мятеж поддерживали также и большевики, преследующие свои интересы. Части командующего Приамурского военного округа генерала Розанова легко подавили это выступление. Гайда и ряд других руководителей восстания оказались за решеткой. Но под нажимом чехословацких представителей колчаковские власти освободили Гайду, взяв с него обязательство в течение трех дней выехать из страны. В начале декабря 1919 г. кандидат в «сибирские наполеоны» уже находился в Шанхае, где в интервью газете «Чайна пресс» поносил диктатуру Колчака как реакционную, а союзников — как пособников «черной монархии»¹⁰.

Забегая вперед, необходимо сказать, что на этом бурная деятельность Р. Гайды не закончилась. По одним данным,

в начале 30-х годов его судили в Праге за шпионаж в пользу СССР, по другим — он был расстрелян в 1948 г. как военный преступник за пособничество нацистам¹¹.

Иркутск, где также планировалось антиколчаковское выступление, не сумел поддержать мятеж во Владивостоке. Здесь ожидалось прибытие правительства во главе с Вологодским, и военные власти еще в ночь на 12 ноября провели обыски и аресты ряда местных лидеров левых сил. Правда, после протеста чехов часть из них выпустили.

Правительственный поезд прибыл в Иркутск вечером. Кроме премьера и генерала Ханжина в нем находились министры: морской — контр-адмирал М. И. Смирнов, внутренних дел — В. Н. Пепеляев (брат генерала А. Н. Пепеляева), финансов — Гойер, юстиции — Г. Г. Тельберг, труда — Л. И. Шумиловский, земледелия — Н. И. Петров, торговли — С. Н. Третьяков, иностранных дел — И. И. Сукин, продовольствия и снабжения — К. Н. Неклютин, а также управляющий делами правительства Г. К. Гинс. На вокзале их встречали только военные. Представители общественности, земств и городских властей демонстративно уклонились от встречи. После того, как отстремел полковой оркестр, командующий войсками Иркутского военного округа генерал-лейтенант Артемьев представил Вологодскому весь находящийся на перроне генералитет.

«Нельзя было сказать, — как верно подметил один из сибирских общественных деятелей, — что население Иркутска оказало какое-нибудь заметное внимание вновь прибывшему правительству. Наоборот, почти всякий старался теперь хоть чем-нибудь лягнуть умирающего льва»¹².

Разместились министры в городе, где придется. Михаилу Васильевичу достался вагон под номером «155», стоящий недалеко от вокзала на запасных путях. Вместе с ним в этом «жилище на колесах» поселились начальник строевого отдела военного министерства полковник Соловьев и обер-офицер для поручений подпоручик Сидоров.

Вообще, по прибытию в Иркутск в подчинении генерала Ханжина находилось 34 сотрудника военного ведомства. «Правой рукой» Михаила Васильевича являлся помощник военного министра по общей части генерал-лейтенант Карликов, в недавнем прошлом директор Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. Структура военного министерства в конце ноября 1919 г. выглядела таким образом: строевой, военно-административный, «пенсионно-эмигральный», общий, мобилизационный отделы, «уставное отделение», центральная следственная комиссия и комендантская часть¹³. Военное

министерство разместилось на территории крепости, в здании, где раньше находилось гарнизонное собрание, а затем коммерческое училище.

Первые дни пребывания в Иркутске колчаковского правительства были заполнены отголосками тех событий, которые произошли во Владивостоке, а также конфликтом между Верховным Правителем и представителями Чехословакии после появления в печати меморандума союзникам за подписью Б. Павлу и В. Гирсы. Меморандум обвинял власть Колчака в реакционности, массовых убийствах. Он содержал отказ чехов от охраны железных дорог под предлогом нежелания участвовать в «преступлениях» Колчака, который оказался виновным в их тяжелом положении в Сибири. Чехи требовали от союзников ускорить их отправку на родину.

Раздраженный адмирал откликнулся на подобный шаг резкой телеграммой, в которой потребовал отзыва из России официальных представителей Чехословакии и заявил о готовности применить вооруженную силу в ответ на их вмешательство в дела его страны.

С большим трудом конфликт удалось уладить. Некоторые министры буквально бомбардировали из Иркутска поезд Верховного Правителя телеграммами о недопустимости «резких выражений», которые могут «бросить всю массу чехов в объятия наших врагов». Колчак упорствовал, требуя, чтобы чехи предварительно аннулировали свой акт.

Наконец в специальной ноте Гирса разъяснил, что меморандум неправильно понят, что его составили «для спасения правительства с целью успокоить железнодорожных рабочих, предполагавших бастовать». Адмиралу ничего не оставалось, как удовлетвориться таким разъяснением и приостановить свой протест. Инцидент был исчерпан, но только внешне¹⁴.

В русле этого конфликта, видимо, действовал и военный министр Ханжин, когда запретил публиковать в газете «Чехословацкий дневник» сообщения и телеграммы антиправительственного содержания. Такое решение он принял после того, как эта газета, освещая известные события во Владивостоке, напечатала телеграмму генерала Розанова командующему войсками Иркутского округа. Вероятно, Розанов сильно преувеличивал численность восставших и грозящую от них опасность, что, по мнению Ханжина, пугало читателей газеты и подрывало их веру в силу колчаковской власти. Поэтому Михаил Васильевич дал особое распоряжение военной цензуре относительно материалов, появляющихся в «Чехословацком дневнике». Вскоре В. Гирса официально уведомил военного министра

о своем согласии в отношении предпринятых мер, и обещал способствовать тому, чтобы подобные публикации больше не появлялись¹⁵.

21 ноября на заседании Совета министров Ханжин выступил с докладом «О реконструкции военного министерства и военно-административного управления». Положение на фронте и в тылу заставляло подумать о реформировании военной власти. Присутствующие на заседании решили для этой цели создать комиссию в составе министров: военного, морского и внутренних дел¹⁶.

К концу месяца правительство перестроило свои ряды. Премьер Вологодский и ряд министров ушли в отставку. Новым руководителем правительства стал В. Н. Пепеляев, один из лидеров кадетской партии. Колчак предложил ему в короткий срок предоставить ему на утверждение список лиц обновленного правительства. Вновь назначенный премьер еще недавно являлся сторонником «твердой власти» и левые силы в Сибири считали его реакционером. Но став во главе правительства, в обстановке победоносного наступления большевиков на фронте и постоянных антиколчаковских восстаний в тылу, он попытался найти путь сближения с легальной оппозицией. В. Н. Пепеляев начал переговоры о вхождении в его кабинет деятелей из иркутской эсеров-меньшевистской организации под названием «Политический центр». Однако они не имели успеха, и Пепеляев сформировал новый Совет министров без представителей оппозиции.

Наиболее заметными фигурами в новоиспеченном правительстве стали: министр внутренних дел А. А. Червен-Водали, министр финансов П. А. Бурышкин, сравнительно недавно прибывшие в Сибирь, министр иностранных дел и министр-заместитель С. Н. Третьяков, управляющий министерством путей сообщения А. М. Ларионов и генерал от артиллерии М. В. Ханжин, который остался на своем посту. По некоторым данным, новый премьер планировал заменить Ханжина генералом Дитерихсом, о чем вел с ним переговоры. И позднее, во время встречи братьев Пепеляевых с Верховным Правителем на станции Тайга, они требовали отставки не только главнокомандующего Сахарова, морского министра Смирнова, но также и ухода со своего поста военного министра Ханжина. Но вырвать согласия у Колчака им не удалось¹⁷.

После реорганизации Совета министров В. Н. Пепеляев провозгласил новый правительственный курс. По сообщениям Российского телеграфного агентства, он сводился к следующему:

1) управление страной только через министров, приглашаемых по выбору премьера и утверждаемых Верховным Правителем;

2) отказ от системы военного управления страной;

3) борьба с произволом и беззаконием;

4) расширение прав Государственного Земского Сопения; 5) приближение власти к народу, сотрудничество с оппозицией, объединение всех здоровых сил страны;

6) сближение с чехословаками;

7) всемерная поддержка добровольческого движения;

8) радикальные мероприятия по борьбе с кризисом продовольствия;

9) дальнейшее сокращение ведомств¹⁸.

1 декабря состоялось заседание обновленного кабинета, на котором В. Н. Пепеляев, исходя из требований оппозиции, высказался за идею созыва наиболее расширенного и демократичного, в отличие от Земского Сопения, кстати, еще не созданного, Земского Собора, обладающего законодательными функциями. С этой целью он выехал к Верховному Правителю, чтобы убедить его подписать закон об учреждении Земского Собора, призванного, по мнению премьера, объединить все антибольшевистские силы в Сибири. Но это оказалось уже невозможным, так как большинство деятелей земства, эсеров и меньшевиков примкнуло к антиколчаковскому движению. Поэтому все усилия В. Н. Пепеляева были тщетны.

Правительство в публичных заявлениях подчеркивало свое стремление удовлетворить многие требования левых сил. В частности, оно изменило положение о Государственном Земском Сопении в том смысле, что в его состав будут входить только избранные народом депутаты. Однако настроение оппозиции несколько не смягчилось, и на новый Совет министров смотрели так же враждебно как и на старый. Иркутская городская дума вынесла даже постановление о необходимости образования единого социалистического правительства и принятия мер к окончанию гражданской войны¹⁹.

В такой сложной политической обстановке приходилось работать военному министру Ханжину. На одном из декабрьских заседаний правительства он поднял вопрос о тяжелом материальном положении военнослужащих, их семей и ветеранов. Михаил Васильевич никогда не забывал о нуждах солдата. В итоге Совет министров принял постановление, увеличивающее оклады военных чинов в действующей армии. Кроме того, согласно этому документу, нетрудоспособным членам семей военнослужащих ежемесячно определялись пособия, а ветеранам

и инвалидам, пострадавшим в боях с большевиками, — первым увеличивались, а вторым устанавливались пенсионные оклады. Георгиевским кавалерам назначалась соответствующая орденская пенсия²⁰. Разумеется, многие из этих решений, в результате скорого краха колчаковской власти, не успели претвориться в жизнь.

В эти же дни Верховный Правитель сместил со своего поста К. В. Сахарова, назначив новым главнокомандующим Восточного фронта талантливого и боевого генерала В. О. Каппеля. Совет министров даже принял специальное постановление о создании следственной комиссии по деятельности генерал-лейтенанта Сахарова, но расследование отложили до окончания войны²¹.

Михаил Васильевич, как глава военного ведомства, в период своего пребывания в Иркутске занимался поставками французских танков в колчаковские войска, закупкой винтовок в США и Японии. Его министерство обеспечивало жильем, питанием и фронтом работ военнопленных. Причем большинство из них были не красноармейцы, а немцы, австрийцы, венгры, болгары, турки, то есть солдаты и офицеры первой мировой, попавшие в русский плен. Только в Иркутском военном округе на 10 декабря 1919 г. их насчитывалось около 29 тысяч человек²².

Положение «белых» в Сибири становилось все более критическим. Одно за другим вспыхивали восстания в колчакском тылу. В конце декабря в Черемхово, недалеко от Иркутска, выступили рабочие и солдаты местного гарнизона под руководством «Политцентра». На следующий день в Иркутске контрразведка арестовала несколько руководителей и участников этой организации. Но сил в самом городе для подавления выступления оказалось недостаточно. Об этом сообщил Ханжину генерал Артемьев.

23 декабря адмирал Колчак в Нижнеудинске, где застрял его поезд, получает телеграмму военного министра: «Иркутский гарнизон... не в состоянии выделить достаточного отряда в Черемхово для восстановления порядка. Необходима немедленная присылка войск Забайкалья... Временное подчинение иркутского гарнизона атаману Семенову необходимо»²³. Эта телеграмма, в какой-то мере, ускорила назначение забайкальского атамана Главнокомандующим всеми вооруженными силами «белых» на Дальнем Востоке, которое Колчак подписал буквально за несколько дней до своего отречения.

Еще ранее член правительства С. Н. Третьяков срочно выехал в Читу с требованием от Г. М. Семенова немедленной военной помощи.

Положение в самом Иркутске также обострилось. По городу разползались слухи о скором восстании и смене власти. В такой обстановке Совет министров, понимая необходимость принятия оперативных решений без их широкого предварительного обсуждения, предоставил Червен-Водали, Ханжину и Ларионову действовать от имени всего правительства. Таким образом, была создана так называемая «троектория» в составе указанных выше лиц, а для остальных министров открылась возможность выезда из уже небезопасного Иркутска.

В ночь на 25 декабря прогремели первые выстрелы восстания. Повстанцы захватили предместье Глазково, военный городок и вокзал. Восставшими руководил все тот же эсеро-меньшевистский «Политцентр», к которому примкнули и большевики.

Гостиница «Модерн» стала штабом колчаковского правительства и верных ему частей. На ее верхних и нижних этажах устроили казармы. Повсюду в коридорах сновали военные. В ресторане расположились офицеры. Многие помещения гостиницы заполнил запах пота, табака и кожи. Из некоторых окон на улицу смотрели угрожающе стволы пулеметов. Два самых больших номера отвели под арестантские камеры, переполненные задержанными.

Генерал Ханжин, другие члены «троектории» и некоторые министры в ту тревожную ночь не спали. Собирали информацию о положении в городе, составляли воззвание и отдавали распоряжения. Сидели при свечах, так как электричество отключили.

На следующий день правительство обратилось с двумя воззваниями к войскам и населению. «Обращение к армии» подписали оставшийся за премьера Червен-Водали и военный министр Ханжин. В нем говорилось: «Офицеры и солдаты! Враги государства хотят соблазнить вас миром. Мира они не дадут. Будет холод, голод, будут грабежи и зверства. Если вы поверите прокламациям, вы погубите и всех тех, кто честно выполнял свой долг на фронте, и всех больных и раненых, которые выполнили свой долг и ждут заслуженного приюта. Кому могут быть сейчас полезны воззвания, кроме как большевикам? Неужели вы, как Иуда, предадите тех несчастных, измученных страдальцев, которые еще борются с большевиками? Нет, вы не окажетесь изменниками! Не сегодня-завтра придут силы с востока, которые помогут вам защитить порядок, спасут нас всех от большевизма и от голода. Помните, что хлеб идет сейчас только с востока. Правительство выполняет свой долг и призывает вас честно исполнить присягу»²⁴.

В «Обращении к населению», подписанном Червен-Водали, говорилось о том, что обновленный Совет министров пошел на большие уступки оппозиции. И некоторое время он не принимал жестких мер. Но в создавшейся обстановке правительство будет решительно подавлять силой оружия любые посяательства на законную власть. Воззвание призывало население успокоиться, а не действовать на руку большевикам²⁵.

Генерал Артемьев объявил город на осадном положении. Согласно его приказу запрещалось: появление на улицах без письменного разрешения коменданта Иркутска с 19 часов вечера до 7 утра, распространение ложных и панических слухов, продажа спиртного, публикация в прессе антиправительственных материалов²⁶.

26 декабря вышел приказ военного министра Ханжина «об организации гражданской самообороны в Иркутске». Все мужское население города в возрасте от 18 до 55 лет обязано было зарегистрироваться и нести караульную службу в своих районах, в каждом из которых создавались общественные комитеты самообороны²⁷.

Однако никакие воззвания и указы уже не помогали. Восстание охватывало все новые и новые городские кварталы. Начальнику иркутского гарнизона генерал-майору Сычеву не удалось сразу разгромить повстанцев. Этому способствовал ледоход, который еще 21 декабря повредил мост через Ангару, соединяющий город с вокзалом и предместьем Глазково. Когда Сычев решил начать артиллерийский обстрел другого берега реки, где находились вооруженные формирования восставших, командующий союзными войсками в Сибири французский генерал М. Жанен воспротивился этому. Он категорически запретил обстреливать вокзал — там, на путях стояли вагоны с иностранными миссиями и чехословацкими легионерами, а также прилегающие к нему кварталы — объявив эту зону нейтральной. Жанен дал понять, что если генерал Сычев пустит в ход артиллерию, он прикажет чехам открыть огонь по правительственным войскам.

В итоге повстанцы оказались в выгодном положении, имея при этом многочисленных сторонников и в самом городе. Здесь большевики организовали штаб рабоче-крестьянских дружин. Оружием их снабдил «Политцентр». Руководители большевистского подполья отправили своих агентов в партизанские отряды, действующие недалеко от Иркутска, с просьбой о помощи.

Тем временем в городе активно работала колчаковская контрразведка, подвергая аресту всех подозрительных лиц. В ее

искусно расставленные сети попало и несколько лидеров повстанцев.

26 декабря вечером в темной и холодной гостинице «Модерн» начались переговоры между «троекторией», с одной стороны, и представителями городской думы, земств — с другой. Червен-Водали, Ханжин и Ларионов пытались договориться о беспрепятственном отступлении колчаковских войск и эшелонов Верховного Правительства, соглашаясь даже на отставку Колчака и обещая при этом созвать Земский Собор. Но соглашение не состоялось из-за вопроса о судьбе золотого запаса. Социалисты и земцы предлагали оставить его в Иркутске, а министры ставили основным условием отставки правительства отправку золота дальше на восток под охраной союзников, с последующей передачей его единой общепризнанной власти в России.

Утром следующего дня генерал Сычев получил телеграмму от ротмистра К. И. Арчегова, в которой сообщалось, что три бронепоезда под его командованием находятся уже в 30 верстах от Иркутска и скоро придут на помощь, хотя чехи энергично препятствуют их дальнейшему продвижению. Эти силы, с целью спасти адмирала Колчака, послал атаман Семенов, когда узнал о его вынужденной и долгой остановке в Нижнеудинске. Арчегов со своим броневым дивизионом сумел добраться только до охваченного восстанием Иркутска.

Также пришло сообщение от Третьякова из Читы: семеновские части под командованием генерала Скипетрова погрузились в эшелоны и двинулись к Иркутску. После таких известий колчаковские министры воспрянули духом и прекратили переговоры с оппозицией.

Депутаты городской думы, чтобы оказать давление на правительство, решили провести мирную, но вооруженную демонстрацию под охраной милиции. Управляющий Иркутской губернией П. Д. Яковлев не дал разрешения на ее проведение. Сам Яковлев, сочувствующий эсерам, но считавший их тактику неправильной, сложил свои полномочия из-за несогласия с Советом министров, сделавшего ставку на атамана Г. М. Семенова.

27 декабря зазвучали выстрелы и в центральных кварталах города. Некий капитан Решетин самовольно, «от имени Яковлева», поднял две роты солдат и приказал им захватить гостиницу «Модерн». Начался штурм здания. Из окон гостиницы дружно застучали пулеметы. Нападавшие отступили.

К месту боя приехал сам Яковлев и стал уговаривать Решетина и его солдат прекратить кровопролитие. Он сообщил им,

что по Байкальскому тракту по направлению к Иркутску движется колонна грузовиков с семеновцами. Это подействовало. Капитан увел своих солдат в Знаменское предместье, где они заняли боевые позиции.

Осадное кольцо вокруг города сжималось все теснее. Теперь свободным от повстанцев оставался лишь один выход из Иркутска — по Амурскому тракту вдоль правого берега Ангары.

Весь следующий день на улицах шла перестрелка. Утром восставшие попытались захватить центр города, но были отброшены колчаковцами. Борьба за Иркутск начинала приобретать затяжной характер.

Во время этих бурных событий в городе неожиданно появилась пятнадцатилетняя дочь генерала Ханжина Агния. Она приехала в гости к отцу вместе со своими читинскими знакомыми, которые в Иркутске также имели родных. Но находиться в городе в те дни, конечно, было небезопасно. Поэтому Михаил Васильевич первым же поездом отправил дочку назад, пообещав при этом скоро приехать в Читу²⁸.

Обстановка в Иркутске в последние дни уходящего 1919 г. продолжала оставаться напряженной. «В городе царила полная неразбериха, — писал очевидец тех событий, — ни у кого не было уже никакой уверенности в прочности положения. Одно время нельзя было даже хорошо понять, занят ли уже город повстанцами или еще нет»²⁹.

Днем 28 декабря на одной из центральных улиц группа восставших солдат остановила автомобиль военного министра. Михаил Васильевич уже выхватил из кобуры револьвер, решив живым не сдаваться. Но вдруг солдаты отступили, пропустив машину вперед. Это спасло Ханжина. Почему повстанцы не арестовали военного министра колчаковского правительства, а отпустили его с миром, осталось загадкой.

Бои за Иркутск накануне нового года продолжались. 31 декабря в борьбу на стороне колчаковских войск в районе Глазово вступил отряд ротмистра Арчегова. Семеновцы рассчитывали сразу же захватить вокзал, но навстречу их головному бронепоезду железнодорожники пустили паровоз. В результате столкновения бронепоезд и паровоз сошли с рельсов, и путь семеновцам на вокзал оказался закрыт. Тогда Арчегов приказал выгрузиться из вагонов и вести наступление на казармы 53-го пехотного полка, основной вооруженной силы повстанцев. Вскоре семеновцы овладели Сукачевской рощей и казармами³⁰.

К началу боя подошли эшелоны генерала Скипетрова. Он бросил свои части в обход повстанцев, окружая их правый

фланг. Восставшие солдаты и рабочие начали отступать. В этот момент делегация союзников с белым флагом, под прикрытием чешского бронепоезда, вмешалась в боевые действия и потребовала от Скипетрова прекратить бой и погрузить своих солдат обратно в вагоны. Семеновский генерал в данном случае оказался на удивление исполнительным и пошел навстречу требованиям союзников. 1 января его эшелоны уже стояли на станции Байкал, восточнее Иркутска. Благодаря Скипетрову колчаковские министры лишились сильной вооруженной поддержки, на которую они так надеялись. Несколько дней спустя, по приказу Жанена, чехословацкие legionеры разоружили солдат Скипетрова³¹.

2 января 1920 г. колчаковские министры Червен-Водали, Ханжин, Ларионов приняли предложение союзников и отправились на вокзал для переговоров с ними. Вернувшись в гостиницу «Модерн», они сообщили, что дали согласие на временное перемирие и приняли предложение представителей Антанты сесть за стол переговоров с «Политцентром». Генерал Ханжин сразу же позвонил Сычеву, чтобы тот отдал приказ войскам прекратить огонь. Управляющий делами правительства Г. К. Гинс посчитал такие действия «троектории» капитуляцией перед повстанцами, так как Червен-Водали, Ханжин и Ларионов заключили перемирие до принятия врагом предварительных условий. Его поддержал контр-адмирал М. И. Смирнов, еще ранее появившийся в гостинице в форме английского солдата. Остальные из присутствующих министров одобрили решение «троектории»³².

Затем начался диалог колчаковцев с руководителями восстания. В качестве основы для переговоров «Политцентр» выдвинул следующие требования:

- 1) гарантия того, что двадцатичетырехчасовое перемирие не будет использовано в военных целях;
- 2) передача «Политцентру» имущества и ценностей, которыми распоряжается колчаковское правительство;
- 3) возвращение материальных ценностей, вывезенных «белыми» за пределы Иркутской губернии;
- 4) отзыв войск атамана Г. М. Семенова;
- 5) передача охраны железнодорожных тоннелей (у Байкала) повстанцам;
- 6) разоружение юнкерских училищ и офицерских организаций, принимавших участие в вооруженной борьбе;
- 7) запрет на вывоз с иркутского участка Забайкальской железной дороги паровозов и вагонов, необходимых для обеспечения нормальной работы транспорта;

8) немедленное отречение адмирала А. В. Колчака от верховной власти и передача ее «Политцентру»;

9) сложение Советом министров своих полномочий;

10) отречение атамана Г. М. Семенова от всех должностей, полученных им от колчаковского правительства;

11) ответственные руководители политики правительства Колчака, находящиеся в Иркутске и западнее его, должны предстать перед следствием, а затем — судом — с участием присяжных заседателей, которые должны установить степень виновности каждого из них в настоящей гражданской войне³³.

Только на одно требование, выдвинутое «Политцентром», сразу и безоговорочно согласились министры — уход Колчака с поста Верховного Правителя. Проанализировав и обсудив создавшуюся в Иркутске критическую для колчаковской власти обстановку, когда части Семенова ушли из города, а союзники неприкрыто выражали свои симпатии повстанцам, «троектория» днем 3 января отправляет в Нижнеудинск Верховному Правителю телеграмму. Червен-Водали, Ханжин, Ларионов доводили до сведения Колчака, что остался лишь один выход: «выговаривая через посредство союзного командования охрану порядка и безопасности города», увести на восток войска, «которые этого пожелают», и вывезти «государственные ценности». Для того чтобы там, на востоке, создать новый «антибольшевистский центр». Но непременным условием этих переговоров, гласила далее телеграмма, «является Ваше отречение, так как дальнейшее существование в Сибири, возглавляемой Вами Российской власти невозможно...» Члены правительства предлагали адмиралу отказаться от власти в пользу генерала А. И. Деникина. Они подчеркивали, что на той же точке зрения стоит и министр иностранных дел Сазонов, находящийся в Париже. «Троектория» сообщала Колчаку о возможности его выезда из Нижнеудинска только в одном вагоне под охраной союзников³⁴.

На следующий день состоялось заседание Совета министров. С докладом выступил Ларионов, выразивший общее настроение — власть необходимо сдавать. Решили, если Колчак не ответит на сделанное предложение, то правительство объявит себя верховной властью.

Вечером вновь начались переговоры с «Политцентром». Около полуночи они завершились, не дав никаких результатов. Вскоре всем стало известно, что правительственные войска уходят из города. Начальник гарнизона генерал Сычев, узнав о намерении Совета министров сдать власть, без какого-либо согласования, отдал приказ воинским частям покинуть Иркутск.

Поздно ночью пришло сообщение: Колчак подписал указ о сложении с себя звания «Верховного Правителя» в пользу генерала Деникина. В здании вокзала, где еще недавно шли переговоры, все их участники стали расходиться, не подписав никаких документов. Кое-кто из министров пытался даже шутить, а на перроне в это время уже расставлялись караулы революционных войск. Власть в городе перешла в руки «Политцентра».

Гостиница «Модерн» быстро опустела. Многие колчаковские офицеры и чиновники начали спешно покидать город. Генерал Ханжин, соблюдая осторожность, даже не заглянув в свой вагон № 155 за вещами, отправился к одному из поездов иностранных миссий, в котором и добрался до Читы. Можно сказать, Михаилу Васильевичу повезло, что он так быстро выскользнул из Иркутска, где уже начинались аресты и расстрелы. Многие его коллеги по работе в Совете министров, оставшиеся в городе, оказались позднее в руках большевиков. В мае 1920 г. в Омске над ними устроили показательный судебный процесс. По приговору чрезвычайного революционного трибунала при Сибирском ревкоме А. А. Червен-Водали, Л. И. Шумиловского, Л. А. Ларионова и А. К. Клафтона (бывший директор бюро печати при Верховном Правителе) расстреляли, а остальных арестованных членов правительства «белого адмирала» приговорили к тюремному заключению³⁵.

По прибытии в Читу, «столицу забайкальского атамана», Ханжин первым делом бросился разыскивать свою семью. Он ее нашел в квартире на первом этаже здания бывшей начальной торговой школы. Встреча с родными, конечно, была волнующей.

Атаман Семенов предложил генералу от артиллерии высокую должность в своих войсках, но получил отказ. У Ханжина имелись другие планы. Чувствуя и предвидя близкое и неотвратимое поражение белого движения, Михаил Васильевич решает вместе с семьей эмигрировать из России. Поэтому он просит у Семенова, как главнокомандующего всеми вооруженными силами «белых» на Дальнем Востоке, разрешение на выезд за границу и железнодорожный вагон. Забайкальский атаман удовлетворил просьбу бывшего военного министра.

Сборы Ханжиных оказались недолгими. Они взяли с собой только самое необходимое. И спустя несколько дней выехали в специальном штабном вагоне, прицепленном к железнодорожному составу, в сторону Харбина. Впереди их ждала полная неизвестности и тревог новая жизнь, жизнь на чужбине.

ЧУЖИЕ БЕРЕГА

Поезд шел медленно, часто останавливаясь на каждой полустанке. Дорога в Харбин для Ханжиных оказалась тяжелой и трагичной. Сын Михаила Васильевича восьмилетний Витя заболел скарлатиной. Вся семья переполошилась. На больших станциях дважды вызывали врачей. Но они толком ничего не могли сказать, разводя безнадежно руками, и предлагая поскорее везти мальчика в Харбин, в больницу, где его смогут поставить на ноги. Вите с каждой минутой становилось все хуже и хуже. К несчастью, сердце его не выдержало высокой температуры. За день до приезда он умер¹. Похоронили Витю Ханжина на одном из городских кладбищ Харбина. Так тяжело началась жизнь семьи генерала в эмиграции.

Китай в 1920 г. представлял собой полуколониальную страну, где одни провинции находились под властью военных кликов во главе с китайскими генералами, другие управлялись партией Гоминдан, а на отдельных территориях хозяйничали иностранцы. Все это происходило на фоне междоусобных схваток в борьбе за власть. Для эмигрантов Китай являлся не самым благополучным местом проживания.

Харбин, куда приехали Ханжины в конце января, по своему внешнему облику напоминал российский губернский город, где повсюду слышалась русская речь. История его возникновения и развития тесно связана со строительством Китайско-Восточной железной дороги и появлением в Маньчжурии строительных отрядов из России в конце XIX столетия. Здесь находилось управление КВЖД. Город имел более десятка православных храмов, русские гимназии и университеты, судебные учреждения, на русском языке выходили газеты и журналы. Тут обосновались еврейская, польская, татарская, армянская, грузинская, эстонская и другие общины. Харбин приютил многих, занесенных сюда судьбой в поисках лучшей доли.

Поначалу русские старожилы Маньчжурии, и в особенности Харбина, недоброжелательно встретили беженцев. Десятки тысяч нуждающихся людей нарушили их безмятежную жизнь и заставили задуматься о непрочности своей судьбы. Постепенно это прошло. Они свыклись друг с другом. Эмигранты оказались людьми более высокой культуры, деловой активности и выдержки. На гребне эмигрантской волны в Харбине

появились новые предприятия, лавки, кафешантаны, еще активнее заработал рынок опиума, драгоценностей и других контрабандных товаров.

Отголоски событий гражданской войны в России долетали сюда с большим опозданием. Из местных газет и от офицеров, прибывающих с фронта, генерал Ханжин узнавал о все новых и новых неудачах «белых». В феврале прилетела весть о расстреле в Иркутске бывшего Верховного Правителя А. В. Колчака и бывшего премьер-министра В. Н. Пепеляева. Михаил Васильевич, как человек, хорошо знавший адмирала и главу его правительства, очень сожалел об их трагической кончине.

Талантливый белоэмигрантский поэт Арсений Несмелов, передавая первые впечатления русских беженцев, оказавшихся в чужом краю, в одной из своих поэм писал:

Надменный, как откормленный буржуй,
Харбин вас встретил холодно и грубо ².

Видимо, это в полной мере коснулось и Ханжиных. Семья генерала более месяца вела походный образ жизни в своем вагоне на запасных путях железнодорожной станции Харбин. Они не смогли здесь устроиться, и весной перебрались в портовый город под названием Дайрен, стоявший недалеко от прославленного Порт-Артура, где с небольшим перерывом и прожили до конца эмиграции.

Дайрен с 1904 г. находился под властью японцев. На его главной площади высилось каменное изваяние первому японскому губернатору города. Это был красивый порт, раскинувший свои владения на возвышенностях у живописных берегов Желтого моря. По улицам бегали трамваи. Пассажирами одного из маршрутов являлись исключительно китайцы, большие любители черемши, растения с резким запахом. По этой причине японские власти организовали для них отдельный трамвайный маршрут.

Русских здесь проживало немного. Вскоре в Дайрене открыли гимназию для детей-эмигрантов из России, в холле которой поместили портрет адмирала А. В. Колчака. Выходила небольшим тиражом единственная газета на русском языке.

Японцы, с целью ограничения наплыва беженцев, сначала выдавали им визу на въезд в Дайрен только на один месяц, в течение которого эмигранты должны были найти себе работу. Лишь затем они получали разрешение на постоянное проживание в городе.

Михаилу Васильевичу удалось устроиться на мыловаренный завод, пайщиком которого он стал. Конечно, Ханжина, сугубо

военного человека, тяготило это непривычное для него дело. Однако другой альтернативы для того, чтобы содержать семью, не оставалось. Жизнь на чужбине диктовала свои правила и законы. Для эмигрантов, оказавшихся в столь тяжелой ситуации, материальный интерес почти всегда заслонял собой все остальные.

Ханжины сняли дешевую фанзу (с китайского — дом) в пригородном районе под названием Рокотан. Хозяин фанзы, китаец, оказался очень приветливым и доброжелательным человеком. Он даже знал несколько фраз по-русски. В том числе «его императорское величество государь Николай Александрович». Этому, как он говорил, его научили русские солдаты во время японской войны.

После Ханжиных в Дайрене появились Яковлевы, Большаковы, Геворкяны, Кракановские, а также сын Михаила Васильевича от первого брака Владимир с женой Катей. Позже прибыл со своим окружением и атаман Г. М. Семенов. Благодаря японцам он поселился в курортном местечке Какагаши, что между Дайреном и Порт-Артуром. Имел здесь два фешенебельных особняка.

Жизнь в Дайрене, за исключением городского транспорта, оказалась довольно дешевой. Заработка Михаила Васильевича хватало, чтобы безбедно жить всей семье. Кроме того, сестра генерала Леля, будучи неплохой портнихой, брала заказы на дом.

В городе на каждом углу китайцы предлагали свои услуги, готовые за небольшую плату выполнить любую работу. Главной улицей Дайрена считалась Ямагато-дори, по обеим сторонам которой расположились магазины фирм из Шанхая, Гонконга, Лондона, Нью-Йорка, Харбина. Порядок в отношении городского устройства был идеальным. Дворники и садовники добросовестно выполняли свои обязанности. По улицам и площадям постоянно патрулировали полицейские. Жизнь горожан протекала безмятежно и тихо, так как критиковать и выступать против японских властей считалось отнюдь небезопасным делом.

В целом для Ханжиных все пока складывалось благоприятно. После рождественских праздников в январе 1921 г. в семье родился еще один сын. Его назвали Василием. Отец безмерно радовался появлению ребенка.

Когда летом следующего года Дайрен посетил сибирский общественный деятель, бывший министр снабжений колчаковского правительства И. И. Серебренников, он навестил Михаила Васильевича. «Генерал, — как позднее отмечал Серебрен-

ников в своих воспоминаниях,— произвел на меня приятное впечатление»³.

Однако благополучная жизнь Ханжиных продолжалась недолго. В сентябре 1922 г. Михаил Васильевич покинул Дайрен в поисках работы в связи с закрытием мыловаренного завода. Он отправился в Харбин, но вновь там не сумел устроиться. Ему удалось найти работу в Чаньчуне, где Ханжин стал заведующим конторой по перевалке бобов с Китайско-Восточной на Южно-Маньчжурскую железную дорогу. Сюда же, в Чаньчунь, переехала и вся семья Ханжиных, кроме сестры генерала Лёли.

Однако и в Чаньчуне Михаил Васильевич долго не задержался. Через два года КВЖД перешла в ведение советского правительства, и он оказался без работы.

Вскоре генерал выехал в Мукден, где принял предложение стать руководителем мастерской военно-химического завода, работающего на армию местного китайского правителя генерала Чжан Цзолиня. Ситуация, когда русские офицеры работали или несли службу у китайских генералов, никого не удивляла. Тогда многие русские эмигранты, бывшие военные, ради заработка поступали в китайские войска. И неплохо, кстати, там себя зарекомендовали.

Здесь же Ханжин преподавал в Мукденском артиллерийском кружке офицеров-эмигрантов. Вместе с ним на этом поприще трудился бывший генерал-майор, также окончивший в свое время Михайловское артиллерийское училище, Леонид Яковлевич Симонов. Он был лет на десять старше Михаила Васильевича.

В декабре 1926 г. Ханжин уволился с завода «в связи с плохой оплатой труда», по его собственному выражению, и вновь отправился в Дайрен, где получил должность чертежника в исследовательском отделе при Управлении Южно-Маньчжурской железной дороги. «В функции отдела,— как указывал сам Михаил Васильевич в протоколе допроса, когда его арестовали,— входило изучение Сибири и советского Дальнего Востока с экономической точки зрения и административной. Помимо изучения природных богатств выяснялись перспективы в строительстве военно-промышленных объектов...» Источниками для выполнения данной работы являлись советские газеты, журналы, брошюры, постановления и распоряжения советского правительства, различных отраслевых министерств. Лично Ханжин занимался составлением карт территорий СССР, Монголии и Северных провинций Китая⁴. Японцы хотели много знать о промышленном и военном потенциале своих ближайших соседей.

Еще в начале 20-х годов в Европе был создан Российский Общевоинский Союз. Объединение, являющееся своего рода новой формой существования Белой Армии в эмиграции, провозгласившее своей целью свержение советской власти в России. Штаб-квартира этой наиболее крупной эмигрантской военной организации находилась в Париже на улице Колизе. В разное время Союзом руководили П. Н. Врангель, А. П. Кутепов, Е. К. Миллер, Ф. Ф. Абрамов, А. Л. Архангельский, А. А. фон Лампе. Его отделы стали появляться в странах, где осели бывшие офицеры и участники белого движения.

К деятельности Российского Общевоинского Союза оказался причастен и наш герой. В 1927 г. сам Ханжин организовал военный кружок в Дайрене, и через некоторое время к нему пришло письменное предложение от генерала А. С. Лукомского создать и возглавить 9-й Дальневосточный отдел РОВСа в Китае. Рекомендованная программа предполагала два направления работы: военно-политическое и диверсионно-подрывное. Ханжин решительно отказался руководить отделом в связи с его второй функцией. Тогда Лукомский предложил ему общее руководство в объеме первой части программы, а выполнение второй он возлагал на генерала П. Г. Бурлина. После некоторого колебания Михаил Васильевич согласился⁵. Вскоре по приказу генерала А. П. Кутепова от 29 августа 1928 г. Ханжин стал начальником Дальневосточного отдела РОВСа⁶, организации которого, кроме Дайрена, появились в Мукдене, Харбине, Тяньцзине, Шанхае.

Однако такая военно-политическая деятельность Михаила Васильевича продолжалась в целом недолго. Уже в июне 1930 г. его, по личному ходатайству, освободили от занимаемой должности. Ханжина на посту начальника отдела сменил Дитерихс. При этом генерал Е. К. Миллер, возглавлявший в тот период РОВС, в своем приказе, выражая «сердечную благодарность и признательность» Ханжину, отметил, что он «за короткое сравнительно время сумел и значительно усилить ряды Союза привлечением в него все новых и новых воинских организаций»⁷.

Почему Михаил Васильевич ушел с этого поста? Видимо, он решил держаться подальше от политических бурь, бушующих в среде эмигрантов, не примирившихся с новой властью у себя на родине.

Генерал М. К. Дитерихс, как новый глава РОВСа, обратился с призывом к российским эмигрантам сплотиться для борьбы с советской властью. Однако большого энтузиазма его слова не вызвали. Некоторые военные руководители, такие, как генерал Косьмин, вообще отказались подчиниться ему.

Учитывая эти настроения, Дитерихс выдвинул в качестве своего помощника деятельного генерала Г. А. Вержбицкого, которому удалось добиться частичного объединения белоэмигрантов под флагом Союза. Сам же Дитерихс, объезжая русские колонии, разбросанные по городам Китая, занялся сбором пожертвований на формирование партизанских и диверсионных отрядов для заброски на территорию СССР⁸.

В апреле 1931 г. из-за прошедшего сокращения рабочих мест на Южно-Маньчжурской железной дороге Ханжин вновь стал безработным.

Этот год оказался тяжелым для Китая: в сентябре началась агрессия японцев. Буквально за несколько месяцев Квантунская армия оккупировала всю Маньчжурию. Вскоре над Мукденом, Чаньчунем, Гирином, Цицикаром и Харбином заколыхались флаги Маньчжоу-Го, марионеточного государства, созданного в северо-восточных провинциях японцами.

Все политические партии и организации в Маньчжоу-Го «с целью сохранения единства нации» запретили. Вместо них создали одну, обязательную для всех, правительственную партию под названием Кио-Ва-Кай (общество согласия и мирного сотрудничества народов) с ярко выраженной антикоммунистической направленностью. Опираясь на это общество, японские власти установили тотальный полицейский надзор за населением Маньчжурии, сделав шаг к реализации лозунга «Азия под одной крышей», разумеется, японской⁹.

В то время, когда на сопках Маньчжурии еще шли бои между китайцами и японцами, Ханжин в октябре 1931 г. выехал в поисках работы в Шанхай. Там он поступил в одну из строительных организаций управляющим постройкой жилого дома. Шанхай, ставший пристанищем для многих иностранных фирм и концессий, имел по преимуществу западный облик, являясь своего рода «китайским Нью-Йорком», в отличие от русского Харбина, японского Дайрена и других городов Китая. Однако и здесь фортуна не улыбнулась генералу. Больше года он снова искал работу, чтобы хоть как-то прокормить семью. И, наконец, осенью 1933 г. Михаил Васильевич возвращается в Дайрен, где ему вновь предложили место чертежника в исследовательском отделе при Управлении ЮМЖД. В этом качестве он проработал до сентября 1945 г., пока не был арестован советской контрразведкой.

Этот невысокий, худощавый, крепко сбитый, уже седеющий мужчина с умным и проницательным взглядом карих глаз, с красивым несколько азиатски чувственным рисунком рта и пышными гусарскими усами был одаренным человеком.

Любил играть на флейте и пианино, в совершенстве знал французский язык, уже в эмиграции по самоучителю овладел английским. В пятьдесят лет, найдя в себе силу воли, бросил курить.

Ханжин являлся председателем правления Попечительного Совета по охране русских военных кладбищ Маньчжоу-Го и Квантунской области. Каждый год, в День Поминования, русская эмигрантская общечественность вместе с представителями японских властей возлагала венки на могилы русских воинов.

Среди друзей и знакомых Михаил Васильевич слыл очень верующим человеком, даже фаталистом, верившим в свою судьбу. Однажды, будучи в служебной командировке в Мукдене, Ханжин остановился в доме своего боевого товарища, бывшего полковника Николая Николаевича Покровского, работающего инспектором реального училища. Перед сном Михаил Васильевич решил погадать на Библии о будущем. Открыв страницу наугад, он прочел то место, где голос с небес говорит царю Навуходоносор: «Вздну уздила в ноздри твои и поведу тебя той дорогой, которой ты пришел...» Когда впоследствии Ханжина арестовывали, он выглядел спокойным, так как уже знал свою судьбу¹⁰.

Почти все свободное время Михаил Васильевич проводил с семьей на берегу Желтого моря. К детям был строг, но очень их любил. Всем он дал хорошее воспитание. Со временем они обустроились в эмиграции, обзавелись семьями и жили в относительно достатке. Старшая дочь Агния одно время работала маникюршей в мукденском отеле «Ямато». Вышла замуж. Почти всегда жила в доме отца. Сын генерала Алексей стал бухгалтером дайренского филиала влиятельной в Маньчжурии швейцарской фирмы «Бринер и К». Из всей семьи он более прочно стоял на ногах, имея собственную двухэтажную дачу и легковой автомобиль. Другой сын Игорь с семьей жил в Шанхае, Гирине, Инькоу, затем также перебрался в Дайрен. Работал техником на водозаборе, водителем грузовика, инженером-электриком на судостроительном предприятии. В общем, являлся мастером на все руки. Юрий и Василий сначала вместе учились в английском колледже в Тяньцзине, а потом первый из них устроился на одну из зарубежных фирм Дайрена, второй же продолжил учебу в университете.

Сын генерала от первого брака Михаил вместе с матерью остался на родине, где работал в одном из финансовых учреждений Самарканда. Другой сын Владимир находился, как и отец, в эмиграции. Длительное время он проживал с супругой в Харбине. Зарабатывал на жизнь, будучи проводником на

железной дороге. Его мать Платонида Платоновна и брат Михаил вели с ним переписку и неоднократно приглашали вернуться на родину, сообщая при этом, что имеют разрешение от местных властей на въезд. Владимир несколько раз обращался в советское представительство в Харбине за визой, но всегда получал отказ. Вскоре японская полиция арестовала его «по обвинению в связях с советским консульством». После четырехмесячного заключения и постоянных допросов, ничего не добившись от Владимира, японские власти выслали его из Маньчжурии. Он поселился в Шанхае, устроившись служащим в небольшую конторку. В 1935 г., когда Советский Союз уступил Китайско-Восточную железную дорогу Маньчжоу-Го, и многие советские служащие выехали из Китая, переписка Владимира Ханжина с матерью и братом оборвалась. СССР начал стремительно возводить «железный занавес», отгораживая себя от другого мира глухой стеной.

Так складывалась жизнь в эмиграции этой большой семьи. Хотя в материальном плане они чувствовали себя более-менее благополучно, но тоска по родине, особенно у старшего поколения, брала верх. Иногда, во время праздников, за столом в окружении родных и друзей Михаил Васильевич по-мужски скупо плакал, вспоминая былое...

Среди русских эмигрантов, живущих в Дайрене и с которыми часто общался Ханжин, можно назвать его непосредственного начальника по работе Ивана Герасимовича Гуменюка, одного из состоятельных людей в городе, имевшего очень богатую личную библиотеку. Говорили, что в период русско-японской войны он с помощью своего фотоаппарата запечатлел трагический момент: гибель на рейде в Порт-Артурской бухте флагманского броненосца «Петропавловск». Свои уникальные фотографии Гуменюк отправил в Петербург Николаю Второму. За это, в знак благодарности, царь помог устроить судьбу молодого человека и определить его на учебу в Восточный институт во Владивостоке. Ранее в Дайрене Гуменюк работал подрядчиком на стройках города. Быстро разбогател и построил себе в районе порта очень красивый особняк. Это был интеллигентный и доброжелательный человек.

Дружеские отношения сложились у отставного генерала от артиллерии и с высоким поджарым полковником Леопольдом Леопольдовичем Ловцевичем, бывшим помощником начальника управления колчаковской контрразведки. Ханжин знал его еще по совместной службе в Омской Ставке. Ловцевич оказался предприимчивым человеком и занялся на чужбине пошивом кожаной одежды, сделав приличный капитал на этом ремесле.

Он имел свой дом в Дайрене; чего не могли себе позволить большинство живущих здесь российских эмигрантов. Ханжины, например, никогда не имели в Китае собственного дома, и все время снимали жилье у состоятельных домовладельцев.

Однажды, в день ангела Михаила Васильевича, полковник-предприниматель в знак признательности и уважения подарил ему замшевую куртку. Когда в 1945 г. советские части вошли в Дайрен, Ловцевича арестовали, и он бесследно канул в сибирских лагерях. Его жена вернулась на родину. Дочь Мара, ранее окончившая в Гонконге медицинский институт и в совершенстве знавшая английский язык, работала в Москве в клинике для иностранцев.

Друзьями Ханжиных по эмиграции являлись супруги Медведевы. Василий Львович Медведев, бывший военный летчик, в свое время служивший в Западной армии, на чужбине он стал фотографом и часто снимал Михаила Васильевича, одного и в кругу семьи. Его супруга Евгения Александровна считалась образованной женщиной. Закончив две академии (художеств — в Париже и музыки — в Петербурге), она знала несколько языков и великолепно играла на фортепиано. Впоследствии советские власти арестовали В. Л. Медведева, и он погиб за колючей проволокой ГУЛАГа.

В доме у Михаила Васильевича часто бывал и бывший капеллевский штабс-капитан Алексей Федорович Киселев, работавший бухгалтером в одной солидной фирме. Обладая неплохим голосом, по праздникам он даже пел в церковном хоре. У Алексея Федоровича на руках не было пальцев — последнее Сибирского леяного похода. Он часто болел, и когда в сентябре 1945 г. в Дайрене начались аресты русских эмигрантов, он не выдержал, ожидая своей участи. Арестовать его не успели...

Ханжин также вел переписку со своими однокашниками по Михайловскому артиллерийскому училищу и академии, живущими в Сербии. Благодаря их стараниям, в Белграде вышли две книги воспоминаний бывших юнкеров и учащихся академии под общим названием «Михайловцы».

В культурной жизни Дайрена для его небольшой русской диаспоры яркими событиями стали приезд и выступление со своими концертами Федора Шаляпина, Александра Вертинского и хора донских казаков Сергея Жарова. Ханжины старались не пропускать ни единой такой встречи с артистами-соотечественниками.

Когда Шаляпин пел в Дайрене, ему аккомпанировала на рояле Е. А. Медведева. Послушать великого русского певца

из-за очень дорогих билетов посчастливилось только Елене Павловне и Алексею Ханжиным. После концерта жена Михаила Васильевича, знавшая толк в певческом искусстве, заметила, что голос Шаляпина уже не тот. Сказывались возраст (ведь ему тогда уже перевалило за шестьдесят), состояние здоровья (у него в то время был ларингит) и напряженная концертная программа певца. Но залы, которые собирал Шаляпин, аплодировали ему стоя, восхищаясь исполнительским мастерством артиста.

Голос Александра Вертинского, исполнителя романсов и «песенок настроения», также покориł эмигрантскую публику Дайрена середины 30-х годов. В отличие от Шаляпина, Вертинского считали своим «китайцем», так как он жил в Шанхае.

Радостное ощущение праздника создавал своим песенным мастерством и хор донских казаков С. Жарова. Русская пресса в Маньчжурии неоднократно сообщала о его выступлениях в Румынии, Великобритании, Югославии, Новой Зеландии. Писали, что после концерта хора в Букингемском дворце английский король Георг Пятый сказал Жарову: «Недавно в этом же зале я слушал известный ирландский хор в двести человек. Пели они великолепно, но... им надо бы стоять с зажженными свечами перед вашим хором!» Об артистах Жарова говорили, что это странствующая, дающая каждому ее слышать, Россия¹¹.

Ханжины, как и другие эмигранты, равнодушные к певческому искусству донских казаков, были сильно обеспокоены и встревожены, когда в один из сентябрьских дней 1938 г. узнали, что коллектив Жарова, гастролируя по Германии, и, переезжая на автобусе из Эмса в Кобленц, ночью попал в автокатастрофу. Но, к счастью, все обошлось без жертв.

Для семьи генерала жизнь в портовом городе на берегу Желтого моря после того, как он вновь поступил на работу в исследовательский отдел, в материальном плане складывалась в целом благополучно. Михаил Васильевич с момента своего ухода из Российского Общевоинского Союза стремился вести аполитичный образ жизни. Он не сотрудничал ни с Русской фашистской партией (РФП) во главе с К. В. Родзаевским, ни с администрацией Г. М. Семенова, возглавлявшего Дальневосточный Союз казаков. Между генералом от артиллерии и атаманом существовали довольно натянутые отношения. Однажды, прочитав автобиографическую книгу Семенова «О себе: воспоминания, мысли и выводы», Михаил Васильевич сказал: «Веревка по нему плачет». Его слова оказались пророческими. Действительно, после ареста Семенова советскими

контрразведчиками, его отправили в Москву, где приговорили к смертной казни и повесили ¹².

В 1934 г. было учреждено Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ). С помощью этой организации японцы стремились установить контроль над выходцами из России. Без санкции Бюро эмигрант не мог устроиться на работу, открыть предприятие, поменять место жительства.

В разное время Бюро возглавляли русские военные и политические деятели эмиграции В. В. Рычков, А. Л. Бакшеев, К. В. Родзаевский, В. А. Кислицын, Л. Ф. Власьевский. Но фактически окончательное решение по всем вопросам принимал представитель японской военной миссии.

Бюро имело в своем распоряжении несколько предприятий, библиотеку, мужскую и женскую гимназии, издавало газету «Голос эмигранта» и журнал «Луч Азии». Отделы Бюро находились во многих городах Маньчжурии. Некоторые подразделения БРЭМ выполняли особые поручения японского командования по подготовке молодых людей из числа российских эмигрантов к подрывной и агентурной работе на территории СССР. Служащие Бюро оказывали помощь разведывательным органам Квантунской армии в сборе материалов о промышленном и военном потенциале советской страны ¹³. Вместе с тем БРЭМ оставалось организацией, нацеленной на оказание помощи соотечественникам, страдавшим на чужбине от экономических лишений и полицейского произвола. После смерти генерала В. А. Кислицына в 1943 г. японцы предложили Ханжину занять пост председателя Бюро. Он отказался, еще раз подчеркнув свое нежелание заниматься политикой.

События второй мировой войны, сражения которой гремели далеко от Китая, отразились и на жизни населения Маньчжурии. С первых военных месяцев здесь усилился полицейский режим, активизировалась деятельность русских фашистов.

Известие о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз Михаил Васильевич встретил с негодованием, как и большинство российских эмигрантов, сочувственно относящихся к справедливой борьбе своего народа с нацизмом. Некоторые из них даже мечтали вернуться на родину и с оружием в руках защищать свое Отечество. Однако сталинское руководство в Кремле считало многих из них такими же врагами, как и гитлеровцев, рвавшихся к Москве.

Руководители дальневосточной эмиграции вели себя иначе. Они действовали в русле политики Японии, ставшей в этой войне союзницей Германии. Уже 26 июня 1941 г. В. А. Кислицын обратился к правлению БРЭМ с призывом «осознать

ответственность переживаемого момента... прекратить рознь и сплотиться вокруг меня, как начальника главного бюро». Генерал назвал фашистскую агрессию против СССР «очистительной грозой», которая приведет «к освобождению России». Большой оптимизм среди лидеров эмиграции вызвало нападение японских вооруженных сил на Перл-Харбор и другие базы США¹⁴.

Еще в 1938 г., по указанию японской военной миссии, в составе армии Маньчжоу-Го сформировали «Русский отряд Асано», в котором молодые эмигранты готовились к войне против Советского Союза. В отряд входили кавалерийские и пехотные подразделения. Несколько эскадронов под командованием полковника Я. Я. Смирнова находились на станции Сунгари, а отряд пехоты во главе с майором А. Н. Гукаевым — на станции Ханьдаохедзи. Начиная с 1942 года, все молодые русские эмигранты подлежали мобилизации для прохождения службы в этом отряде¹⁵. В его состав попал и младший сын генерала Ханжина Василий. Как ни стремился Михаил Васильевич, чтобы сын не принимал участия в военных акциях против России, хотя и советской, но все же своей, ничего не удалось сделать. Василия вместе с другими новобранцами, после нескольких месяцев обучения военному делу, отправили нести службу на границу с СССР.

Василий Ханжин еще с ранних лет имел склонность к рисованию, ваянию. Но его здоровье вызывало опасения. Болезнь легких стала прогрессировать после того, как Василия призвали в «отряд Асано». Со службы он вернулся совсем разбитым. У него обнаружили туберкулез. Узнав об этом, Василий в отчаянии уничтожил многие свои картины, скульптуры и даже вылепленный им из глины бюст отца в военном мундире и при всех регалиях. Он умер в сентябре 1945 г. в одной из больниц Харбина.

В 1943 году Михаил Васильевич, неожиданно для самого себя, стал юбиларом. Российская эмигрантская общественность торжественно отметила 50-летие его военной деятельности. Генерал получил многочисленные поздравления. О нем писала пресса.

Война стала ощутимой, когда в последний ее год американские бомбардировщики начали совершать налеты на военно-промышленные центры Маньчжурии. Первые бомбы упали на Дайрен. Ханжиным, как и другим жителям этого портового города, не раз приходилось искать убежище от бомбардировок. В связи с этим японские власти ввели обязательные противовоздушные учения для всего населения Маньчжоу-Го, проводившиеся почти каждую неделю.

В конце апреля 1945 г. подтвердились упорные слухи о неминуемом военном разгроме третьего рейха, когда германское посольство и консульство в Маньчжурии обратились с призывом к своим гражданам соблюдать выдержку и спокойствие. Обычное оживление в учреждениях с нацистскими флагами сменилось мертвой тишиной. Над их крышами поднимался дым от сжигаемых документов и бумаг. 9 мая секретарь германского консульства в Харбине, исполнявший одновременно должность и главы местного гестапо, покончил с собой¹⁶.

Весть о капитуляции Германии вызвала у многих российских эмигрантов чувство гордости за свою страну. Многие из них считали, что в результате испытаний в войне советская власть переродилась и теперь с распростертыми объятиями примет своих сыновей и дочерей, оказавшихся на чужбине. Также ходили слухи об американском десанте, который изменит положение эмигрантов в Маньчжурии к лучшему. Наиболее трезвые головы не верили ни тому, ни другому. Они спокойно ожидали своей участи или уезжали, если имели средства, в другие, более безопасные уголки мира. Ханжины реплики остаться в Дайрене, надеясь на счастливую развязку событий.

Рано утром 9 августа радио сообщило, что накануне министр иностранных дел Советского Союза В. М. Молотов пригласил к себе японского посла в Москве, и объявил ему о переходе Красной Армией границы Маньчжоу-Го и начале военных действий против «Страны восходящего солнца».

После мощных ударов войск маршала А. В. Василевского Квантунская армия, оказывая на отдельных участках фронта яростное сопротивление, все же начала отступать. 14 августа японское правительство, уже ошеломленное атомной бомбардировкой американцев Хиросимы и Нагасаки, приняло решение о капитуляции. В эти дни советские парашютисты появились в Порт-Артуре и Дайрене. За считанные часы они установили свою власть в этих городах. Одни эмигранты встречали их с радостью, а другие — с тревогой.

С приходом в Дайрен советских частей улицы города, обычно по вечерам, заполнялись компаниями пьяных солдат и офицеров, пристрастившихся к «ханже», крепкой китайской водке из гаоляна, которую местное население зачастую употребляло небольшими дозами. Женщины старались как можно реже в эти дни выходить из дома, а если и выбирались, то предпочитали переулки центральным улицам, чтобы не стать объектом настойчивых ухаживаний.

Прибывшие вслед за боевыми частями подразделения СМЕРШа нашли в Маньчжурии хорошо подготовленную

почву для своей деятельности. Здесь с помощью советских консульских служащих и некоторых секретных сотрудников из эмигрантов были подготовлены полные списки лиц, подлежащих аресту. Одним из первых в руки победителей попал Г. М. Семенов. Советские парашютисты ворвались к нему на дачу в Какагаши, где атаман жил со своей семьей под бдительным надзором японцев, и без их ведома даже не мог никуда выехать. Говорили, что в последнее время японские власти совсем от него отвернулись. Семенова отправили в Москву, и там карающий меч советской власти его не пощадил.

Затем начались аресты других эмигрантов, не вызывающих доверия у новых хозяев Дайрена. 15 сентября взяли и Михаила Васильевича с сыном Алексеем. Их арестовали офицеры СМЕРШа 17-й гвардейской дивизии, входившей в состав 39-й советской армии. Когда отца и сына вели по улице, они увидели Юрия, идущего к ним навстречу и очень встревоженного таким зрелищем. Михаил Васильевич и шедший вместе с ним под конвоем Алексей сделали вид, что они не знают Юрия. В тюрьме отца с сыном разлучили. Позже выяснилось, Алексея, как сотрудника иностранной фирмы, обвинили в «шпионаже против СССР» и отправили по этапу в один из сибирских лагерей.

Только 19 октября появилось предъявленное Ханжину постановление на его арест. Свое семидесятичетырехлетие старый генерал встретил уже в заключении. После нескольких месяцев следствия сначала в Дайрене, а затем в Порт-Артуре его под конвоем вывезли в Москву. Там вновь продолжались длительные допросы и судебные процедуры, на которых, кстати, Михаил Васильевич не очень запырлся, полностью признав предъявленные ему обвинения в антисоветской деятельности. Он был стар, и вероятно, уже внутренне приготовился к смерти.

Лишь 30 ноября 1946 г. Особое Совещание при МГБ СССР на основании статей 58-4, 58-8 и 58-1 УК РСФСР приговорило Ханжина к десятилетнему заключению¹⁷. Что же поставили в вину генералу? Печально известная 58-я статья в своих 14-ти пунктах определяла преступления против Советского государства, но она, как это правильно подметил наш писатель А. И. Солженицын, входила в уголовный кодекс. Это подтверждало, что советская страна отказывалась признать кого-либо на своей территории преступником политическим, считая его уголовником¹⁸.

Пункт 4-й статьи 58-й приписывал Михаилу Васильевичу «оказание огромной помощи международной буржуазии». Подобное обвинение в Советском Союзе традиционно предъяв-

лялось всем эмигрантам, покинувшим страну до второй мировой войны. Помимо этого, Ханжина обвинили в шпионаже в пользу Японии в период его работы чертежником в исследовательском отделе при Управлении ЮМЖД. 8-й пункт обвинял генерала в «терроре», вероятно, в годы гражданской войны и эмиграции, когда он занимал высокие командные посты в Белой армии, исполнял должность военного министра колчаковского правительства и являлся главой Дальневосточного отдела РОВС. Последний, 11-й пункт, выступал как отягчающее обстоятельство и говорил о том, что Ханжин боролся против советской власти вместе с другими ее врагами, то есть в организации.

После оглашения приговора Михаил Васильевич облегченно вздохнул. Наконец-то закончилась бесконечная череда допросов и судебных разбирательств, сильно измотавших его, уже явно не молодого человека. Да и приговор суда, по его мнению, оказался не таким суровым. Генерал ожидал худшего. Советские руководители, видимо, предполагали, что семидесятипятилетний старик в тюрьме долго не протянет, и не стали настаивать на смертной казни. Тем более справка, выданная врачебной комиссией после осмотра заключенного, гласила: «Атеросклероз, дистрофия, к физическому труду не годен»¹⁹. Но они ошиблись. Во Владимирской тюрьме, где в основном сидели политзаключенные, Ханжин провел почти девять лет. Там безрадостно и мрачно протекала его жизнь после возвращения на Родину.

Вместо заключения

РЕАБИЛИТИРОВАН ПОСМЕРТНО

Прошли годы. После смерти Сталина страна Советов стала меняться. Начал разваливаться ГУЛАГ. В 1954 г. Михаил Васильевич по амнистии вышел на свободу. Тогда же из сибирского лагеря был освобожден его сын Алексей. Дети и внуки Ханжина с советскими паспортами вернулись на Родину в это же время. Жена генерала Елена Павловна скончалась в эмиграции в 1946 году. Смерть сына и арест мужа окончательно сломили ее. Обрела свой последний приют на чужбине и сестра Ханжина Елена Васильевна.

Выйдя из заключения, Михаил Васильевич поселился в Ташкенте, у сына Михаила. Здесь он встретился со своей пер-

вой супругой Платонидой Платоновной Шепатовской, которая практически все годы, пролетевшие после их разрыва, жила в этом городе. Иногда они вдвоем, по-стариковски, совершали прогулки по улицам Ташкента, посещали могилу советского генерала Ионова, второго мужа Платониды Платоновны, вспоминали прожитые годы.

Однако вскоре Михаил Васильевич засобирался в дорогу. Его приглашал к себе сын Юрий, после эмиграции осевший в Орске. Хотелось посмотреть на родные оренбургские просторы, где прошло детство, где сражался в годы гражданской. И, несмотря на просьбы Платониды Платоновны остаться, Ханжин все-таки уехал. Но в Орске он задержался ненадолго. Последние свои годы Михаил Васильевич провел в Джамбуле. Здесь он когда-то служил, здесь теперь жили с семьями его дети, Алексей и Агния. Он, как утверждают его близкие, в это время много читал, интересовался жизнью страны, но до конца своих дней не мог понять: что стало с Россией, куда она идет?

Джамбул, небольшой город на юге Казахстана, стал его последним пристанищем в этом мире. 20 декабря 1961 г. на 91-м году жизни Михаил Васильевич скончался от инсульта, не приходя в сознание. Смерть его оказалась легкой, он уснул и не проснулся. Похоронили боевого русского генерала на старом джамбульском кладбище.

Сравнительно недавно на основании закона РСФСР от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» М. В. Ханжин был реабилитирован¹.

Так сложилась жизнь этого человека, прошедшего свой тернистый путь от кадета до генерала, от эмигранта до заключенного Владимирской тюрьмы. Он один из тех, кто приумножал боевую славу нашего Отечества, а в годы революционной смуты боролся за сохранение российской государственности. В его судьбе, судьбе русского офицера, отразилась трагедия целого поколения российской интеллигенции, перемолотого коммунизмом.

Каким же человеком являлся генерал Ханжин? Завершая наше повествование, хотелось бы набросать несколько штрихов к его портрету. Нам представляется, что Михаил Васильевич принадлежал к психологической категории так называемых «удачников», для которых акцентированы следующие аспекты развития личности. «Удачники» идут своим путем, не задумываясь, почему они так делают. Они целеустремленны, отзывчивы, стремятся к познанию нового (как тут не вспомнить характеристику обер-воспитателя капитана Ф. Е. Грибеля на кадета Михаила Ханжина). Не расставляют окружающим ловушек,

не зависят от других. Отделяют факты от мнений, избегают ссылок на ложные авторитеты, реагируют соответственно ситуации, имеют свои планы, из многих возможностей выбирают несколько. Такие люди автономны от прошлого и будущего.

Многие факты из жизни генерала свидетельствуют о том, что ему действительно часто сопутствовала удача. Его в годы японской войны пощадил вражеский снаряд, разорвавшийся рядом с ним. Буквально за несколько дней до Октябрьского переворота Михаил Васильевич находился в Петрограде по своим служебным делам, и неизвестно, в какой ситуации он оказался бы, если задержался в столице еще на какое-то время. А декабрьские события 1919 г. в Иркутске, когда на одной из улиц повстанцы окружили автомобиль военного министра Ханжина. Однако и здесь Михаилу Васильевичу улыбнулась удача. Он просто чудом вырвался из этой ловушки. Наконец, приговор, вынесенный ему в Москве по расстрельной 58-й статье, оказался, вопреки его ожиданиям, все-таки не смертным. В общем, удача и везение, во многих случаях, не обходили Ханжина стороной.

Учитывая некоторые жизненные события и реакцию на них, можно предположить, что Михаил Васильевич обладал, скорее всего, темпераментом флегматичным, для которого характерны такие черты, как спокойствие и уравновешенность. Всегда ровный, настойчивый и упорный труженик жизни, Ханжин не тратит напрасно сил: рассчитав их, доводит дело до конца. Не эта ли черта помогла честолюбивому и честному офицеру сделать такую блестящую карьеру? Ему не трудно сдерживать свои импульсы, порывы, строго следовать выработанному распорядку жизни и в юнкерской «каморе», и на фронте, и в тюремной камере.

Думается, в судьбе генерала немалую роль играли чувства, чувства любви и привязанности к жене, к детям, к Родине, чувство долга и ответственности за судьбу России... Но все они, в той или иной мере, скрыты, спрятаны в глубине души не очень щедрого на слова Михаила Васильевича.

Генерала Ханжина нельзя назвать выдающимся героем «белого дела», каковыми в Сибири являлись такие, например, люди, как В. О. Каппель и А. Н. Пепеляев. Однако он был старым грамотным служакой, знавшим свое нелегкое ремесло. Михаил Васильевич показал свой бойцовский характер на полях русско-японской и первой мировой. В гражданскую, командуя Западной армией, в период ее наступления генерал совершил ряд ошибок, которые дорого обошлись «белым». Но это была не только его вина. Понимая сложившуюся ситуацию,

Колчак сначала отправляет его в почетную отставку, а затем, по прошествии нескольких месяцев, берет на одну из ключевых должностей в своем правительстве, поручив ему возглавить военное министерство. Все факты говорят о том, что белый адмирал высоко ценил и уважал военные заслуги Михаила Васильевича, который в столь трудный для России час не уехал за границу, не отсиживался дома, а примкнул к «белому делу».

Если говорить об обвинении в шпионаже, предъявленном Ханжину в здании на Лубянке, когда он работал в исследовательском отделе при Управлении ЮМЖД и участвовал в сборе данных об экономическом и военном потенциале СССР, Монголии и Китая, то вряд ли такую деятельность можно расценивать как враждебные действия против своего Отечества. Во-первых, сбор информации о зарубежных государствах с помощью таких легальных средств, как газеты, журналы, постановления правительства, о чем на следствии засвидетельствовал Михаил Васильевич, нельзя назвать шпионажем. Во-вторых, отставной генерал, даже некогда бывший военным министром колчаковского правительства, контролирующего только отдельные окраины страны, едва ли мог поведать японцам какие-то сверхсекретные тайны. Он занимался простым рутинным делом, вычерчивая топографические карты отдельных районов Китая и других стран. В-третьих, многое из того, что касалось «шпионской деятельности» Ханжина в период эмиграции, могло быть попросту сфабриковано в лучших традициях того времени. И наконец, в-четвертых, 23 июня 1992 года после проверки материалов дела М. В. Ханжина, в том же здании на Лубянке, его полностью реабилитировали и таким образом сняли необоснованные обвинения в шпионаже против СССР.

На протяжении своей жизни, жизни сложной, связанной с взлетами и падениями, Михаил Васильевич оставался интеллигентом, честным офицером и заботливым отцом семейства. Он стойко переносил все жизненные трудности и передрыги, не прячась за чужие спины. Судьба столкнула Ханжина со многими известными людьми, сделав его непосредственным участником бурных событий неспокойного XX века. Такой человек, на наш взгляд, заслуживает того, чтобы о нем знали и помнили.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава первая

- ¹ Унбегаун Б. О. Русские фамилии. М., 1995. С. 131.
- ² Данные предоставлены автору профессором, доктором исторических наук В. С. Кобзовым.
- ³ Рязанов А. Ф. На стыке борьбы за степь. Оренбург, 1928. С. 59.
- ⁴ Ныне город Орск.
- ⁵ Кобзов В. С. Военно-административная структура Оренбургского казачьего войска в XVIII — первой половине XIX века. Челябинск, 1996.
- ⁶ См.: Абрамовский А. П. Становление и развитие народного образования в Оренбургском казачьем войске (1819—1900)//Оренбургское казачье войско. Исторические очерки. Челябинск, 1994.
- ⁷ Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 231.
- ⁸ ГАОО, ф. 6, оп. 18, д. 26, л. 5.
- ⁹ Приемная программа для поступления в первый класс кадетского корпуса. СПб., 1882. С. 9—12.
- ¹⁰ РГВИА, ф. 310, оп. 1, д. 4034, л. 1 об.

Глава вторая

- ¹ Названо в честь первого наместника Оренбургского края И. И. Неплюева (1693—1779).
- ² Шилов Д. Н. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус в эпоху императора Николая Первого//Оренбургское казачье войско. Исторические очерки. Челябинск, 1994. С. 64.
- ³ Данилевич М. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус//Военная быль (Париж), 1960, № 45. С. 11.
- ⁴ РГВИА, ф. 1754, оп. 1, д. 194, лл. 140 об.— 150 об., 180 об.— 183 об.
- ⁵ Там же, лл. 1—206 об.
- ⁶ Данилевич М. Указ. соч. С. 12.
- ⁷ Шилов Д. Н. Указ. соч. С. 68.
- ⁸ Марков А. Кадеты и юнкера. Буэнос-Айрес. 1961. С. 18.
- ⁹ РГВИА, ф. 310, оп. 1, д. 4034, лл. 2 об.— 4.
- ¹⁰ Там же, лл. 2 об.— 3, 4 об.— 5.
- ¹¹ Там же, лл. 2 об.— 3, 7.
- ¹² Там же, л. 6 об.
- ¹³ Там же, лл. 2 об.— 3, 8.
- ¹⁴ Там же, лл. 2 об.— 3, 8 об.— 9.
- ¹⁵ Там же, лл. 2 об.— 3, 10.
- ¹⁶ Там же, лл. 2 об.— 3, 9 об, 10 об.
- ¹⁷ Там же, лл. 2 об.— 3, 10 об.
- ¹⁸ Там же, л. 10 об.
- ¹⁹ Там же, ф. 1754, оп. 1, д. 291, лл. 19 об., 34 об., 40, 46.

- ²⁰ Памятка о георгиевских кавалерах Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса с кратким очерком истории этого заведения. Оренбург, 1913. С. 23—28.

Глава третья

- ¹ Никольский В. П. Счастливые годы// Михайловцы. Сборник воспоминаний. Вып. 2. Белград, 1937. С. 52.
- ² РГВИА, ф. 310, оп. 1, д. 78, лл. 175—176; Извлечения из законоположения о Михайловском артиллерийском училище. Ст. 9//Михайловская артиллерийская академия и училище в годовщину 500-летия русской артиллерии. СПб., 1889. С. 19.
- ³ Куприн А. И. Юнкера//Колесо времени. Избр. произв. М., 1986. С. 379—380.
- ⁴ Михайловская артиллерийская академия и училище накануне их разделения. СПб., 1899. С. 54—56, 58—63.
- ⁵ Стояма В. И. Из прошлого//Михайловцы. Сборник воспоминаний. Вып. 1. Белград, 1936. С. 55.
- ⁶ Лашков С. И. 90-е годы. Артиллерийское училище//Михайловцы. Сборник воспоминаний. Вып. 1. Белград, 1936. С. 76.
- ⁷ Там же. С. 77.
- ⁸ Никольский В. П. Указ. соч. С. 53.
- ⁹ Там же. С. 54.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Батюшин Н. С. Мои юнкерские годы//Михайловцы. Сборник воспоминаний. Вып. 1. Белград, 1936. С. 25.
- ¹² Эггер К. К. Из воспоминаний о современниках//Михайловцы. Сборник воспоминаний. Вып. 1. Белград, 1936. С. 13—14; Никольский В. П. Указ. соч. С. 58.
- ¹³ Батюшин Н. С. Указ. соч. С. 26; Милоданович Е. А. Полвека назад//Михайловцы. Сборник воспоминаний. Вып. 2. Белград, 1937. С. 37.
- ¹⁴ Батюшин Н. С. Указ. соч. С. 28.
- ¹⁵ Михайловская артиллерийская академия и училище в год их 75-летия. СПб., 1896. С. 52.
- ¹⁶ Промтов М. Н. Мои воспоминания//Михайловцы. Сборник воспоминаний. Вып. 1. Белград, 1936. С. 42.
- ¹⁷ РГВИА, ф. 310, оп. 1, д. 5, л. 276 об.; Лашков С. И. Указ. соч. С. 86.
- ¹⁸ Нарбут В. Д. Мои воспоминания//Михайловцы. Сборник воспоминаний. Вып. 2. Белград, 1937. С. 61.
- ¹⁹ Балахшин П. Финал в Китае. Сан-Франциско, 1958. Т. 1. С. 95.
- ²⁰ Нарбут В. Д. Указ. соч. С. 61—62.
- ²¹ РГВИА, ф. 310, оп. 1, д. 79, лл. 133, 134.
- ²² Там же, ф. 310, оп. 1, д. 78, лл. 245 об.— 246 об.; Там же, д. 79, лл. 87 об.— 91.
- ²³ Там же, ф. 310, оп. 1, д. 79, лл. 82—83 об.
- ²⁴ Никольский В. П. Указ. соч. С. 56—58.
- ²⁵ РГВИА, ф. 310, оп. 1, д. 78, лл. 253 об.— 254.

²⁶ Там же, ф. 400, оп. 12, д. 25167, л. 624.

²⁷ Лашков С. И. Указ. соч. С. 93.

Глава четвертая

- ¹ Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 247—248.
- ² Извлечения из законоположения о Михайловской артиллерийской академии. Параграфы: 9, 23, 26.//Михайловская артиллерийская академия и училище в годовщину 500-летия русской артиллерии. СПб., 1889. С. 8—9.
- ³ РГВИА, ф. 310, оп. 1, д. 85, лл. 42, 151, 152.
- ⁴ Лашков С. И. На рубеже столетий. Артиллерийская академия.//Михайловцы. Сборник воспоминаний. Белград, 1936. Вып. 1. С. 104.
- ⁵ Михайловская артиллерийская академия и училище накануне их разделения. Памятная книжка. СПб., 1899. С. 63.
- ⁶ РГВИА, ф. 310, оп. 1, д. 85, лл. 147 об.— 148, 161 об.
- ⁷ Там же, лл. 239 об.— 240 об.
- ⁸ Расписание сухопутных войск, исправленное по 1 апреля 1903 года. СПб., 1903. С. 167; РГВИА, ф. 3919, оп. 1, д. 3, л. 6 об.
- ⁹ РГВИА, ф. 400, оп. 12, д. 25167, л. 624.
- ¹⁰ Там же, ф. 1353, оп. 1, д. 7, л. 59 об.
- ¹¹ Там же, д. 1, лл. 50 об., 92—93 об.
- ¹² Там же.
- ¹³ Беляев Н. Т. Из семейной хроники.//Михайловцы. Сборник воспоминаний. Белград, 1937. Вып. 2. С. 79.
- ¹⁴ Эггер К. К. Из воспоминаний о современниках.//Михайловцы. Сборник воспоминаний. Белград, 1936. Вып. 1. С. 16.
- ¹⁵ РГВИА, ф. 400, оп. 12, д. 25167, л. 624; Расписание сухопутных войск, исправленное по 1 апреля 1903 года. СПб., 1903. С. 162.

Глава пятая

- ¹ Обнинский В. П. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая Второго. М., 1992. С. 68.
- ² Витте С. Ю. Избранные воспоминания (1849—1911). М., 1991. С. 436, 437.
- ³ Табурно И. Правда о войне. СПб., 1905. С. 6—7.
- ⁴ Ханжина А. Политика меня мало интересовала. Воспоминания.//Гостинный двор (Оренбург), 1995, № 1. С. 176.
- ⁵ История русско-японской войны. М., 1977. С. 273.
- ⁶ РГВИА, ф. 400, оп. 12, д. 27728, л. 24 об.
- ⁷ Четков В. На полях Маньчжурии.//Артиллеристы. М., 1939. С. 88.
- ⁸ РГВИА, ф. 400, оп. 12, д. 27728, л. 24 об.
- ⁹ Мартынов Е. И. Из печального опыта русско-японской войны. СПб., 1906. С. 143.
- ¹⁰ Отчет по управлению инспектора артиллерии 1-й Маньчжурской армии. М., 1906. С. 23.
- ¹¹ РГВИА, ф. 400, оп. 12, д. 27728, л. 25 об.
- ¹² Там же, л. 24 об.

Глава шестая

- ¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1921. Т. 1. Вып. 1. С. 7.
- ² Ханжина А. Политика меня мало интересовала. Воспоминания.//Гостиный двор (Оренбург), 1995, № 1. С. 176—177.
- ³ Дельвиц С., Сарнавский В. Исторический очерк деятельности полевого отдела Офицерской артиллерийской школы стрельбы с 1883 по 1907 г. СПб., 1909. С. 21—22.
- ⁴ См.: Сведения о стрельбе полевой артиллерии. Курс полевого отдела офицерской артиллерийской школы. СПб., 1909. Вып. 3.
- ⁵ Деятельность Офицерской артиллерийской школы в 1907 году. СПб., 1908. С. 25; Деятельность Офицерской артиллерийской школы в 1909 году. СПб., 1910. С. 33—34.
- ⁶ Сибирский стрелок (Челябинск), 26 марта 1919 г.
- ⁷ РГВИА, ф. 400, оп. 12, д. 27728, л. 23.
- ⁸ Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 245—246.
- ⁹ Список полковникам по старшинству, составлен по 1 марта 1913 г. СПб., 1913. Ч. 1—3. С. 272.
- ¹⁰ Ханжина А. Указ. соч. С. 177.
- ¹¹ Список полковникам по старшинству, составлен по 1 марта 1913 г. СПб., 1913. Ч. 1—3. С. 272; Сибирский стрелок (Челябинск), 26 марта 1919 г.
- ¹² Список генералам по старшинству, составленный по 15 апреля 1914 г. Пг., 1914. С. 624.
- ¹³ Ханжина А. Указ. соч. С. 177.
- ¹⁴ Сибирский стрелок (Челябинск), 26 марта 1919 г.
- ¹⁵ Ханжина А. Указ. соч. С. 178.
- ¹⁶ История первой мировой войны М., 1975. Т. 1. С. 96—97.
- ¹⁷ Список генералам по старшинству, составленный по 15 апреля 1914 года. Пг., 1914. С. 624.
- ¹⁸ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 1983. С. 47.
- ¹⁹ Там же.

Глава седьмая

- ¹ История первой мировой войны. М., 1975. Т. 1. С. 340—341.
- ² Там же. С. 344.
- ³ РГВИА, ф. 3695, оп. 1, д. 10, лл. 5—16.
- ⁴ Ханжина А. Политика меня мало интересовала. Воспоминания.//Гостиный двор (Оренбург), 1995, № 1. С. 178.
- ⁵ Черкасов П. Штурм Перемышля. Л., 1927. С. 92.
- ⁶ Там же. С. 103—105.
- ⁷ Баканов В., Семенов В. Призвание — защищать Родину.//Магнитогорский металл, 2 ноября 1995 года.
- ⁸ Черкасов П. Указ. соч. С. 136—137.
- ⁹ Там же. С. 129.
- ¹⁰ РГВИА, ф. 3695, оп. 1, д. 10, л. 56 об.
- ¹¹ Высочайшие приказы за ноябрь 1915 г.//Библиотека РГВИА, инв. № 14812, л. 147.

- ¹² РГВИА, ф. 2202, оп. 2, д. 26, ч. 1, лл. 166—168.
- ¹³ Там же, ф. 2342, оп. 1, д. 18, л. 136.
- ¹⁴ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 1983. С. 151.
- ¹⁵ Высочайшие приказы за июль 1915 года.//Библиотека РГВИА, инв. № 14810, л. 468 об.
- ¹⁶ Ханжина А. Указ. соч. С. 179.
- ¹⁷ РГВИА, ф. 2342, оп. 1, д. 264, лл. 1—8.
- ¹⁸ Там же, ф. 2135, оп. 1, д. 1, лл. 2—35 об.
- ¹⁹ Там же, лл. 2, 37 об.— 38.

Глава восьмая

- ¹ РГВИА, ф. 2093, оп. 1, д. 13 (ч. 1), лл. 158 об.— 159.
- ² Там же, лл. 49—50.
- ³ Там же, лл. 72, 95.
- ⁴ Деникин А. И. Очерки смуты. Париж, 1921. Т. 1. Вып. 1. С. 59.
- ⁵ Там же. С. 61.
- ⁶ РГВИА, ф. 2093, оп. 1, д. 2, л. 92.
- ⁷ Там же, л. 106.
- ⁸ Морозов Н. Н. Гогенцоллерны в Румынии.//Новая и новейшая история, 1995, № 1. С. 167.
- ⁹ РГВИА, ф. 2085, оп. 2, д. 8, л. 373.
- ¹⁰ Деникин А. И. Указ. соч. С. 68—69.
- ¹¹ Там же. С. 71.
- ¹² РГВИА, ф. 2093, оп. 1, д. 2, л. 89.
- ¹³ Деникин А. И. Указ. соч. С. 80.
- ¹⁴ РГВИА, ф. 2011, оп. 1, д. 406, лл. 6—8.
- ¹⁵ Там же, л. 10.
- ¹⁶ Деникин А. И. Указ. соч. Т. 1. Вып. 2. С. 198.
- ¹⁷ Ханжина А. Политика меня мало интересовала. Воспоминания.// Гостинный двор (Оренбург), 1995, № 1. С. 180.
- ¹⁸ РГВИА, ф. 2011, оп. 1, д. 406, л. 15.
- ¹⁹ Там же, л. 16.
- ²⁰ Там же, лл. 23—33.
- ²¹ Ханжина А. Указ. соч. С. 180.
- ²² Там же. С. 181.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.

Глава девятая

- ¹ Баканов В., Семенов В. Призвание — защищать Родину.//Магнитогорский металл, 21 декабря 1995 г.
- ² Там же.
- ³ Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917—1918 гг. Пало-Альто, Калифорния, 1937. Кн. 8. Ч. 4. С. 16—17.
- ⁴ РГВА, ф. 39512, оп. 1, д. 58, л. 1.

- ⁵ Там же, ф. 39617, оп. 1, д. 133, л. 304; Там же, д. 258, л. 4.
⁶ Там же, ф. 39512, оп. 1, д. 66, лл. 140, 319.
⁷ Там же, д. 4, л. 184.
⁸ Там же, д. 59, л. 151.
⁹ Там же, д. 58, лл. 11, 57.
¹⁰ Там же, лл. 54 об., 63, 157 об.
¹¹ Там же, лл. 31, 71.
¹² Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 75.
¹³ РГВА, ф. 39617, оп. 1, д. 37, лл. 4—5.
¹⁴ Там же, л. 5 об.
¹⁵ Там же, лл. 5 об.— 6.
¹⁶ Там же, л. 6.
¹⁷ Иоффе Г. З. Указ. соч. С. 70.
¹⁸ РГВА, ф. 39617, оп. 1, д. 37, лл. 6 об.— 7.
¹⁹ Там же, лл. 6 об.— 8.
²⁰ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1922. Т. 2. С. 340.
²¹ РГВА, ф. 39617, оп. 1, д. 5, л. 6.
²² Филатьев Д. В. Катастрофа белого движения в Сибири. Париж, 1985. С. 48—49.
²³ РГВА, ф. 39512, оп. 1, д. 58, л. 17.
²⁴ Плотников И. Ф. В белогвардейском тылу. Большеви́стское подполье и партизанское движение на Урале в период гражданской войны. Свердловск, 1978. С. 14.
²⁵ РГВА, ф. 39512, оп. 1, д. 4, л. 117.
²⁶ Там же, лл. 186—188.
²⁷ Баканов В., Семенов В. Указ. соч.//Магнитогорский металл, 26 декабря 1995 г.
²⁸ Плотников И. Ф. Десять тысяч героев. М., 1967. С. 80.
²⁹ РГВА, ф. 39512, оп. 1, д. 4, л. 362.
³⁰ Плотников И. Ф. В белогвардейском тылу... С. 17—18.
³¹ Там же. С. 18.
³² РГВА, ф. 39512, оп. 1, д. 66, лл. 12—13 об.
³³ Плотников И. Ф. Десять тысяч героев... С. 175—176, 187—188.
³⁴ Блюхер В. К. К истории 30-й стрелковой дивизии.//Статьи и речи. М., 1963. С. 53.
³⁵ РГВА, ф. 39512, оп. 1, д. 59, лл. 4, 107 об.
³⁶ Там же, д. 13, л. 75.
³⁷ Там же, д. 41, л. 19; д. 13, л. 274.
³⁸ Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 139.
³⁹ ГАРФ, ф. 176, оп. 7, д. 7, л. 157.
⁴⁰ Записки белогвардейца.//Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 10. С. 89.
⁴¹ РГВА, ф. 39512, оп. 1, д. 59, л. 88 об.
⁴² Там же, д. 58, л. 145; д. 59, л. 83.
⁴³ Там же, д. 58, л. 225.
⁴⁴ Там же, л. 110 об.
⁴⁵ Там же, д. 13, л. 220.
⁴⁶ Там же, д. 58, лл. 198—199.
⁴⁷ Там же, д. 59, л. 74.

- ⁴⁸ Войнов В. М. Офицерский корпус белых армий на востоке страны (1918—1920). // Отечественная история. 1994, № 6.
- ⁴⁹ РГВА, ф. 39512, оп. 1, д. 66, л. 320 об.; д. 58, л. 108.
- ⁵⁰ Там же, д. 58, л. 75; д. 59, л. 147.
- ⁵¹ Там же, ф. 39499, оп. 1, д. 190, л. 10.
- ⁵² Там же, ф. 39512, оп. 1, д. 58, л. 25.
- ⁵³ Там же, л. 13.
- ⁵⁴ Там же, лл. 85, 114.
- ⁵⁵ Там же, л. 13.
- ⁵⁶ Там же, д. 59, лл. 56—59.
- ⁵⁷ Из Конституции Уфимской Директории. // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 12. С. 190.
- ⁵⁸ РГВА, ф. 39512, оп. 1, д. 58, л. 153.
- ⁵⁹ Головин Н. Н. Указ. соч. С. 115—116.
- ⁶⁰ РГВА, ф. 39624, оп. 1, д. 2, л. 9.
- ⁶¹ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Белград, 1930. Ч. 2. С. 104.
- ⁶² Болдырев В. Г. Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск, 1925. С. 106.
- ⁶³ Там же. С. 110.
- ⁶⁴ РГВА, ф. 39624, оп. 1, д. 2, л. 100 об.
- ⁶⁵ Там же, ф. 39512, оп. 1, д. 66, л. 310.

Глава десятая

- ¹ ГА РФ, ф. 176, оп. 3, д. 42, л. 442.
- ² РГВА, ф. 39512, оп. 1, д. 59, лл. 170—171.
- ³ Какурин Н. Е. Как сражалась революция. М., 1990. Т. 2. С. 122.
- ⁴ Сибирский стрелок (Челябинск), 30 января 1919 г.
- ⁵ РГВА, ф. 39624, оп. 1, д. 206, л. 110.
- ⁶ Там же, д. 219, лл. 359—364; д. 137, лл. 389—390 об.
- ⁷ Там же, д. 136, лл. 27, 28, 41—42; д. 138, л. 45.
- ⁸ Еленевский А. Военные училища в Сибири (1918—1922). // Военная быль (Париж), 1963, № 61. С. 30.
- ⁹ РГВА, ф. 39624, оп. 1, д. 136, лл. 33, 36; д. 137, л. 340.
- ¹⁰ Там же, д. 186, лл. 316, 318.
- ¹¹ Там же, л. 342.
- ¹² Сибирский стрелок (Челябинск), 22 февраля 1919 г.
- ¹³ Утро Сибири (Челябинск), № 103, май 1919 г.; РГВА, ф. 254, оп. 1, д. 237, л. 104.
- ¹⁴ РГВА, ф. 39624, оп. 1, д. 219, л. 277.
- ¹⁵ Там же, д. 138, л. 124.
- ¹⁶ Там же, д. 137, лл. 60, 62—63.
- ¹⁷ Там же, д. 219, л. 45.
- ¹⁸ Там же, д. 138, лл. 20, 29, 72.
- ¹⁹ Там же, л. 15.
- ²⁰ Там же, д. 41, лл. 4 об.— 5.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же, л. 21.

- ²³ Там же, д. 137, л. 272.
- ²⁴ Там же, лл. 103, 205.
- ²⁵ Баканов В., Семенов В. Призвание — защищать Родину.//Магнитогорский металл, 27 января 1996 г.
- ²⁶ РГВА, ф. 39624, оп. 1, д. 137, лл. 393—396 об.
- ²⁷ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Ч. 3. Т. 1. Белград, 1930, С. 29.
- ²⁸ Сибирский стрелок (Челябинск), 13 февраля 1919 г.; Там же, 18 февраля 1919 г.
- ²⁹ РГВА, ф. 39624, оп. 1, д. 219, л. 225.
- ³⁰ Там же, д. 11, л. 52.
- ³¹ Эйхе Г. Х. Уфимская авантюра Колчака (март-апрель 1919 г.). М., 1960. С. 55—56.
- ³² РГВА, ф. 39624, оп. 1, д. 11, л. 31.
- ³³ Эйхе Г. Х. Указ. соч. С. 56—57.
- ³⁴ РГВА, ф. 39624, оп. 1, д. 11, лл. 49—51.
- ³⁵ Там же, д. 92, лл. 47, 54.
- ³⁶ Эйхе Г. Х. Указ. соч. С. 80—81.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ РГВА, ф. 39624, оп. 1, д. 137, л. 112; Сибирский стрелок (Челябинск), 14 марта 1919 г.
- ³⁹ Какурин Н. Е. Указ. соч. Т. 2. С. 155.
- ⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 317; Волкогонов Д. А. Троцкий. Кн. 1. М., 1992. С. 302.
- ⁴¹ РГВА, ф. 106, оп. 1, д. 58, л. 47.
- ⁴² Сибирский стрелок (Челябинск), 26 марта 1919 г.
- ⁴³ РГВА, ф. 39624, оп. 1, д. 137, л. 152; Сибирский стрелок (Челябинск), 27 марта 1919 г.
- ⁴⁴ Там же, д. 186, л. 72 об.
- ⁴⁵ Сибирский стрелок (Челябинск). 9 апреля 1919 г.
- ⁴⁶ Записки белогвардейца.//Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 10. С. 105.
- ⁴⁷ РГВА, ф. 39624, оп. 1, д. 2, л. 31.
- ⁴⁸ Сибирский стрелок (Челябинск). 26 марта 1919 г.; Там же, 27 марта 1919 г.
- ⁴⁹ Там же, 28 марта 1919 г.
- ⁵⁰ РГВА, ф. 39499, оп. 2, д. 2, л. 64 об.
- ⁵¹ ГА РФ, ф. 176, оп. 3, д. 56, л. 70.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же, л. 71.
- ⁵⁴ Эйхе Г. Х. Указ. соч. С. 191—192.
- ⁵⁵ Там же. С. 192.
- ⁵⁶ Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918—1922). Рига, 1930. С. 75—76.
- ⁵⁷ РГВА, ф. 39624, оп. 1, д. 153, л. 1.
- ⁵⁸ Там же, д. 137, л. 275.
- ⁵⁹ Там же, д. 136, л. 24.
- ⁶⁰ Дневник барона А. Будберга.//Архив русской революции. М., 1992. Кн. 7. Т. 14. С. 235, 237.

- ⁶¹ Сибирский стрелок (Уфа), 15 мая 1919 г.
- ⁶² РГВА, ф. 39624, оп. 1, д. 186, л. 303.
- ⁶³ Великая Россия (Уфа), 24 мая 1919 г.; РГВА, ф. 39624, оп. 1, д. 136, л. 11.
- ⁶⁴ РГВА, ф. 39624, оп. 1, д. 138, л. 69.
- ⁶⁵ Уфимец (изд. штаба 2-го Уфимского корпуса), 8 июня 1919 г.
- ⁶⁶ Богданов К. А. Адмирал Колчак. СПб., 1993. С. 233.
- ⁶⁷ Сахаров К. В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923. С. 106.
- ⁶⁸ Друг армии и народа (изд. штаба Западной армии), 25 июня 1919 г.
- ⁶⁹ РГВА, ф. 39624, оп. 1, д. 138, л. 135.
- ⁷⁰ Петров П. П. Указ. соч. С. 101.

Глава одиннадцатая

- ¹ Устрялов Н. В. В борьбе за Россию. Харбин, 1920. С. 76.
- ² Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 223.
- ³ ГА РФ, ф. 176, оп. 3, д. 42, л. 395.
- ⁴ Будберг А. Дневник. // Архив русской революции. М., 1992. Кн. 7. Т. 14. С. 304.
- ⁵ ГА РФ, ф. 176, оп. 14, д. 189, л. 11.
- ⁶ Там же, оп. 3, д. 42, л. 389.
- ⁷ ГА РФ, ф. 176, оп. 14, д. 141, л. 1; Правительственный вестник (Омск), 25 октября 1919 г.; Там же, 24 октября 1919 г.; Там же, 6 ноября 1919 г.; Там же, 4 ноября 1919 г.
- ⁸ ГА РФ, ф. 176, оп. 6, д. 96, л. 4; Правительственный вестник (Омск), 28 октября 1919 г.; РГВА, ф. 39597, оп. 1, д. 80, л. 191 об.
- ⁹ Иоффе Г. З. Указ. соч. С. 232—233.
- ¹⁰ Там же. С. 241.
- ¹¹ Филатьев Д. В. Катастрофа белого движения в Сибири. Париж, 1985. С. 72; Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982. С. 388.
- ¹² Серебренников И. И. Мои воспоминания. Тяньцзинь, 1937. Т. 1. С. 265.
- ¹³ РГВА, ф. 39597, оп. 2, д. 54, лл. 76—77 об.
- ¹⁴ Иоффе Г. З. Указ. соч. С. 234—235.
- ¹⁵ РГВА, ф. 39597, оп. 2, д. 54, лл. 90—92.
- ¹⁶ Там же, оп. 1, д. 80, л. 27.
- ¹⁷ Богданов К. А. Адмирал Колчак. СПб., 1993. С. 260.
- ¹⁸ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. 2. С. 458—459.
- ¹⁹ Архив русской революции. М., 1991. Кн. 5. Т. 10. С. 180.
- ²⁰ ГА РФ, ф. 176, оп. 6, д. 154, л. 4.
- ²¹ РГВА, ф. 39597, ф. 39597, оп. 1, д. 100, л. 108.
- ²² Там же, лл. 166 об.— 169.
- ²³ Последние дни колчаковщины. М.— Л., 1926. С. 168.
- ²⁴ Архив русской революции. М., 1991. Кн. 5. Т. 10. С. 181.
- ²⁵ Там же. С. 181—182.
- ²⁶ РГВА, ф. 39597, оп. 1, д. 100, л. 380.
- ²⁷ Там же, д. 72, л. 1.

- ²⁸ Ханжина А. Политика меня мало интересовала. Воспоминания.//Гостинный двор (Оренбург), 1995. № 1. С. 182.
- ²⁹ Серебренников И. И. Указ. соч. Т. 1. С. 276—277.
- ³⁰ Гордеев М. Н. Попытка спасти адмирала Колчака.//Луч Азии (Харбин), 1938. № 42. С. 41.
- ³¹ Там же.
- ³² Гинс Г. К. Указ. соч. Т. 2. С. 490—492.
- ³³ Там же. С. 493.
- ³⁴ Последние дни колчаковщины... С. 162—163.
- ³⁵ Голинков Д. Н. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1986. Кн. 2. С. 20—21.

Глава двенадцатая

- ¹ Ханжина А. Политика меня мало интересовала. Воспоминания.//Гостинный двор (Оренбург), 1995. № 1. С. 183.
- ² Несмелов А. Броневики.//Вольная Сибирь. (Прага) 1929. № 6—7. С. 49.
- ³ Серебренников И. И. Мои воспоминания. Тяньцзинь, 1940. Т. 2. С. 164.
- ⁴ Баканов В., Семенов В. Призвание — защищать Родину.//Магнитогорский металл, 1 февраля 1996.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Часовой (Париж), 1930. № 35. С. 2.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Балакишин П. Финал в Китае. Сан-Франциско, 1958, Т. 1. С. 120.
- ⁹ Дубинина Н. И., Ципкин Ю. Н. Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции.//Отечественная история, 1996. № 6. С. 77.
- ¹⁰ Семенов В. Г. Знаток российской артиллерии.//Оренбургская неделя, декабрь 1992 г. № 49.
- ¹¹ Волкова М. С русской песней по всему свету.//Луч Азии (Харбин), 1938. № 49. С. 27.
- ¹² См.: Правда, 30 августа 1946 г.
- ¹³ Балакишин П. Указ. соч. Т. 1. С. 182—183.
- ¹⁴ Дубинина Н. И., Ципкин Ю. Н. Указ. соч. С. 81—82.
- ¹⁵ Балакишин П. Указ. соч. Т. 1. С. 171.
- ¹⁶ Там же. Т. 2. С. 25.
- ¹⁷ Баканов В., Семенов В. Указ. соч.//Магнитогорский металл, 28 сентября 1995.
- ¹⁸ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ.//Мал. собр. соч. М., 1991. Т. 5. С. 52.
- ¹⁹ Баканов В., Семенов В. Указ. соч.//Магнитогорский металл, 28 сентября 1995.

Вместо заключения

- ¹ Справка о реабилитации М. В. Ханжина от 23 августа 1992 года. № 13/3—2666—92. Выдана прокуратурой РФ.

БИБЛИОГРАФИЯ

---

1. Архивные материалы

1. ГАОО, ф. 6 (Канцелярия оренбургского генерал-губернатора), оп. 18, д. 26.
2. ГА РФ, ф. 176 (Совет министров, г. Омск), оп. 3, д. 42, 56; оп. 6, д. 96, 154; оп. 7, д. 7; оп. 14, д. 189, 141.
3. РГВА, ф. 106 (Штаб Восточного фронта), оп. 1, д. 58.
4. РГВА, ф. 254 (Штаб Южной группы Восточного фронта), оп. 1, д. 237.
5. РГВА, ф. 39499 (Штаб Верховного Главнокомандования Всероссийского правительства), оп. 2, д. 2.
6. РГВА, ф. 39512 (Управление Уральского армейского корпуса), оп. 1, д. 1, 4, 13, 58, 59, 66.
7. РГВА, ф. 39597 (Военное министерство Всероссийского правительства, г. Омск), оп. 1, д. 72, 80, 100; оп. 2, д. 54.
8. РГВА, ф. 39617 (Штаб Западно-Сибирской армии), оп. 1, д. 5, 37, 133, 258.
9. РГВА, ф. 39624 (Штаб Западной армии), оп. 1, д. 2, 11, 41, 92, 136, 137, 138, 153, 206, 219.
10. РГВИА, ф. 310 (Михайловская артиллерийская академия и училище), оп. 1, д. 75, 78, 79, 85, 4034.
11. РГВИА, ф. 400 (Главный штаб), оп. 12, д. 25167, 27728.
12. РГВИА, ф. 409 (Коллекция послужных списков), оп. 1, д. 325—702, 325—709, 325—756.
13. РГВИА, ф. 1353 (Офицерская артиллерийская школа стрельбы, Царское Село), оп. 1, д. 1, 7.
14. РГВИА, ф. 1754 (Оренбургский Неплюевский кадетский корпус), оп. 1, д. 194, 291.
15. РГВИА, ф. 2011 (Управление полевого инспектора артиллерии при Верховном Главнокомандующем, г. Могилев), оп. 1, д. 406, 410.
16. РГВИА, ф. 2085 (Штаб помощника Главнокомандующего армией Румынского фронта), оп. 2, д. 2.
17. РГВИА, ф. 2093 (Управление инспектора артиллерии армий Румынского фронта), оп. 1, д. 2, 13 (ч. 1).
18. РГВИА, ф. 2135 (Управление инспектора артиллерии 8-й армии), оп. 1, д. 1.
19. РГВИА, ф. 2202 (Управление инспектора артиллерии 12-го корпуса), оп. 2, д. 26 (ч. 1).
20. РГВИА, ф. 2342 (Управление 12-й пехотной дивизии), оп. 1, д. 18, 264.
21. РГВИА, ф. 3695 (12-й армейский корпус), оп. 1, д. 10.

22. РГВИА, ф. 3919 (1-я Туркестанская артиллерийская бригада), оп. 1, д. 3.
23. Справка о реабилитации М. В. Ханжина от 23.06.92 № 13/3—2666—92. Выдана прокуратурой РФ.//Личный архив Ю. М. Ханжина.

2. Опубликованные документы

24. Из конституции Уфимской Директории.//Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 12.
25. Пионтковский С. А. Гражданская война в России (1918—1921). Хрестоматия. М., 1925.
26. Последние дни колчаковщины. Сборник документов. М.— Л., 1926.
27. Приказы по РОВС.//Часовой (Париж), 1930. № 35.
28. Протоколы допроса адмирала Колчака чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске в январе-феврале 1920 г.//Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 10.
29. Российская эмиграция в Маньчжурии. Военно-политическая деятельность (1920—1945). Сборник документов. Юж. Сахалинск, 1994.

3. Газеты

30. Великая Россия (Уфа), 24 мая 1919 г.
31. Друг армии и народа (изд. штаба Западной армии) 25 июня 1919 г.
32. Правда, 30 августа 1946 г.
33. Правительственный вестник (Омск), 26 февраля, 11, 17, 24, 25, 28 октября, 4, 6, 7 ноября 1919 г.
34. Сибирский стрелок (Челябинск), 30 января, 1, 13, 16, 18, 22 февраля, 9, 14, 16, 19, 26, 27, 28 марта, 2, 9 апреля 1919 г.
35. Сибирский стрелок (Уфа), 27 апреля, 9, 15 мая 1919 г.
36. Утро Сибири (Челябинск), № 103, май 1919 г.
37. Уфимец (изд. штаба 2-го Уфимского армейского корпуса), 18, 25 мая, 5, 8, 25, 30 июня 1919 г.

4. Дневники, мемуары, воспоминания

38. Арнольд *Л. В.* Белый Омск. Шанхай, 1935.
39. Болдырев *В. Г.* Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск, 1925.
40. Брусилов *А. А.* Мои воспоминания. М., 1983.
41. Будберг *А.* Дневник.//Архив русской революции. М., 1992. Кн. 7. Т. 14.

42. *Витте С. Ю.* Избранные воспоминания (1849—1911). М., 1991.
43. *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. 1—2.
44. *Гордеев М. Н.* Попытка спасти адмирала Колчака. // *Луч Азии* (Харбин), 1938. № 42.
45. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Париж — Берлин, 1921—1926. Т. 1—5.
46. Записки белогвардейца. // *Архив русской революции*. Берлин, 1923. Т. 10.
47. *Иванов В.* В гражданской войне. Харбин, 1921.
48. *Лешко О.* Русские в Маньчжуге. Шанхай, 1937.
49. Михайловцы. Сборник воспоминаний. Вып. 1—2. Белград, 1936—1937.
50. *Петров П. П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918—1922). Рига, 1930.
51. *Сихаров В. К.* Белая Сибирь. Мюнхен, 1923.
52. *Семенов Г. М.* О себе. Воспоминания, мысли и выводы. 1938. Б. м.
53. *Серебрянников И. И.* Мои воспоминания. Тяньцзинь, 1937—1940. Т. 1—2.
54. *Устрялов Н. В.* В борьбе за Россию. Харбин, 1926.
55. *Ханжина А.* Политика меня мало интересовала. Воспоминания. // *Гостиный двор* (Оренбург), 1995. № 1.

5. Исследования

56. *Абрамовский А. П.* Становление и развитие народного образования в Оренбургском казачьем войске (1819—1900). // *Оренбургское казачье войско. Исторические очерки*. Челябинск, 1994.
57. *Акулинин И. Г.* Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. Шанхай, 1937.
58. *Алпатов Н. И.* Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа. М., 1958.
59. *Баканов В., Семенов В.* Призвание — защищать Родину. // *Магнитогорский металл*, 1995, № 187—244; 1996. № 9—20.
60. *Балакишин П.* Финал в Китае. Сан-Франциско, 1958—1959. Т. 1—2.
61. *Барсуков Е. З.* Артиллеристы мировой войны. // *Артиллеристы*. М., 1939.
62. *Он же.* Артиллерия русской армии (1900—1917). М., 1948. Т. 1.
63. *Богданов К. А.* Адмирал Колчак. СПб., 1993.
64. *Белой А.* Галицийская битва. М.—Л., 1929.
65. *Беляев И. Т.* Артиллерия в русско-японскую войну. // *Артиллерийский журнал*. СПб., 1910. № 7.
66. *Войнов В. Н.* Офицерский корпус белых армий на востоке страны (1918—1920). // *Отечественная история*, 1994. № 6.

67. Волков Е. В. Михаил Васильевич Ханжин: судьба колчаковского генерала. // История «белой» Сибири. Тезисы 2-й научной конференции. Кемерово, 1997.
68. Он же. Страницы жизни генерала М. В. Ханжина. // Оренбургское казачье войско. Военная служба и общественная жизнь. Челябинск, 1997.
69. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993.
70. Волкогонов Д. А. Троцкий. М., 1992. Кн. 1—2.
71. Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1986. Кн. 1—2.
72. Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917—1918 гг. Пало-Альто, Калифорния, 1937. Ч. 1—5.
73. Гродский Г. Михайловское артиллерийское училище и академия в XIX столетии. СПб. 1905. Ч. 1.
74. Данилевич М. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. // Военная быль (Париж), 1960. № 45.
75. Дельвиг С., Сарнавский В. Исторический очерк деятельности полевого отдела Офицерской артиллерийской школы стрельбы с 1883 по 1907 г. СПб., 1909.
76. Дерябин А. Белые армии в гражданской войне в России. М., 1994.
77. Дубинина Н. И., Ципкин Ю. Н. Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции. // Отечественная история, 1996. № 6.
78. Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982.
79. Еленевский А. Военные училища в Сибири (1918—1922). // Военная быль (Париж), 1963. № 61—65.
80. Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. М., 1973.
81. Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983.
82. История первой мировой войны. М., 1975. Т. 1—2.
83. История русско-японской войны. М., 1977.
84. Какурин Н. Е. Восстание чехословаков и борьба с Колчаком. М.—Л., 1928.
86. Он же. Как сражалась революция. М., 1990. Т. 1—2.
87. Кобзов В. С. Военно-административная структура Оренбургского казачьего войска в XVIII — первой половине XIX века. Челябинск, 1996.
89. Марков А. Кадеты и юнкера. Буэнос-Айрес, 1960.
90. Мартынов Е. И. Из печального опыта русско-японской войны. СПб., 1906.
91. Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Белград, 1930—1931. Ч. 1—3. Т. 1—2.
92. Милюков П. Россия на переломе. Париж, 1927. Т. 2.
93. Морозов Н. Н. Гогенцоллерны в Румынии. // Новая и новейшая история, 1995. № 1.

94. Обнинский В. П. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая Второго. М., 1992.
95. Огородников Ф. Удар по Колчаку весной 1919 г. М., 1938.
96. Памятка о георгиевских кавалерах Неплюевского кадетского корпуса с кратким очерком истории этого заведения. Оренбург, 1913.
97. Плотников И. Ф. Десять тысяч героев. М., 1967.
98. Он же. В белогвардейском тылу. Свердловск, 1978.
99. Русско-японская война. Вып. 3. Ляоян. СПб., 1912.
100. Рязанов А. Ф. На стыке борьбы за степь. Оренбург, 1928.
101. Семенов В. Г. Кавалеры ордена Святого Георгия Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1992.
102. Он же. Его пенили Брусилов и Колчак. // Оренбургская неделя, 2 октября 1992 г.
103. Он же. Знаток российской артиллерии. // Оренбургская неделя, 1992. № 48, 49.
104. Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Румынский фронт. М., 1922.
105. Таскина Е. Неизвестный Харбин. М., 1994.
106. Унбегаун Б. О. Русские фамилии. М., 1995.
107. Филатьев Д. В. Катастрофа белого движения в Сибири. Париж, 1985.
108. Черкасов П. Штурм Перемышля. Л., 1927.
109. Четков В. На полях Маньчжурии. // Артиллеристы. М., 1939.
110. Шилов Д. Н. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус в эпоху императора Николая Первого. // Оренбургское казачье войско. Исторические очерки. Челябинск, 1994.
111. Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М., 1987.
112. Эйхе Г. Х. Уфимская авантюра Колчака (март-апрель 1919 г.). М., 1960.
113. Он же. Опрокинутый тыл. М., 1966.

6. Справочные издания

114. Деятельность Офицерской артиллерийской школы в 1907 г. СПб., 1908.
115. Деятельность Офицерской артиллерийской школы в 1909 г. СПб., 1910.
116. Михайловская артиллерийская академия и училище в год их 75-летия. СПб., 1896.
117. Михайловская артиллерийская академия и училище в годовщину 500-летия русской артиллерии. СПб., 1899.
118. Михайловская артиллерийская академия и училище накануне их разделения. СПб., 1899.

119. Отчет по управлению инспектора артиллерии 1-й Маньчжурской армии. М., 1906.
120. Полевая артиллерия. По 1 мая 1902 г. Справочная книга императорской Главной квартиры. СПб., 1902.
121. Приемная программа для поступления в 1-й класс кадетского корпуса. СПб., 1882.
122. Расписание сухопутных войск, исправленное по 25 июля 1898 г. СПб., 1898.
123. Расписание сухопутных войск, исправленное по 1 апреля 1903 г. СПб., 1903.
124. Сведения о стрельбе полевой артиллерии. Курс полевого отдела Офицерской артиллерийской школы. Вып. 3. СПб., 1909.
125. Список полковникам по старшинству, составлен по 1 марта 1913 г. СПб., 1913. Ч. 1—3.
126. Список генералам по старшинству, составлен по 15 апреля 1914 г. Пг., 1914.

7. Публицистика и художественная литература

127. Блюхер В. К. К истории 30-й стрелковой дивизии.//Статьи и речи. М., 1963.
128. Волкова М. С русской песней по всему свету.//Луч Азии (Харбин), 1938. № 49.
129. Косарева Л. «Рад встретиться с вами на Родине».//Южный Урал (Орск), 23 декабря 1994 г.
130. Куприн А. И. Юнкера.//Колесо времени. Избранные произведения. М., 1986.
131. Ленин В. И. Речь о борьбе с Колчаком.//Полн. собр. соч. Т. 38.
132. Несмелов А. Стихотворения.//Вольная Сибирь (Прага), 1929. № 6—7.
133. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ.//Мал. собр. соч. М., 1991. Т. 5.
134. Табурно И. Правда о войне. СПб., 1905.

Принятые сокращения

ГАОО — Государственный архив Оренбургской области
 ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
 РГВА — Российский государственный военный архив
 РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
 ф. — фонд
 оп. — опись
 д. — дело
 л. — лист

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Глава первая. Истоки	5
Глава вторая. «Звание скромное и гордое — кадет»	10
Глава третья. Михайловское артиллерийское	18
Глава четвертая. Начало военной карьеры	38
Глава пятая. Маньчжурский фронт	46
Глава шестая. На службе царю и Отечеству	55
Глава седьмая. В огне войны	64
Глава восьмая. Смута	75
Глава девятая. За белое дело	88
Глава десятая. На главном направлении	110
Глава одиннадцатая. Вагон № 155	140
Глава двенадцатая. Чужие берега	166
Вместо заключения	180
Примечания	184
Библиография	194

Евгений Волков

СУДЬБА КОЛЧАКОВСКОГО ГЕНЕРАЛА

Технический редактор *Овчинникова Н.*

Л. Р. № 010249 от 22 октября 1997 г.
Сдано в набор 10.02.99. Подписано в печать 18.03.99.
Формат издания 60 × 84¹/₁₆. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,63 + 0,47 вкл. Уч.-изд. л. 13,58.
Тираж 500 экз. Заказ № 487.

ФГУИПП «Уральский рабочий»
620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

